

№ 3, декабрь 2011

ВЕСТНИК *Института*
Социологии

www.vestnik.isras.ru

НАУЧНЫЙ
ЭЛЕКТРОННЫЙ
ЖУРНАЛ

Тема номера:

**Человеческий потенциал
русской модернизации**

/ Актеры русской
модернизации

/ Проблема
неравенства в образовании

/ Перспективы политической
модернизации в РФ

/ Социокультурное:
от понятия к оппозициям

/ Социальный капитал
польского села

Международный редакционный совет

Председатель:

ЯДОВ Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований ИС РАН, декан социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна — доктор социологических наук, профессор, директор института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета;

ДИБИРОВ Абдул-Насир Зирарович — доктор политических наук, Заслуженный деятель науки Республики Дагестан, ректор Дагестанского института экономики и политики;

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН;

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович — доктор социологических наук, руководитель Центра социологии образования, науки и культуры ИС РАН;

КОССЕЛА Кшиштоф — профессор Института социологии Варшавского университета (Польша);

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД РФ;

КРАСИН Юрий Андреевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН;

КРУММ Райнхардт — доктор философии, руководитель Российского филиала Фонда им. Ф. Эберта (Германия);

ЛАПИН Николай Иванович — член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии ИФ РАН;

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович — доктор социологических наук, профессор, проректор Казанского (Приволжского) Федерального университета;

МИТРОВИЧ Любиша — профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Сербия);

МОРГАН Джон Уильям — доктор философии, профессор, Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич — доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета;

ПАН Давэй — доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Ординарный профессор НИУ-ВШЭ;

ЛИ Пэй Лин — профессор, директор Института социологии Китайской академии общественных наук (Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета;

СКВОРЦОВ Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии и проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета;

ТАМАШ Пал — профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Венгрия);

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна — доктор социологических наук, заместитель Председателя Учёного совета и заместитель директора по научной работе ИС РАН;

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич — член-корреспондент РАН, декан факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования»;

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил — академик АН МНР, профессор, директор Академии управления МНР (Монголия).

Редакционная коллегия

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович — академик РАН, директор ИС РАН

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна — д. филос. н., проф., Засл.деят. науки РФ, ИС РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна — д. социол. н., ИС РАН;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна — д. социол. н., доц., ИС РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович — к. полит. н., ИС РАН.

Редактор:

КОФАНОВА Елена Николаевна — к. социол. н., ИС РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. — к. социол. н., ИС РАН;

БЫЗОВ Л. Г. — к. э. н., ИС РАН;

ГОРБУНОВ В. В. — д. ист. н., ИС РАН;

ГОФМАН А. Б. — д. социол. н., проф., ИС РАН;

ДАНИЛОВА Е. Н. — к. филос. н., ИС РАН;

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. — к. филос. н., ИС РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. — к. ист. н., ИС РАН;

ЗУБОК Ю. А. — д. социол. н., проф., ИСПИ РАН;

КЛЮЧАРЁВ Г. А. — д. филос. н., проф., ИС РАН;

МАГУН В. С. — д. псих. н., ИС РАН;

МАРКИН В. В. — д. социол. н., проф., ИС РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. — к. ист. н., ИС РАН;

РЫЖОВА С. В. — к. социол. н., ИС РАН;

СОГОМОНОВ А. Ю. — к. ист. н., ИС РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. — д. ист. н., проф., ИС РАН.

Содержание

<i>Горшков М. К.</i> Представляю номер.....	5
Тема номера: Человеческий потенциал российской модернизации.....	10
<i>Тихонова Н. Е.</i> Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта	10
<i>Мареева С. В.</i> Экономическое сознание россиян и процессы модернизации	28
<i>Петухов В. В.</i> Перспективы политической модернизации в России и развитие гражданской активности населения	47
<i>Кирута А. Я.</i> Влияние неравенства на качество человеческого потенциала в России	67
<i>Ключарев Г. А.</i> Человеческий капитал и проблема неравенств в модернизирующемся образовании	88
<i>Авраамова Е. М., Токсанбаева М. С.</i> Особенности занятости в России и перспективы формирования российского среднего класса как актора модернизации .	106
<i>Тихонова Н. Е.</i> Акторы российской модернизации в восприятии населения и в реальности	120
К методологии научных исследований.....	141
<i>Темницкий А. Л.</i> Социокультурное: от нерасчлененного понятия к дуальным оппозициям.....	141
Социология села	165
<i>Жвितिашвили А. Ш.</i> Институциональная динамика российского села: историко-социологический взгляд.....	165
<i>Хагуров А. А.</i> Структура сельского расселения: тенденции и проблемы развития	182
<i>Шафранец К.</i> Социальный капитал польского села (в контексте процессов интеграции Польши в ЕС).....	201
Трибуна молодого учёного	223
<i>Глухов К. В.</i> Система политического планирования в органах государственной власти Российской Федерации	223
<i>Ермолаева П. О.</i> Экологический образ жизни российского и американского студенчества: особенности проявления и проблемы формирования.....	237
<i>Левченко Н. В.</i> Влияние граждан на процесс принятия решений (на примере проблемы бездомных животных) .	255

**М. К. Горшков,
главный редактор
«Вестника Института социологии»,
директор Института социологии РАН,
академик РАН**

Представляю номер

Тема этого номера – «Человеческий потенциал российской модернизации». Вряд ли нужно долго объяснять значимость данной проблематики, ведь конкурентоспособность любой страны связана не только с проводимыми государством на макроуровне реформами, но и со способностью населения на микроуровне поддерживать модернизационные инициативы. Соответственно, без анализа происходящих в российском обществе на микроуровне процессов невозможно ответить на вопросы о том, возможна ли реализация предложенного президентом страны модернизационного проекта и сможет ли Россия справиться с вызовами, стоящими перед ней на современном этапе. Именно от того, насколько путь, по которому пойдет развитие модернизационных процессов, будет соответствовать ожиданиям и запросам населения, во многом зависят перспективы страны, связанные с возможностями её успешной интеграции в мировую экономику, и, в конечном счёте, само место России в глобализирующемся мире.

Учитывая важность для оценки перспектив модернизации в нашей стране анализа запроса населения на определённый тип модернизационного проекта и понимания особенностей протекания процессов модернизации в различных сферах (социокультурной, политической и т. п.), первые три статьи данного номера «Вестника Института социологии» мы посвятили именно им. В этих статьях раскрыты некоторые аксиологические и нормативно-институциональные предпосылки и ограничения модернизации, освещено понимание россиянами самого термина «модернизация» и приоритеты модернизационных преобразований, их готовность поддержать ту или иную модель развития страны и видение оптимального типа экономического развития России в будущем, охарактеризованы основные проблемы и возможные рамки политической модернизации российского общества.

Отдельной проблемой в рамках тематики «Человеческий потенциал российской модернизации» выступает вопрос состояния и перспектив человеческого капитала россиян, т. е. их знаний, навыков, квалификаций и компетенций – ведь в со-

временной экономике именно человеческий капитал составляет основу национального богатства, и говорить о возможности преодоления сырьевого вектора развития экономики страны без наращивания человеческого капитала её населения просто невозможно. Вот почему самостоятельным сюжетом, которому посвящены следующие три статьи номера, стала проблема оценки качества человеческого капитала россиян и человеческого потенциала страны в целом¹, а также того, какие факторы определяют сложившуюся ситуацию.

Наконец, последняя статья из числа посвящённых основной теме номера рассматривает субъектные предпосылки модернизации страны. В ней выделены социальные группы, обладающие, по мнению населения, наибольшим модернизационным потенциалом, а также группы, чьи интересы объективно противоречат задачам проведения модернизации, и приведены результаты сравнения этих представлений с тем, в каких группах локализованы сторонники модернизационного проекта, способные выступить его опорой и движущей силой.

Такова общая логика номера. Но каждый из входящих в него материалов заслуживает и отдельной характеристики. Первый блок этих материалов, посвящённый отношению россиян к модернизации и протеканию её в различных сферах, состоит из статей С. В. Мареевой, В. В. Петухова и Н. Е. Тихоновой.

В статье Н. Е. Тихоновой «Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта» не только охарактеризовано понимание россиянами смысла и целей этого проекта, но и показано, что, хотя процесс принятия норм и ценностей, характерных для обществ модерна, протекает в России очень противоречиво, наша страна уже довольно далеко продвинулась по пути социокультурной модернизации². В ходе этого процесса часть характерных для национальной культуры норм и ценностей постепенно заменяется другими, зачастую альтернативными, а часть меняет свой смысл. Однако Россия в этом отношении далеко не уникальна – об этом свидетельствует её место на ментальной карте мира, построенной с использованием методики Г. Хофстеда и приведённой в данной статье. Как демонстрирует предпринятый в статье анализ, в российском обществе нет серьёзных ак-

¹ В отличие от человеческого капитала, который всегда индивидуален, связан с особенностями личного опыта и знаний отдельного человека и, как правило, не агрегируется, понятие человеческого потенциала используется для характеристики ситуации с качеством трудовых ресурсов страны в целом – их уровня образованности, здоровья, адаптационных возможностей и т. д.

² Социокультурная модернизация – формирование в ходе перехода к обществам современного типа новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, систем санкций и т. д., а также рационального типа мышления и внутреннего локус-контроля, что, в совокупности, и создает базу для формирования и успешного функционирования в этих обществах новых социальных институтов.

сиологических и нормативно-институциональных препятствий модернизации, ресурс социальных инноваций в нём далеко не исчерпан и дальнейшее движение по пути реформ при определенных условиях может быть поддержано обществом.

Вторая статья – «Экономическое сознание россиян и процессы модернизации» – принадлежит перу молодого, но уже известного своими публикациями ученого из Института социологии РАН С. В. Мареевой. В статье говорится об особенностях экономического сознания россиян и их совместимости с процессами модернизации. В ней показано, что оптимальная с точки зрения населения экономическая модель предполагает государство как главный субъект экономической деятельности, под жёстким контролем которого осуществляется распоряжение ключевыми ресурсами на благо всего общества. Желаемая степень вмешательства государства в экономику различается в разных социальных группах и зависит от общей ситуации в стране, но основополагающая идея о его ведущей роли остаётся неизменной. Автор считает, что представления россиян об оптимальной экономической модели для страны и роли в ней государства не противоречат идее модернизации, но задают определённые рамки для моделей модернизационного проекта, возможных в России.

Статья одного из ведущих экспертов в области социологии политики В. В. Петухова «Перспективы политической модернизации России и развитие гражданской активности населения» посвящена одной из наиболее проблемных для нашей страны сторон модернизационного проекта – модернизации политической сферы жизни общества. В статье демонстрируется, что расхожее утверждение о пассивности россиян является не более чем мифом, хотя активность их проявляется в достаточно специфических формах и встречает на своём пути ряд институциональных препятствий. В статье обосновывается необходимость, наряду с институциональной модернизацией, развития разнообразных форм коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации граждан как основы для мобилизации демократических сил России и их активного участия в процессе модернизации политической и общественной жизни.

Второй блок материалов – о состоянии человеческого капитала россиян и причинах сложившейся в этой области ситуации – составляют статья Г. А. Ключарёва и две статьи наших коллег из Института социально-экономических проблем народонаселения РАН Е. М. Авраамовой, А. Я. Кируты и М. С. Токсанбаевой.

В статье А. Я. Кируты «Влияние относительной бедности на качество человеческого потенциала России» рассматриваются некоторые ограничения модернизационного прорыва, связанные с рядом особенностей социальной среды, в частно-

сти – широким распространением бедности в нашей стране. На материалах сравнительных исследований в десятках стран мира автор демонстрирует, что как качество школьного образования в современной России, так и ситуация со здоровьем населения уже сейчас ставят нашу страну в относительно менее выгодную позицию с точки зрения успешности протекания в ней модернизационных процессов по сравнению с другими странами. В статье показано также, что такая ситуация во многом определяется низким уровнем жизни многих россиян, а планируемые в сфере образования и здравоохранения реформы способны лишь усугубить эти негативные тенденции.

В статье известного специалиста в области социологии образования Г. А. Ключарева «Человеческий капитал и проблема неравенств в модернизирующемся образовании» состояние человеческого капитала населения рассмотрено через ограничения на его накопление со стороны самой системы образования в России, во многом отражающей систему существующих в российском обществе социальных неравенств. Показано, что профессиональное образование становится в современной России фактором, не препятствующим, а способствующим нарастанию социального расслоения, и существующая система высшего профессионального образования лишь воспроизводит сложившуюся социально-экономическую структуру с присущим ей гипертрофированным неравенством. Подавляющее большинство населения страны в силу внешних структурных ограничений не имеет сейчас возможности воспользоваться таким «социальным лифтом», как качественное образование, и вынуждено довольствоваться недорогим, некачественным, но доступным профессиональным образованием. Это резко снижает качество человеческого капитала россиян и ресурсы модернизации страны в целом.

В подытоживающей данный раздел статье Е. М. Авраамовой и М. С. Токсанбаевой «Особенности занятости в России и перспективы формирования среднего класса как актора модернизации» рассмотрены влияние на человеческий капитал россиян изменений профессиональной структуры и рынка труда в последние два десятилетия, а также вероятность в контексте этих изменений формирования в России такого успешно выступавшего в других странах в этой роли актора модернизации, как средний класс. В статье показано, что структурные диспропорции российской экономики в 1990-2000-е годы сопровождались существенными дисфункциями в системе оплаты труда. Сложившаяся в итоге совмещения этих процессов ситуация не стимулирует работников к накоплению человеческого капитала. Авторы убедительно демонстрируют также, что современная Россия характеризуется подрывом механизма вертикальной профессионально-квалификационной мобильности. Занятость в сегментах, которые должны быть локомотивами модернизации, оказывается с точ-

ки зрения самих работников малоэффективной по рыночным критериям. Идёт генерация рабочих мест в малопродуктивных формальных и неформальных анклавах рынка, упрощение труда многих категорий работников, ограничение накопления человеческого капитала во всех его формах, а в итоге – подрыв механизма вертикальной трудовой мобильности и сокращение возможностей формирования российского среднего класса как актора модернизации.

Заключительная публикация из числа статей, посвящённых основной теме номера, продолжает начатую в предыдущем материале тему акторов модернизации, что отражается уже в её названии – «Акторы российской модернизации в восприятии населения и в реальности». В этой статье, автором которой является Н. Е. Тихонова, продолжено начатое в других статьях рассмотрение среднего класса как актора модернизации, а также проанализированы основные особенности социальных групп, обладающих наибольшим модернизационным потенциалом. Здесь же нашла отражение и проблема видения населением тех групп, чьи интересы объективно входят в противоречие с задачей модернизации российского общества. Лучше понять модернизационный потенциал российского общества с точки зрения наличия в нём возможных акторов модернизации помогают приведённые в статье «Атлас социальных симпатий и антипатий» и ментальная карта мира, на которой представлено место носителей различных типов мировоззрения из числа россиян по отношению к населению ряда стран, демонстрирующее вектор развития процессов социокультурной модернизации в нашей стране.

В целом, комплексный анализ проблематики человеческого потенциала модернизации, осуществлённый в рамках данного номера известными социологами, экономистами и политологами, даёт развернутое представление как о связанных с этим потенциалом ресурсах и резервах модернизационного прорыва России, так и об ограничениях и препятствиях, связанных с человеческим измерением модернизации. С его помощью становятся не только более понятны многие грани жизни современного российского социума, но и начинают чётче просматриваться возможные перспективы развития нашей страны. Ключевой проблемой среди препятствий для модернизации, как свидетельствуют представленные в этом номере нашего журнала материалы, выступают сегодня в России отнюдь не нормы и ценности россиян или их гражданская пассивность – «корень зла» в объективных условиях их жизни, и прежде всего – в дисбалансе между их желаниями и возможностями, с одной стороны, и сложившейся в последние десятилетия моделью развития российской экономики как преимущественно сырьевой со всеми вытекающими отсюда последствиями, с другой стороны.

Т е м а н о м е р а : Человеческий потенциал российской модернизации

Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта

Тихонова Наталья Евгеньевна –
доктор социологических наук,
зам. директора ИС РАН

E-mail: netichon@mtu-net.ru

Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта¹

Аннотация

В статье исследовано понимание россиянами смысла и целей модернизационного проекта и показано, что, хотя процесс принятия норм и ценностей, характерных для обществ модерна, протекает в России очень противоречиво, страна уже довольно далеко продвинулась по пути социокультурной модернизации. В российском обществе нет сегодня серьёзных аксиологических и нормативных препятствий для модернизации, о чём свидетельствует и место России на ментальной карте мира, построенной с использованием методики Г. Хофстеда и приведённой в статье. Ресурс социальных инноваций в России отнюдь не исчерпан, и дальнейшее движение по пути реформ при определённых условиях может быть поддержано обществом.

Abstract

The paper explores Russians' understanding of the idea and goals of the modernization project. The author shows that although in Russia the process of assuming modern values is contradictory, the country has made certain progress on the road of sociocultural modernization. There are no serious axiological and normative obstacles to modernization in Russia today. An assumption proven among other evidence, by the location of Russia on the world value map constructed on the basis of Hofstede's methodology. Social innovation resources in Russia are far from being exhausted and further reforms can receive support from society on certain conditions.

Ключевые слова: ценности, социокультурная модернизация, культурная динамика, ментальность, методика Г. Хофстеда

Keywords: values, sociocultural modernization, cultural change, mentality, Geert Hofstede's techniques

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Социально-гуманитарный потенциал модернизации России», выполняемого при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-32-03001).

Место России в глобализирующемся мире связано не только с проводимыми на макроуровне экономическими и социальными реформами, но и со способностью населения на микроуровне поддерживать модернизационные инициативы. Эта способность зависит, в свою очередь, и от совпадения предпринимаемых на макроуровне властями страны усилий с ожиданиями населения, и от тех ценностей и норм¹, которыми люди руководствуются в своей повседневной жизни и которые, в конечном счёте, детерминируют их цели, стремления, поведенческие стратегии. В совокупности всё это определяет качество трудовых ресурсов страны и человеческий потенциал модернизации. Отсутствие же на микроуровне предпосылок для благополучного завершения процессов модернизации делает невозможным развитие современных институтов – ведь успешное функционирование любых институтов основывается на определённых ценностях и нормах.

В России проблема совместимости национальных норм и ценностей с задачами модернизации стоит сегодня как никогда остро, хотя впервые проблематика социокультурной модернизации² оказалась в центре внимания научного сообщества ещё в середине 1990-х гг. Именно тогда стало ясно, что все попытки проведения экономических реформ по их либеральному образцу приводят в России к совсем иным результатам, чем ожидалось их инициаторами, и возник вопрос о причинах сложившейся ситуации. При этом в конце 1990-х и начале 2000-х гг. при анализе данных причин представлялось, что речь идёт прежде всего о «наследии советской эпохи». Дальнейшее развитие событий показало ошибочность этих взглядов и ещё резче поставило вопрос о том, сформировались ли в современной России пресловутый “modern man” с такими характерными для него особенностями, как инициативность и нонконформизм, внутренняя мобильность и экономическая рациональность, готовность к инновациям и ориентация на долгосрочный результат, законопослушность и наличие достигательных установок, понимание взаимосвязи личной свободы и персональной ответственности и т. д.? Ведь понятно, что без этих качеств трудно говорить о наличии предпосылок для успешной модернизации на микроуровне. И насколько вообще россияне готовы поддержать идею модернизации, а главное – что они подразумевают под ней?

Отвечая на эти вопросы, прежде всего, необходимо подчеркнуть, что саму по себе идею необходимости модернизации страны россияне поддерживают и достаточно активно. Более

¹ Ценности, в отличие от норм, отражающих некое должествование или же «естественность», «нормальность» определённого положения, поведения и т. д., всегда эмоционально и аксиологически (хочу/не хочу, важно/неважно) окрашены.

² Социокультурная модернизация – процесс формирования при переходе к обществам индустриального типа новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов и т. д., а также рационального типа мышления и внутреннего локуса-контроля.

того, в подавляющем большинстве своём (83%) они верят в то, что модернизация, понимаемая как выведение страны на качественно новый уровень жизни и развития, в России в обозримом будущем возможна. И хотя большинство россиян относят модернизацию по срокам её завершения на дальнюю перспективу – от 10 до 30 лет¹, – но ведь и задачи, которые надо, по их мнению, решить в ходе модернизационных преобразований, чрезвычайно масштабны, и их объективно невозможно реализовать в более короткие сроки.

Основной вектор модернизационных изменений население страны связывает в большей степени с задачами социальной модернизации², прежде всего – обеспечением равенства всех граждан перед законом и соблюдением гарантированных Конституцией прав человека, а не с экономическими или политическими преобразованиями (см. рис. 1), которые часто рас-

Рис. 1. Какая идея должна стать ключевой для модернизации России, % (допускалось два варианта ответа)

считаются как ключевые проблемы модернизации властью и экспертами разных политических взглядов. Смысл столь ярко выраженного запроса на главенство закона нельзя понять без учёта того факта, что формальное равенство всех перед законом, приходящее на смену изначальному неравенству представителей различных сословий, каст и т. д., характерному для немодернизированных, традиционных обществ, является отправной точкой для успешного развития обществ модерна. Не случайно формальное равенство всех членов общества –

¹ Данные общероссийского опроса Института социологии РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010 г.). Далее, если не оговорено иное, используются данные именно этого исследования.

² Модернизацию я рассматриваю как синоним движения к «современности» (modernity), означающий комплекс социальных, политических, экономических, культурных, демографических и т. д. трансформаций, которые отражают тот скачок в социальном состоянии общества, переход его в качественно новое состояние, в ходе которого аграрные, традиционные общества становятся современными, «модернизированными».

Основной вектор модернизационных изменений население страны связывает в большей степени с задачами социальной модернизации, прежде всего – обеспечением равенства всех граждан перед законом и соблюдением гарантированных Конституцией прав человека.

один из ключевых лозунгов буржуазных революций. И, как видим, незавершённость преобразований и острота имеющихся в России именно в этой области проблем ясна уже не только специалистам, но и рядовым гражданам нашей страны.

За запросом на обеспечение равенства всех граждан перед законом и соблюдение гарантированных Конституцией прав человека стоит в первую очередь, конечно, очень глубокое и устойчивое недоверие россиян к судебной и правоохранительной системам¹, свидетельствующее об отсутствии в современном российском обществе эффективных путей и возможностей защиты своих интересов рядовыми гражданами. Однако это явление имеет и другую, ещё более важную сторону – за растущим запросом на роль Закона как ведущего социального регулятора стоят *очень существенные изменения в нормативно-ценностных системах россиян – изменения, по сути дела, постепенно формирующие новую реальность. В этой новой реальности уже Закон, а не Традиция*, нормы которой выступали в её интериоризированном виде как «совесть» («у тебя совесть есть?», т. е. «почему ты не следуешь тем правилам, которые традиционно предписывали вести себя в данной ситуации таким-то образом?»), может быть единственным эффективным регулятором, способным обеспечить россиянам более или менее комфортные условия совместного проживания, а не гоббсовскую «войну всех против всех», породившую в итоге «государство-Левиафана». Это, разумеется, не означает полную отмену регулирующей роли «совести» – и сегодня четыре из пяти россиян убеждены, что в своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него была спокойная совесть и душевная гармония, и это гораздо важнее, чем власть и возможность оказывать влияние на других. Однако в условиях быстрой плюрализации общественной жизни и всё более различающихся у отдельных людей и групп представлений о том, чего требует их совесть, роль последней как социального регулятора всё более уходит на второй план, да и удаётся честно («по совести») прожить жизнь, даже по самооценкам россиян, менее чем 60% из них.

Такая постановка вопроса о причинах предпочтений наших сограждан при выборе приоритетов модернизации вновь, хотя и с несколько иной стороны, подводит нас к вопросу о динамике их нормативно-ценностных систем. И, переходя непосредственно к характеристике этой динамики, в первую очередь надо отметить, что благодаря работам групп М. К. Горшкова и автора данной статьи, Н. И. Лапина и Л. А. Беляевой, Н. М. Лебедевой и А. А. Татарко,

¹ Доверяли судебной системе страны в 2010 г. лишь 19% россиян притом, что не доверяли ей 53% (остальные затруднились ответить на этот вопрос); ещё хуже картина с доверием правоохранительным органам – милиции и органам внутренних дел доверял лишь каждый пятый россиянин при том, что не доверяло им почти 60% населения.

В. В. Магуна и М. Г. Руднева, а также ряда других авторов в социологической науке в последние годы уже достаточно прочно утвердилась точка зрения, что в России сейчас идёт быстрое изменение ценностно-нормативной составляющей национальной культуры. Наиболее характерной особенностью этого процесса выступает рост ценностей самоутверждения и успеха в ущерб ориентации на интересы группы, сотрудничество и взаимопомощь. Этот рост свидетельствует о *дрейфе культуры России от культур коллективистского типа к индивидуалистически ориентированным, хотя о сколько-нибудь массовом доминировании ценностей успеха и преуспевания среди россиян говорить пока не приходится* (см. таблицу 1).

Таблица 1

Динамика выбора россиян в альтернативных парах ценностных суждений о смысле жизни, 1995-2010 гг., %¹

Альтернативные ценностные суждения	1995	2000	2010
В своей жизни человек должен стремиться к тому:			
- чтобы у него была спокойная совесть и душевная гармония	93	94	80
- чтобы у него были доступ к власти, возможность оказывать влияние на других	7	6	20
В жизни главное:			
- хорошие семейные и дружеские отношения	91	92	82
- общественное признание и успех	9	8	18

Идеальная модель жизни для россиян продолжает включать, прежде всего, наличие счастливой семьи, хороших детей и надёжных друзей. Важно для них также прожить свою жизнь честно и быть «не хуже других» (см. рис. 2). При этом в последние годы произошло сокращение тех, кто не имеет никаких достижительных мотиваций, хотя стремление стать богатым за эти годы не усилилось, и прирост достижительных мотиваций происходил в основном за счёт роста распространённости стремления к власти (+9% за 10 лет), ориентации на получение хорошего образования (+7%), а также желания иметь собственный бизнес и получить престижную работу (по 5% прироста). Однако и сегодня идеалом подавляющего большинства россиян остаётся спокойная жизнь в достатке с возможностью заниматься любимым делом, а не богатство и карьера.

Конечно, в различных группах населения есть свои нюансы установок, ценностей и стремлений. Тем не менее, существует общий «каркас» основных жизненных ценностей, который позволяет говорить о том, что ценностная система

¹ Данные всероссийских опросов РНИСиНП «В каком обществе нам жить» (1995) и «Россияне о судьбах России в XX-ом веке и своих надеждах на XXI-й век» (2000), а также всероссийского опроса ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010).

Заметен дрейф культуры России от культур коллективистского типа к индивидуалистически ориентированным, хотя о сколько-нибудь массовом доминировании ценностей успеха и преуспевания среди россиян говорить пока не приходится.

Идеалом подавляющего большинства россиян остаётся спокойная жизнь в достатке с возможностью заниматься любимым делом, а не богатство и карьера.

россиян весьма устойчива и далека от идеала «американской мечты», являющейся основным импульсом мобильности и готовности к инновациям, например, в США.

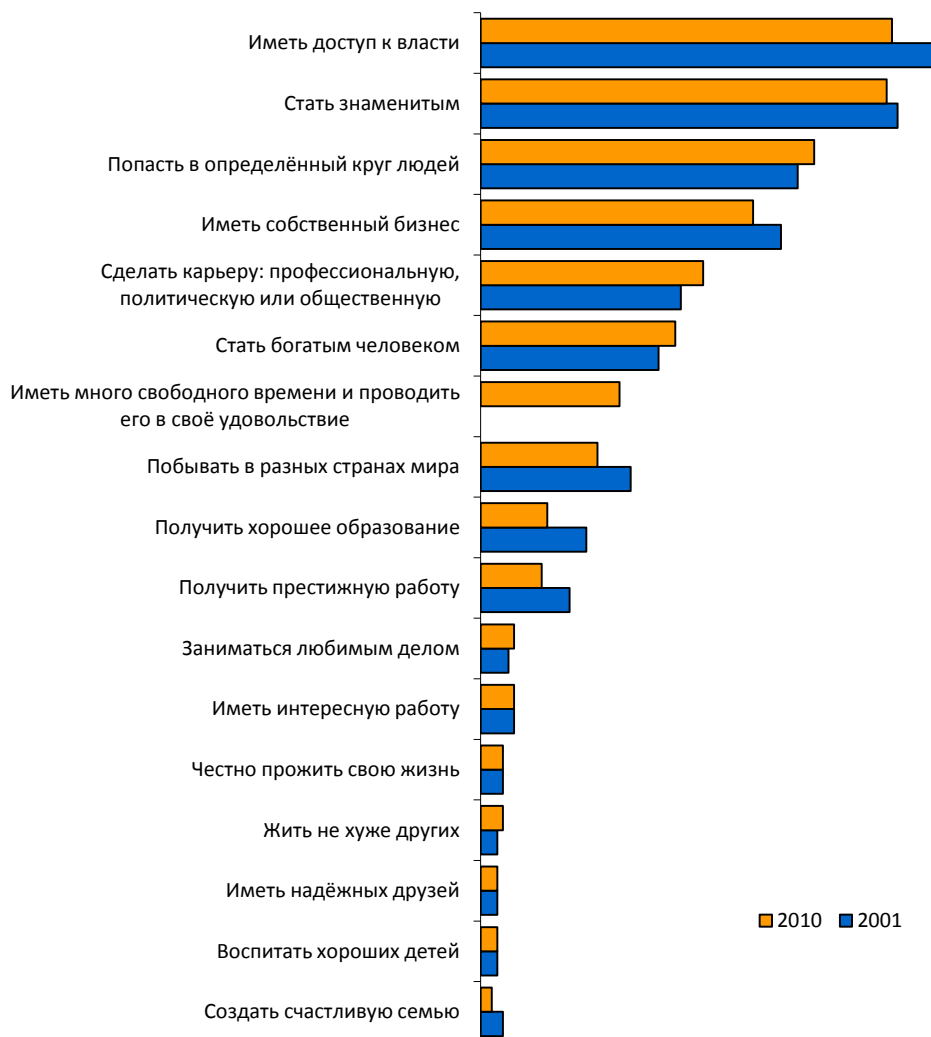

Рис. 2. Успех в каких сферах не входит в жизненные стремления россиян, 2001-2010 гг., %¹

Однако это не означает неспособности россиян поддерживать модернизационные инициативы, поскольку в их системе ценностей есть тот «двигатель», который, при правильном его понимании и использовании, способен придать невиданную динамичность развитию России, так как он носит внутренний, а не внешний по отношению к деятельности людей характер. Этот «двигатель» – интерес к самому содержанию выполняемой работы². Это значит, что россиянам заведомо бесполезно конкурировать с Китаем и «азиатскими тиграми» в области конвейерных производств, это явно не их сильная сторона. Зато

¹ Отранжировано по показателям всероссийского опроса ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010). Часть позиций в анкете опроса 2001 г. отсутствовала, поэтому данные по стремлению иметь много свободного времени на рисунке за этот год не приведены. Данные по стремлению сделать карьеру даны по исследованию 2004 г., а по стремлению иметь доступ к власти – по 2003 г. Данные по позициям, имеющим отношение к работе, даны по трудоспособному населению.

² Интересную работу хотели бы иметь более чем 90% работающих россиян.

«Отчуждённый труд», как и труд без чётко выраженной и понятной связи выполненной работы и полученного вознаграждения за неё, не может не вызывать сдвиг в пользу сугубо инструментального к ней отношения, восприятия её прежде всего через призму приносимой ею материальной отдачи.

в наукоёмких технологиях, в индивидуальном, а не в серийном производстве, они при определённых условиях могли бы быть вполне конкурентоспособны на мировом рынке.

Однако возможности этого мотивационного ресурса не стоит и преувеличивать, поскольку сами по себе рыночные отношения и активное насаждение ценностей общества потребления, особенно в их российской версии, ведут к постепенному падению для россиян ценности интересной работы.

«Отчуждённый труд», как и труд без чётко выраженной и понятной связи выполненной работы и полученного вознаграждения за неё, не может не вызывать сдвигов в пользу сугубо инструментального к ней отношения, восприятия её прежде всего через призму приносимой ею материальной отдачи (см. таблицу 2).

Таблица 2

Выбор россиян в альтернативной паре ценностных суждений о работе, 1995-2010 гг., %¹

Альтернативные ценностные суждения	1995	2000	2010
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни.	63	58	54
Главное в работе – это сколько за нее платят.	37	42	46

Однако проблема эффективной технико-экономической модернизации в России с точки зрения особенностей трудовых мотиваций работающих россиян заключается не столько в том, что заработок всё чаще рассматривается как главное в работе среди, например, рабочих, сколько в том, что специалисты и руководители также стали всё чаще разделять эту норму (см. рис. 3). А вот это уже серьёзная проблема для успешного продвижения по пути инновационной экономики. Тем не менее, специалисты и руководители и сейчас ещё готовы поставить интерес к работе выше заработка в двух третях случаев, а среди рабочих таковых – только 42%. Важнее же всего доход, а не содержание работы, в России для предпринимателей и самозанятых; хотя для них также, как для профессионалов и руководителей, эта мотивация в рамках современных теорий менеджмента считается наименее эффективной.

Кроме того, значимости интереса к работе в общей системе ценностей работников для эффективной деятельности в условиях современной глобальной экономики недостаточно. Необходимы также готовность к постоянному обновлению знаний и навыков, мобильность, инновационный настрой и т. д. Однако динамика распространённости готовности к обновле-

¹ Данные всероссийских опросов РНИСиНП «В каком обществе нам жить» (1995) и «Россияне о судьбах России в XX-м веке и своих надеждах на XXI-й век» (2000), а также всероссийского опроса ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010).

Специалисты и руководители и сейчас ещё готовы поставить интерес к работе выше заработка в двух третях случаев, а среди рабочих таковых – всего 42%.

нию своего человеческого капитала и отношения к инновациям, инициативе и т. п. говорит о противоречивости ситуации в России в этой области за последние 20 лет.

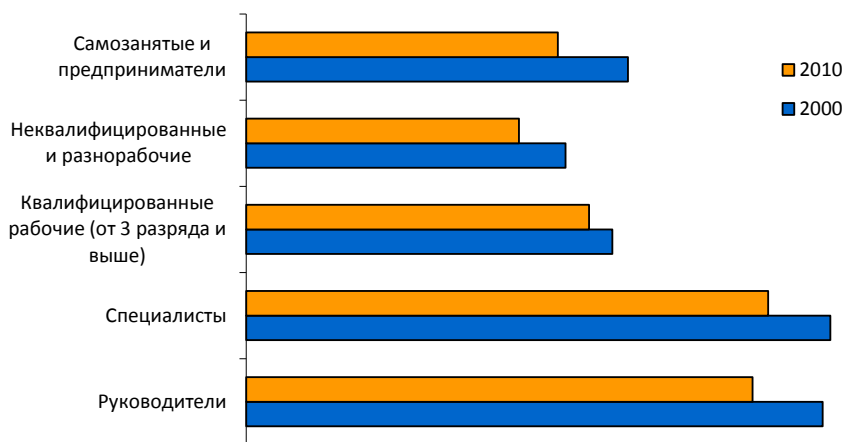

Рис. 3. Динамика выбора некоторых социально-профессиональных групп в дилемме: «Главное в работе – сколько за неё платят» – «Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни», 2000-2010 гг., %¹

Что касается отношения россиян к обновлению своих знаний, повышению квалификации и причин сложившейся в этой области ситуации, то этой проблематике посвящён ряд статей данного номера журнала, поэтому я ограничусь лишь констатацией того факта, что участие россиян во всех формах обновления своих знаний (как формальных, так и неформальных) в последние годы сокращается. В то же время значимость хорошего образования для них растёт, как растёт и число лиц, имеющих высшее образование.

Что же касается отношения к инновациям, то *ориентация на инновации, поиск нового среди россиян в последнее десятилетие не только не усиливается, но даже сокращается.*

Так, если в 2000 г. считали, что «главное в жизни – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве», около половины россиян, то за десять лет их число сократилось уже до 43%². При этом соотношение групп, ориентированных на инициативу и следование традициям, в различных возрастных когортах качественно различается (см. таблицу 3), хотя плавное сокращение доли ориентированных на предприимчивость и поиск нового идёт в последние годы во всех возрастных когортах.

¹ Данные всероссийского опроса РНИСиНП «Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на XXI век» (2000) и всероссийского опроса ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010).

² Данные всероссийского опроса РНИСиНП «Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на XXI век» (2000) и всероссийского опроса ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010).

Ориентация на инновации, поиск нового среди россиян в последнее десятилетие не только не усиливается, но даже сокращается.

Таблица 3

Выбор россиян в дилемме: «главное – следование привычному» – «главное – это поиск нового», 2007/2010 гг., %¹

Альтернативные суждения	16–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56–65 лет
2007					
Главное – это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством	37	44	55	55	65
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве	63	54	45	45	34
Главное – это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством	34	52	53	62	68
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве	66	48	47	38	32

Эти процессы разворачиваются на фоне очень противоречивой ситуации с таким важным для формирования нормативно-ценностной системы “modern man” качеством, как **нонконформизм**, являющимся в нормальных рыночных условиях «питательной средой» для развития инновационного типа поведения. Так, в начале реформ 1990-х гг. с характерным для той поры ощущением безграничной свободы действительно фиксировалось доминирование нонконформистских настроений. Однако, возможно в силу серьёзного стресса из-за быстрых и болезненных для населения реформ, повлекших за собой определённую дезориентацию населения, оно сменилось ростом числа сторонников идеологии «не высовывайся» (см. рис. 4).

В самые последние годы, однако, тренд динамики установок россиян на конформизм/нонконформизм снова поменялся. И дело здесь не только в том, что традиционно характерный для молодёжи нонконформизм в последние годы усилился, но и в быстром росте нонконформистских настроений в остальных возрастных когортах, особенно – среди тех, кто старше 40 лет. Так, например, среди россиян, кому «за 60», доля нонконформистов за период 2003-2010 гг. увеличилась на треть – с 24% до 32%. Это очень серьёзные изменения,

¹ Данные всероссийских опросов ИС РАН «Граждане новой России: какие они и в каком обществе хотели бы жить?» (2007) и «Готово ли российское общество к модернизации» (2010).

поскольку в итоге *сегодня среди россиян вновь доминирует уже не конформизм – естественная основа для сохранения Традицией своей доминирующей роли, – а нонконформизм.*

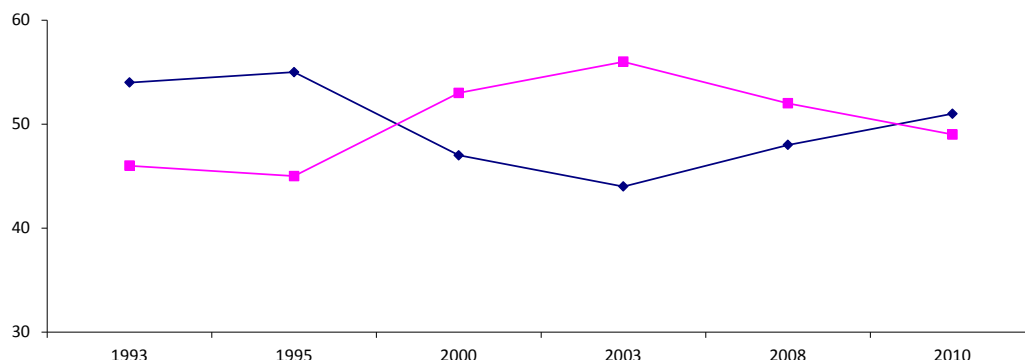

Рис. 4. Выбор в дилемме: «быть яркой индивидуальностью» – «быть как все», %¹

При этом нонконформизм и стремление «выделиться» всё меньше оказываются связаны с самореализацией в работе, занятием любимым делом. Это во многом отражает утрату в последние два десятилетия связи статуса человека в сообществе с его производственной деятельностью и переход функции «определителя статуса» к материальной составляющей жизни, прежде всего – к уровню доходов. Во всяком случае, подавляющее большинство россиян устойчиво называют уровень материальной обеспеченности и во многом вытекающий из него образ жизни как главные основания определения ими своего социального статуса. В 2008 г., например, материальную обеспеченность рассматривали в этом качестве 56%, а образ жизни – 48% при том, что уровень квалификации был значим в этом качестве лишь для 11%, престижность профессии – для 14%, должность – для 16% и т. д.² В итоге всевозрастающая роль денег как определителя социального статуса, столь важного для россиян (вспомним пресловутое «Ты меня уважаешь?»), стимулирует так называемое «престижное потребление» вместо того, чтобы быть, как в более развитых и находящихся ближе к меритократическому идеалу обществах, мощным стимулом к самореализации в труде и карьерных достижениях.

Таким образом, *в современной России сложилась парадоксальная картина – достигательные мотивации и нонконформизм в ней, хотя и медленно, но распространяются, а тесно связанные с ними в обществах модерна установки на инициативу, предприимчивость, инновационность и т. д.*

¹ Данные всероссийских опросов РНИСиНП (мониторингового исследования (1993), опросов «В каком обществе нам жить» (1995) и «Россияне о судьбах России в ХХ-м веке и своих надеждах на ХХI-й век» (2000)), ИКСИ РАН «Богатые и бедные в современной России» (2003) и ИС РАН «Малообеспеченные в современной России» (2008) и «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010).

² Данные исследования Института социологии РАН «Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?» (2008).

Сегодня среди россиян вновь доминирует уже не конформизм – естественная основа для сохранения Традицией своей доминирующей роли, – а нонконформизм.

Кредит доверия населения к модернизационному проекту должен подпитываться реальным улучшением повседневной жизни россиян уже в ближайшие годы.

становятся всё менее типичными, как сокращается и значимость «интересности» работы с одновременным ростом значимости дохода от неё.

Это изменение ценностей и установок россиян не означает, однако, их полной неспособности поддержать на микроуровне идеи модернизации – оно означает лишь, что *кредит доверия населения к модернизационному проекту должен подпитываться реальным улучшением повседневной жизни россиян уже в ближайшие годы.* Они не готовы ждать этого улучшения ни 5, ни 10, ни 20 лет. Не означает это и общей утраты российским обществом социального динамизма и готовности к переменам. После двух десятилетий непрерывных изменений, когда, казалось бы, так естественно желать «успокоения», почти 60% россиян говорят о том, что им нравится жить в постоянно меняющемся мире. Подтверждает сохранение социального динамизма у большей части россиян и анализ «коллективного бессознательного». Практически по всему блоку понятий, семантически соотносимых с движением, развитием, социальной мобильностью («эффективность», «темп», «модернизация», «риск», «будущее», «наука» и др.), у россиян устойчиво фиксируется заметное превышение симпатий над антипатиями.

Таким образом, при всей неоднозначности динамики отношения россиян к инициативе, инновациям и т. п., оценивая наличие в общественном сознании внутренних импульсов для развития страны, можно констатировать, что в нём и *до сих пор преобладает ориентация на перемены, мобильность, а не на консервацию окружающей действительности. Это позволяет говорить о том, что ресурс социальной инновации в российском обществе отнюдь не исчерпан и дальнейшее движение по пути реформ может быть поддержано обществом.* В то же время стоит учитывать, что, по мнению большинства (58%) россиян, это должны быть всё-таки не кардинальные реформы, а эволюционное развитие. Такая их позиция отражает, видимо, ту противоречивость динамики нормативно-ценностных систем наших сограждан в последние годы, о которой говорилось выше.

Противоречива и ситуация с отношением россиян к закону, соблюдение которого – одна из важнейших предпосылок успешного протекания модернизационных процессов. Динамика этого отношения отражает протекание в российском обществе процесса смены механизмов социального воспроизводства и контроля: переход от традиции («неписанного права») как ведущего регулятора социальных отношений к системе «писанного права» – законам, инструкциям и т. п. Данные свидетельствуют о том, что *в России постепенно растёт понимание роли и значимости эффективного законодательства в жизни общества* – если в 2004 г. лишь 39% населения

До сих пор преобладает ориентация на перемены, мобильность, а не на консервацию окружающей действительности. Это позволяет говорить о том, что ресурс социальной инновации в российском обществе отнюдь не исчерпан и дальнейшее движение по пути реформ может быть поддержано обществом.

считало, что для России хорошие законы важнее хороших руководителей, то в 2010 г. таковых было уже 48%. Учитывая, что речь идёт о сравнительно коротком временном периоде, такой рост понимания значимости институциональных, а не персональных факторов развития свидетельствует о достаточно быстрой перестройке общественного сознания в данной области. Об этой же тенденции свидетельствуют не только резкое падение за последние годы толерантности россиян к возможности влияния государства на правосудие, даже если этого требуют интересы государства (с 46% до 38% за период с 1998 по 2010 гг.), но и растущее в их среде понимание, что законы надо соблюдать в любом случае (см. рис. 5). И хотя группа считающих, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет, – главное, чтобы это было справедливо, по-прежнему очень многочисленна, всё же впервые за время наблюдений она составляет ныне менее 50% населения, сократившись за 15 лет примерно на четверть в относительном выражении. Снизилась за это время и доля увязывающих необходимость соблюдать закон с тем, насколько законопослушны представители органов власти, зато выросла доля тех, кто полагает, что всегда и во всём следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реалиям.

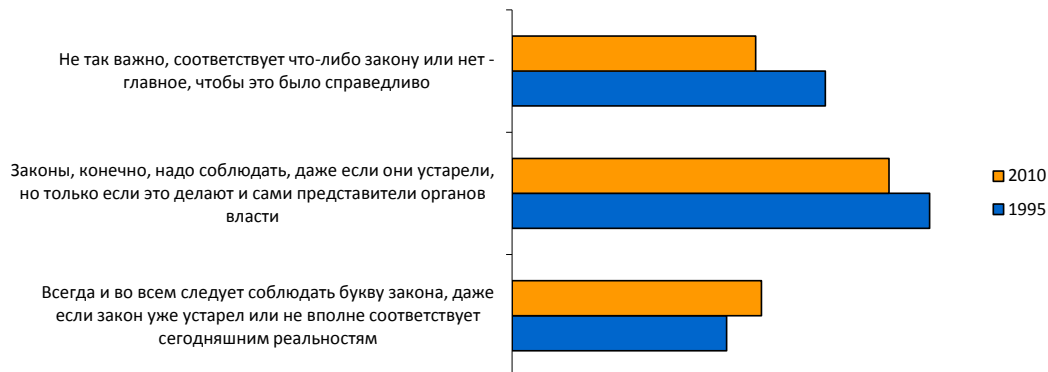

Рис. 5. Согласие с суждениями, отражающими особенности отношения россиян к закону, 1995/2010 гг., % от сумевших определить свою позицию в соответствующих вопросах¹

За этими изменениями стоит *всё большая готовность к принятию Закона как основного социального регулятора – готовность, без которой любые попытки модернизации, в том числе и технико-экономической, заведомо обречены на провал.* Тем не менее, несмотря на все эти изменения, отражающие ярко выраженный запрос россиян на то, чтобы закон как социальный регулятор, наконец, заработал, *наши сограждане и в настоящее время остаются в массе своей сторонниками того, что, во-первых, нормы закона обязательны*

¹ Данные общероссийских исследований РНИСиНП «В каком обществе нам жить» (1995) и ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010). По каждой из переменных, представленных на рисунке, ответ выбирался отдельно.

для всех и только в этом случае они их готовы соблюдать, а во-вторых, что эти нормы прошли моральную легитимизацию, т. е. соответствуют их представлениям о социальной справедливости.

Ярким проявлением такой их позиции выступает и отношение россиян к необходимости выполнять распоряжения руководителей независимо от того, убеждены они в их правоте или нет. Хотя доля считающих, что руководителям нужно подчиняться только в случае согласия с их требованиями, выросла за последние 15 лет на 4%, свыше двух третей работающих россиян по-прежнему к этому не готовы. Причём это убеждение является некоей общей социокультурной нормой, поскольку его разделяют (в среднем примерно в двух третях случаев) даже предприниматели, имеющие наёмных работников, и руководители разных уровней. И даже в армии, правоохранительных и других силовых структурах лишь половина считает, что распоряжения руководства надо выполнять в любом случае, а остальные сотрудники силовых структур убеждены, что надо выполнять лишь те распоряжения, с которыми они согласны. Вряд ли можно в этих условиях ожидать укрепления технологической дисциплины, столь важной для модернизации российской экономики и развития высокотехнологичных отраслей.

Однако постепенно в России формируются предпосылки для того, чтобы на место «вольницы», где каждый делает лишь то, что хочет и с чем согласен, пришли нормы и модели поведения современных обществ с их уважением к закону, эффективно работающей судебной системой и умением отстаивать свои групповые интересы в рамках предложенных институциональных форм. Об этом свидетельствует не только запрос россиян на активизацию Закона как социального регулятора и их видение необходимости изменений в этой области как ключевой идеи модернизации, но и ряд других фактов, в т. ч. динамика восприятия россиянами свободы. В российском обществе идёт сейчас постепенный процесс вытеснения понимания свободы как «воли», восприятия её как «свободы от...» её современным пониманием как «свободы для...», т. е. как свободы защищать свои интересы в рамках предусмотренных законом форм. Так, если 15 и даже 10 лет назад в двух альтернативных определениях свободы («Свобода – это возможность быть самому себе хозяином» и «Свобода человека реализуется в его политических правах и свободах») соотношение выборов в пользу первого и второго составляло 65:35, то сейчас уже – 60:40.

Возможно, если бы «институциональная матрица» российского общества предоставляла большие возможности для активности россиян, эти изменения совершались бы быстрее. Однако пока что возможности что-то радикально изменить

Постепенно в России формируются предпосылки для того, чтобы на место «вольницы», где каждый делает лишь то, что хочет и с чем согласен, пришли нормы и модели поведения современных обществ с их уважением к закону, эффективно работающей судебной системой и умением отстаивать свои групповые интересы в рамках предложенных институциональных форм.

в своей жизни у большинства из них нет. В результате среди россиян и сегодня доминируют установки на зависимость от внешних по отношению к самому человеку обстоятельств, повлиять на которые он не может, внешний локус-контроль, патерналистские ожидания и т. д. При этом уверенность в том, что их материальное положение зависит, прежде всего, от них самих, а не от внешних обстоятельств, и они способны выжить без материальной помощи со стороны государства, характеризует только возрастные когорты до 30 лет. Что же касается готовности россиян разных возрастов принять участие в переменах в стране, то ответственность за их успех даже среди молодёжи возлагается в первую очередь на государство, т. к. люди не верят в то, что в сложившихся в России институциональных условиях от них что-то зависит (см. таблицу 4).

Таблица 4

**Специфика некоторых ценностных ориентаций
в разных возрастных когортах, %**

Ценности (выбор в альтернативных парах)	Возрастные когорты				
	18–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет
Я уверен, что смогу обеспечить себя и свою семью сам, и потому не нуждаюсь в материальной помощи со стороны государства.	53	45	42	33	12
Без материальной поддержки со стороны государства мне и моей семье выжить сложно.	47	55	58	67	88
Моё материальное положение в настоящем и будущем зависит прежде всего от меня.	59	54	50	35	20
От меня мало что зависит – важно, какая экономическая ситуация будет в стране.	41	46	50	65	80
Перемены в российском обществе надо проводить «сверху», и власть должна контролировать их проведение.	58	65	65	66	71
Перемены надо проводить «снизу», опираясь не на власть, а на инициативных людей, здоровые силы внутри самого общества.	42	35	35	34	29

Ценности (выбор в альтернативных парах)	Возрастные когорты				
	18–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет
В делах страны многое зависит от простых граждан.	23	21	19	20	17
В делах страны ничего не зависит от простых граждан, всё зависит от руководителей и политиков.	77	79	81	80	83

Впрочем, ожидание помощи со стороны государства и неуверенность в собственных силах, вопреки распространённым убеждениям, – не столько норма российской культуры, сколько реакция на сложившуюся в последние 20 лет в России ситуацию. Еще в 1990 г., например, среди россиян доминировала норма, что ответственность за самообеспечение в большей степени должны нести сами люди, а не государство¹. Решающую роль в переходе от ориентации на собственные силы к ожиданию помощи со стороны государства сыграло формирование в ходе реформ такой системы общественных отношений, где ключевую роль, по мнению населения страны, играют не столько личные усилия, сколько связи и везение – 57% работающих россиян считают, что в современной России не упорный труд, а связи и везение являются залогом успеха в жизни.

Более того – запрос россиян к государству на рост его ответственности за положение рядовых граждан отнюдь не является чем-то уникальным в ряду остальных стран (см. рис. 6).

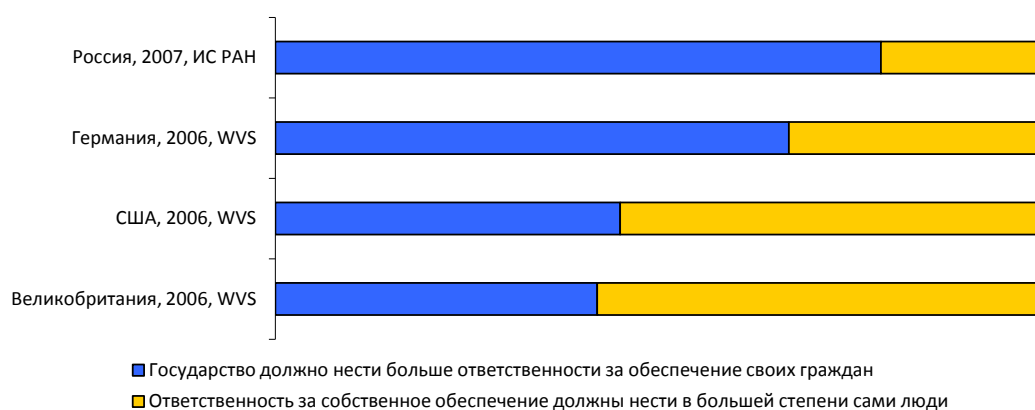

Рис. 6. Распространённость патерналистских настроений у граждан разных стран мира, % от ответивших²

¹ Данные World Value Survey (WVS) 1990 г. (вторая волна: 1989-1993 гг.). Расчёты на массиве данных WVS проводились к. э. н. В. А. Аникиным.

² Данные всероссийского опроса ИС РАН «Российская идентичность в социологическом измерении» (2007) и международного сравнительного исследования "World Value Survey" (WVS) за 2006 г.

Не уникальна и характерная для современного состояния нормативно-ценностных систем россиян слабая распространённость ценностей индивидуальной карьеры и преуспевания, которые являются основой экономической активности населения в западных культурах. Об этом свидетельствуют, в частности, данные о месте России на условной ментальной карте мира (см. рис. 7), построенной с использованием методики измерения национальных культурных характеристик Г. Хофстеда¹.

По типу своей нормативно-ценностной системы Россия тяготеет скорее к «Западу», чем к «Востоку», хотя своеобразное, а в ряде случаев даже парадоксальное, сочетание различных культурных характеристик в ней позволяет говорить о специфичности характерной для неё системы ценностей и норм.

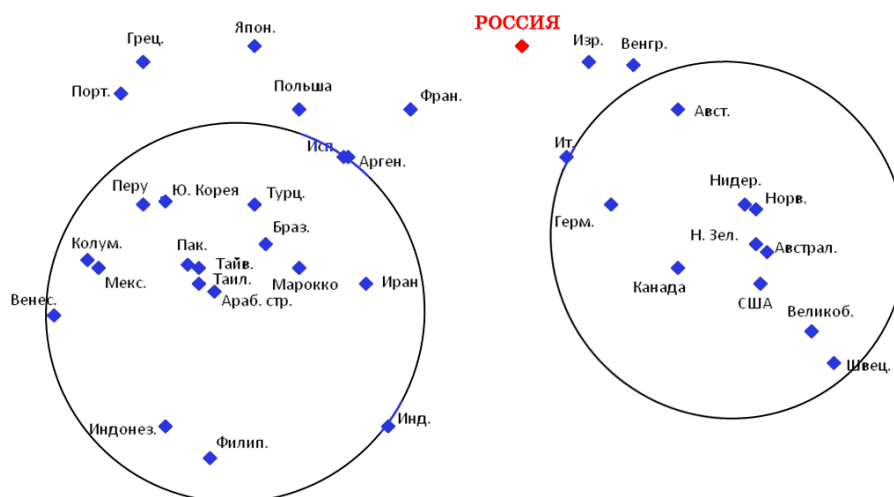

Рис. 7. Место России на условной ментальной карте мира²

В правой части рис. 7 чётко сгруппировались страны с европейскими культурными корнями, включая Канаду и США. В левой части – в основном страны неевропейских культур, в которых процессы социальной и социокультурной модернизации ещё не завершены. При этом Россия оказалась за рамками обоих этих кластеров, а её ближайшим соседом стал Израиль. Таким образом, по типу своей нормативно-ценностной системы Россия тяготеет скорее к «Западу», чем к «Востоку», хотя своеобразное, а в ряде случаев даже парадоксальное, сочетание различных культурных характеристик в ней позволяет говорить о *специфичности характерной для неё системы ценностей и норм*. Впрочем, в этом отношении

¹ Методика Г. Хофстеда уже около полувека успешно применяется в десятках стран мира. В отличие от таких известных методик измерения ценностей, как методики Ш. Шварца или Р. Инглхардта, она апеллирует прежде всего к нормам и ценностям, определяющим поведение человека на работе, что имеет особое значение для оценки перспектив технико-экономической модернизации, позволяя, впрочем, прогнозировать и вектор изменений более инертных «внепроизводственных» отношений. В её основе лежит расчёт показателей по 4 шкалам: толерантность к неравномерному, иерархизированному распределению власти («Дистанция власти»); доминирование ценностей, традиционно рассматриваемых как «мужские» (достижение, успех) или «женские» (теплые личные отношения, взаимопомощь) («Маскулинность»); высокая значимость личных интересов («Индивидуализм»); стремление к ясности и чёткости правил, в соответствии с которыми организован внешний мир, и сведению к минимуму «эффекта неопределённости» («Избегание неопределённости»).

² Карта построена к. с. н. Н. В. Латовой на основе результатов многомерного шкалирования.

она в мире далеко не одинока, а близость её с Израилем или Венгрией, вполне успешно осуществляющими технико-экономические модернизационные преобразования, уже сама по себе говорит о том, что никаких принципиальных «противопоказаний» со стороны нормативно-ценностных систем населения для такого рода преобразований в ней нет.

Подведём итоги

Несмотря на противоречивость и неоднозначность динамики нормативно-ценностных систем россиян, в российском обществе есть значительный социокультурный ресурс для модернизационного рывка, а россиянам по-прежнему присущи внутренний динамизм и готовность к переменам. Более того – страна достаточно далеко продвинулась за последние полтора десятилетия по пути социокультурной модернизации. В ходе этого процесса часть норм и ценностей заменялась для россиян другими, зачастую альтернативными, а часть изменяла свой смысл.

При этом социокультурная модернизация может и дальше протекать в России достаточно быстрыми темпами – невзирая на интенсивность перемен в течение двух последних десятилетий, в российском обществе ещё не наступила усталость от перемен как таковых и существует потенциал для динамичных изменений. Однако вектор модернизационных преобразований в сфере технико-экономической модернизации, реализуемой «сверху», должен учитывать особенности национальной ментальности; в частности, неприемлемость прямого заимствования и насаждения в России типа производственной культуры, характерной для стран либеральной ориентации и малоэффективной с учётом особенностей трудовых мотиваций и нормативно-ценностных систем российских работников.

Цели и задачи модернизационного проекта, который предлагается сегодня властью обществу, должны учитывать в этих условиях специфику и динамику ценностей национальной культуры. Идеологическое обеспечение модернизационного проекта следует построить таким образом, чтобы люди могли увидеть, как реализация этого проекта скажется на сферах жизни, наиболее значимых в их системе ценностей. Необходимо также взаимоувязывание задач технико-экономической и социальной модернизации, ключевым вопросом которой является сегодня в России утверждение роли ведущего социального регулятора за «писанным правом», обеспечение равенства всех перед законом и соблюдение гарантированных российским законодательством прав и свобод граждан.

Т е м а н о м е р а : Человеческий потенциал российской модернизации

Экономическое сознание россиян и процессы модернизации

Мареева Светлана Владимировна – кандидат
социологических наук, старший научный
сотрудник ИС РАН

E-mail: s.mareeva@gmail.com

Экономическое сознание россиян и процессы модернизации¹

Аннотация

В статье на материалах общероссийских исследований проведён анализ особенностей экономического сознания россиян, показана их взаимосвязь с процессами модернизации. Выявлено, что оптимальная экономическая модель, с точки зрения населения, предполагает, что государство является главным субъектом экономической деятельности, хотя в разных социальных группах различаются взгляды на то, какой должна быть степень вмешательства государства в экономику. При этом экономические представления россиян не противостоят идее модернизации, но задают для неё определённые рамки.

Abstract

The paper uses All-Russia survey data to explore Russian economic values and their effect on modernization prospects. It shows that the population claims a key role for the state in an optimal economic model. However, degree of desired governmental interference in economic sphere varies across different social groups. Russians' economic attitudes are not at variance the idea of modernization, but set limits for the process.

Ключевые слова: экономические ценности, роль государства, модернизация, средний класс

Keywords: economic values, role of state, modernization, middle class

Любые планы и стратегии модернизации экономики должны учитывать не только характеристики страны в целом, но и особенности экономического сознания населения. В данной статье мы рассмотрим представления россиян об оптимальной экономической модели для России и другие особенности их экономического сознания, и на основании проведённого

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Социально-гуманитарный потенциал модернизации России», выполняемой при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-32-03001).

анализа сделаем выводы о совместимости или противоречиях между экономическим сознанием населения и модернизационными процессами.

Начнём с представлений наших сограждан об оптимальной для России экономической модели – ведь именно они задают основные ограничения при выборе дальнейших путей развития страны и её модернизации. Данные исследований¹ показывают, что большинство россиян видит роль государства в экономике как ключевую. *Поддержку наибольшей части респондентов получает модель экономической сферы жизни общества, согласно которой государство восстановит государственный сектор, одновременно расширив экономические возможности для населения. При этом классическая рыночная экономика, вмешательство государства в которую сводится к минимуму, а ведущая роль в экономической сфере жизни переходит к частным акторам, практически не поддерживается россиянами – за последние 10 лет доля выбирающих такую модель не превышала 10% (см. таблицу 1).*

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, какой тип государства по отношению к экономике в наибольшей степени отвечает интересам Российской Федерации?», 1994-2011 гг., % от ответивших²

Варианты ответа	1994	2001	2011
Государство, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики, контроль над ценами	18	21	28
Государство, которое своё вмешательство в экономику сведёт к минимуму, предоставив максимальную свободу частной инициативе	15	9	9
Государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширив частные экономические и политические возможности граждан	44	43	41
Тип государства не имеет значения; стране нужен лидер, который возьмёт на себя всю ответственность за происходящее в России и будет проводить решительную политику	23	27	22

¹ Эмпирической базой для данной статьи послужили данные, полученные в ходе общероссийских исследований Российского независимого института социальных и национальных проблем, Института комплексных социальных исследований РАН и Института социологии РАН в 1994-2011 гг. Все исследования проводились по однотипной выборке, представляющей население России по полу, возрасту, региону и типу поселения.

² Данные мониторингового исследования Российского независимого института социальных и национальных проблем (1994), а также исследований Института комплексных социальных исследований РАН «Новая Россия: десять лет реформ» (2001) и Института социологии РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян» (2011).

Как видно из приведённых данных, население страны оказывается, с одной стороны, достаточно неоднородно по своим представлениям о надлежащей роли государства в экономике: ни один из вариантов ответа не был поддержан более чем половиной россиян. С другой стороны, *модель, связанная со свободной рыночной экономикой, не принимается населением*, и в этом смысле в обществе существует определённый консенсус. При этом *41% россиян поддерживают экономику, основанную на государственной собственности, но с элементами рыночной экономики; 28% выступают за плановую экономику с централизованным регулированием и контролем над ценами*. Наконец, 22% считают, что тип государства в экономике не так важен – главное, чтобы в стране был сильный лидер, который взял бы на себя всю ответственность за происходящее в ней.

Среди групп, чей доход не превышает медианного уровня по стране, ярче выражен запрос на полностью централизованную экономику или на сильного лидера, проводящего решительную политику. У тех же, чей доход выше медианного, выше и запрос на восстановление государственного сектора при расширении возможностей для активности населения. Так, среди наименее обеспеченных россиян (тех, чей доход не превышает половины медианы), запрос на централизованную экономику предъявляли в 2011 г. 34%, на сильного лидера – 27%, а на смешанный тип экономического регулирования – 27%. В группе тех, чей доход более двух медиан, эти доли составляют 22%, 15% и 53%, соответственно.

Запрос на смешанный тип регулирования экономики возрастает не только с ростом уровня дохода, но и с ростом уровня образования: так, среди тех россиян, кто получил лишь начальное или неполное среднее образование, он составляет всего 26%, среди имеющих среднее или среднее специальное образование – 37%, среди имеющих высшее образование – 50%, а среди тех, у кого два высших образования – 59%. Среди наименее образованных респондентов при этом выше запрос на сильного лидера и проведение решительной политики вне зависимости от экономического строя в стране.

Что же касается запроса на свободную рыночную экономику, то он максимален в самой молодой когорте россиян – среди тех, кто моложе 25 лет. В этой возрастной группе такой тип экономической системы поддержали бы 14%. Среди пожилых россиян достигает максимума доля тех, кто выступает за централизованную экономику. Так, для тех, кто старше 60 лет, она составляет 33%. Однако *для всех возрастных когорт преобладающим вариантом остаётся смешанная экономика с доминирующей ролью госсектора*.

Это означает, что *основным актором модернизации население видит именно государство. Если в качестве целей экономической модернизации России будет декларироваться*

Модель, связанная со свободной рыночной экономикой, не принимается населением, и в этом смысле в обществе существует определённый консенсус.

Запрос на смешанный тип регулирования экономики возрастает не только с ростом уровня дохода, но и с ростом уровня образования.

Запрос на свободную рыночную экономику максимален в самой молодой когорте россиян – среди тех, кто моложе 25 лет.

только свободная рыночная экономика, модернизационный проект не будет поддержан населением – для россиян в настоящее время неприемлем «уход» государства из той сферы, где оно, по их мнению, должно играть ведущую роль. И это не следствие завышенных патерналистских ожиданий, как ещё будет показано ниже, а особенности, вытекающие из консенсусной модели отношений общества и государства, при которой различные социальные группы делегируют государству часть своих прав в обмен на учёт им их интересов и проведение политики, нацеленной на всеобщее благо.

Продолжая обсуждение роли государства в экономике в представлениях россиян, посмотрим, управление какими отраслями и сферами население хотело бы видеть в руках государства, а какие отнесло бы в сферу компетенций частного сектора (см. рис. 1).

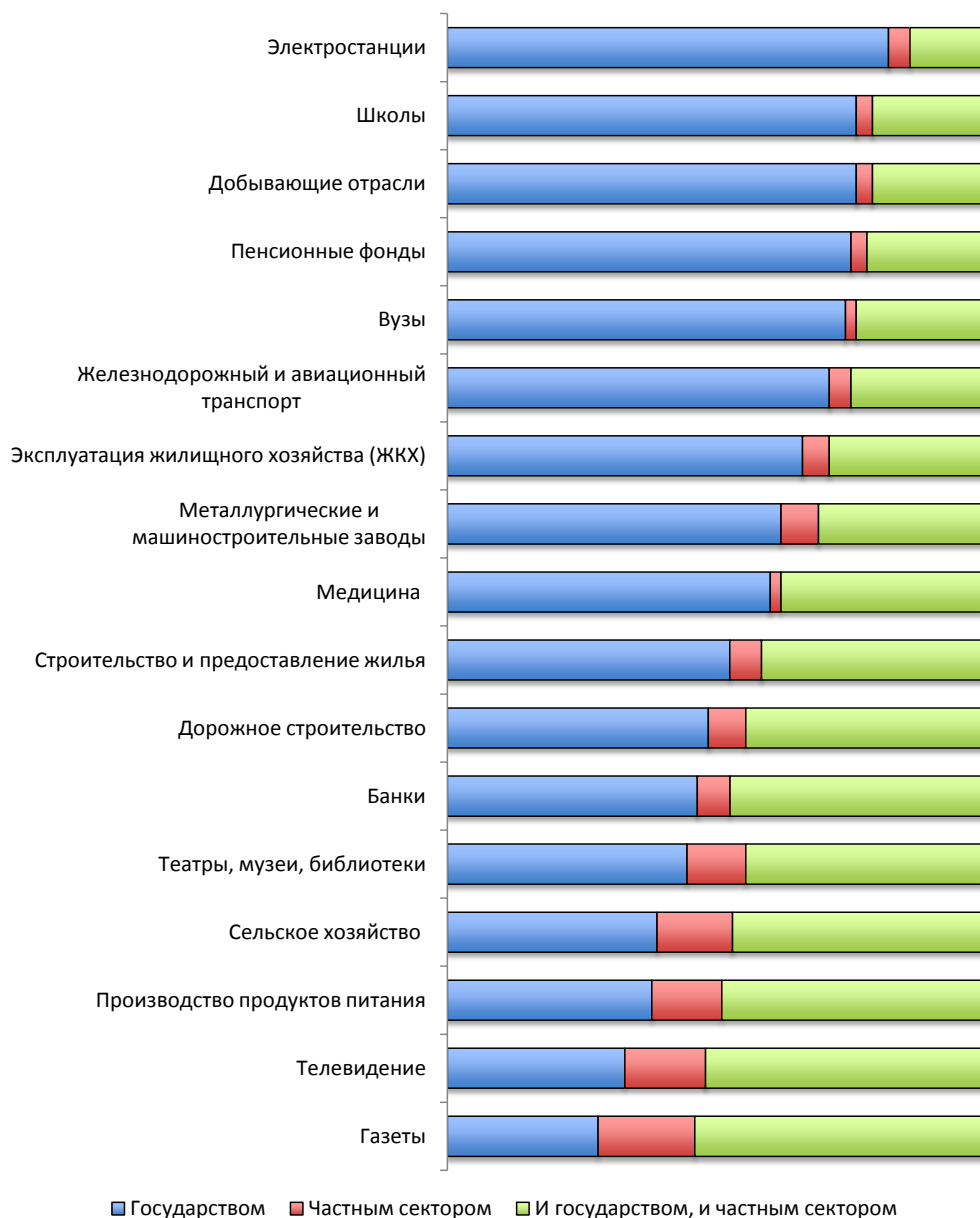

Рис. 1. Ответ на вопрос «Какие организации должны управляться государством, а какие частным сектором?», 2011 г., %

По распределению ответов на рис. 1 видно, как должна выглядеть структура управления экономической жизнью общества в восприятии россиян и как должны быть распределены полномочия между государственным и частным сектором. *Более 70% респондентов считают, что вся экономическая деятельность, связанная с природными ресурсами страны (электростанции, добывающие отрасли), железнодорожным и авиационным транспортом, а также образованием (школы, вузы) и пенсионным обеспечением, должна управляться исключительно государством.* От половины до двух третей россиян поддерживают полный государственный контроль за сферами строительства, предоставления и содержания жилья, тяжёлой промышленности (машиностроение, металлургия) и медицины. По дорожному строительству, банкам и учреждениям культуры (театры, музеи, библиотеки), доля тех, кто выступает за исключительно государственное управление ими, близка к доле тех, кто поддерживает совместное регулирование их как государством, так и частным сектором. Наконец, в управлении сельским хозяйством, производством продуктов питания, а также СМИ (газеты, телевидение) население хотело бы видеть государственный и частный сектор как равноправных партнеров.

Нужно сказать, что *в управление исключительно частного сектора россияне не готовы передать никакую экономическую деятельность.* Наибольшая доля сторонников полной самостоятельности частного сектора наблюдается в оценке регулирования СМИ, но и там она не достигает даже пятой части населения. Эти данные ещё раз подчеркивают уже отмеченную выше склонность населения страны отводить ведущую роль в экономике государству. Однако эта роль, по мнению россиян, не должна полностью сводиться к централизованному плановому хозяйству и допускает «на правах младшего партнёра» также существование частного сектора и наличие у него «права голоса».

Посмотрим, произошли ли за последние годы какие-либо значимые изменения в распределении мнений по этому вопросу (см. таблицу 2).

Таблица 2

Какие организации, по мнению населения, должны управляться частным сектором, 2001/2011 гг., %

Организации	2001	2011	Разница
Транспорт	49	71	22
Производство продуктов питания	23	38	15
Медицина	50	60	10

Продолжение таблицы 2

Организации	2001	2011	Разница
Вузы	70	74	4
Школы	73	76	3
Эксплуатация жилищного хозяйства	63	66	3
Банки	47	46	-1
Газеты	29	28	-1
Телевидение	35	33	-2
Театры, музеи, библиотеки	48	45	-3
Добывающие отрасли	80	76	-4
Пенсионные фонды	80	75	-5
Электростанции	89	82	-7
Металлургические и машиностроительные заводы	72	62	-10

Как видно из таблицы 2, основные изменения, произошедшие за последние 10 лет, касались, прежде всего, повышения запроса на роль государства в управлении организациями в сфере транспорта, производства продуктов питания, медицины, а также в сфере образования (школы и вузы). При этом на 5% или более снизились запросы на роль государства в управлении пенсионными фондами, электростанциями, металлургическими и машиностроительными заводами; хотя доля тех, кто и сейчас поддерживает исключительно государственное управление организациями, работающими в этих сферах, остаётся очень высокой – от трёх четвертей и более.

Стоит отметить и тот факт, что только в собственности государства россияне хотели бы видеть и природные богатства – ключевой, с их точки зрения, ресурс России. По мнению населения, природные богатства страны должны принадлежать народу (45%) или государству (39%), но никак не официальным их собственникам (2%). Такое распределение ответов, далёкое от ценностей «классической» рыночной экономики, характерно для всех социально-профессиональных групп и устойчиво во времени.

Подобные представления, безусловно, выступают в качестве ограничений для процессов модернизации – использование типичных для западного пути развития моделей экономики в рамках модернизации страны не будет поддержано

основной частью населения. Россияне не готовы к «уходу» государства из экономической сферы и считают, что ключевые, стратегические ресурсы и объекты должны быть в его распоряжении.

Кроме акцента на ведущую роль государства в экономике, экономическое сознание россиян характеризуется и другими особенностями, которые необходимо учитывать при стратегической разработке планов модернизации страны. Так, наших сограждан отличает и специфическое отношение к частной собственности. Даже в настоящий момент каждый пятый отмечает, что в своё время (в начале 1990-х гг.) отнёсся к введению её в стране негативно. Положительное же отношение к введению частной собственности сейчас высказывает лишь чуть более трети населения страны (см. рис. 2).

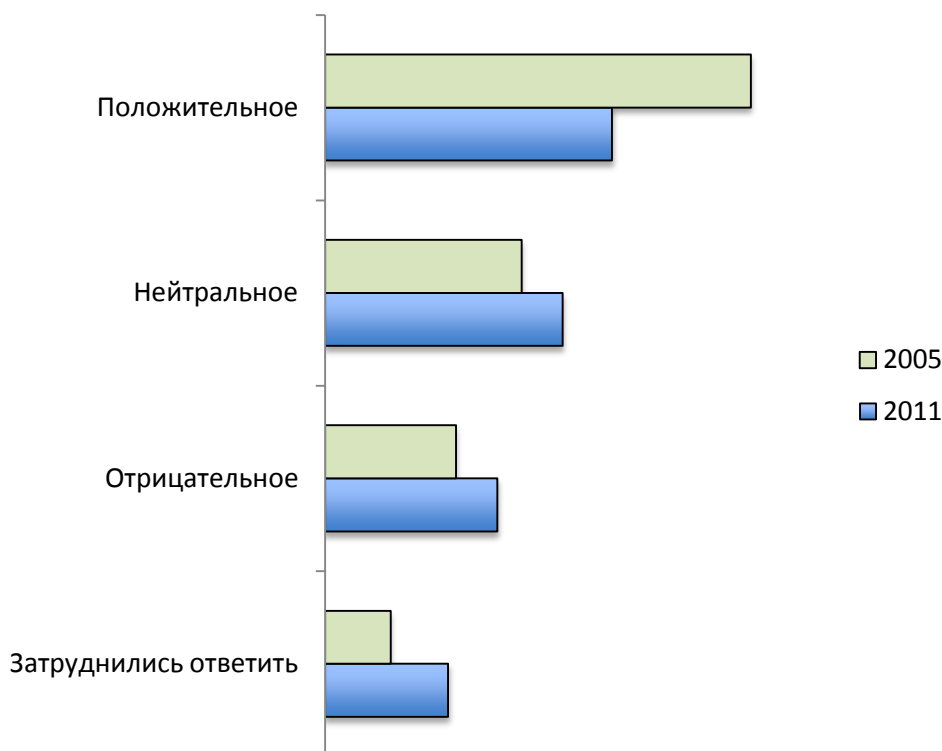

Рис. 2. Динамика отношения россиян к введению в стране частной собственности, 2005¹/2011 гг., %

Показательно, что, по сравнению с 2005 г., поддержка населением введения в России частной собственности сейчас резко снизилась. Тогда более половины россиян высказывали положительное отношение к частной собственности, в то время как доля тех, кто относился отрицательно, составляла только 16%. Сейчас же разрыв между этими группами уменьшился с более чем 3-х раз до 1,5 раз, прежде всего – за счёт сокращения поддерживающих введение в России этого института.

¹ Данные исследования Института комплексных социальных исследований «Собственность в жизни россиян: домьслы и реальность» (2005).

Положительное отношение к введению частной собственности сейчас высказывает лишь чуть более трети населения страны, по сравнению с 2005 г. оно резко снизилось.

Положительное отношение к введению в стране частной собственности значительно возрастает с повышением уровня образования (от 24% среди имеющих образование ниже среднего – до 41% среди респондентов с высшим образованием). Не менее значимым дифференцирующим фактором выступает и возраст – среди тех, кто моложе 25 лет, положительно относятся сейчас к введению частной собственности 50%, а среди тех, кто старше 60 лет, эта доля более чем в два раза ниже – 22%. Значимы и различия между группами с разным уровнем дохода – поддерживают введение в России частной собственности 20% среди имеющих менее половины медианного дохода и 52% тех, чей доход превышает две медианы. В свете всего сказанного выше, неудивительно, что положительно относятся к частной собственности в стране 48% считающих, что их жизнь складывается хорошо, и 23% оценивающих свою жизнь как плохую.

Таким образом, среди населения в последние годы возрастает не только запрос на ведущую роль государства в экономике, но и недовольство наличием частной собственности, распределение которой представляется нелегитимным и приводит к росту негативного отношения к частной собственности вообще. Такое отрицание частной собственности идёт вразрез с ценностями свободной рыночной экономики. Однако проблема состоит для россиян не в частной собственности как таковой, а в нелегитимности, с точки зрения населения, её распределения – т. е. в сложившихся в России институциональных рамках.

Посмотрим теперь на другие особенности экономического сознания россиян – степень толерантности к конкурентной рыночной экономике, трудовые мотивации и готовность принять на себя ответственность за собственную жизнь (см. таблицу 3).

Таблица 3

Согласие с альтернативными ценностными суждениями в разных слоях населения, %¹

Суждения	Доля согласных
Конкуренция – это хорошо. Она заставляет людей напряжённо трудиться, побуждает выдвигать новые идеи	65
Конкуренция вредна, она усиливает в человеке его дурные стороны	34
Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни	60
Равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей	38

¹ В таблице не указаны затруднившиеся с ответом. Объединены данные исследований Института социологии РАН: «Готово ли российское общество к модернизации» (2010) и «Двадцать лет реформ глазами россиян» (2011).

Продолжение таблицы 3

Суждения	Доля согласных
Если упорно трудиться, то в долговременной перспективе это, как правило, оборачивается улучшением жизни	49*
Упорный труд не является причиной успеха – успех в большей степени результат везения и личных связей	51*
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	57
Главное в работе – это сколько за неё платят	42
Моё материальное положение зависит прежде всего от меня	46*
От меня мало что зависит – важно, какая экономическая ситуация будет в стране	54*
Уверен, что смогу обеспечить себя и свою семью сам, и поэтому не нуждаюсь в материальной помощи со стороны государства	34
Без материальной поддержки со стороны государства мне и моей семье выжить сложно	65
Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьётся западный образ жизни	67
Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны	32

Картина, которая вырисовывается по этим данным, достаточно неоднозначна. С одной стороны, россияне в большинстве своём поддерживают конкуренцию (65%) и предпочитают общество равных возможностей обществу равных доходов (60% против 38%), причём эти результаты устойчивы во времени. Таким образом, идеальная модель экономического устройства не связана с ожиданиями всеобщего равенства, которое должно обеспечить государство, и содержит в себе работающие элементы рынка – в частности, конкуренцию. С другой стороны, только треть россиян уверены, что в состоянии обеспечить себя и свою семью самостоятельно и не нуждаются в поддержке государства, в то время как для 65% материальная поддержка государства необходима. Такая ситуация не может не влиять на предпочтения населения страны в экономической сфере.

Отдельно нужно сказать о трудовых мотивациях россиян. К сожалению, для половины из них характерно представление о том, что труд не является причиной успеха – более важную роль играют такие факторы, как везение и нужные связи. Впрочем, возможно эта позиция населения является следствием не столько медленного восприятия новых рыночных ценностей, сколько опыта столкновения с российскими реалиями, где успех действительно зачастую связан отнюдь не с трудом. При этом более половины россиян (57%) уверены, что только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни, в то время как оплате работы

Россияне в большинстве своём поддерживают конкуренцию (65%) и предпочитают общество равных возможностей обществу равных доходов (60% против 38%), причём эти результаты устойчивы во времени.

Более половины россиян (57%) уверены, что только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни, в то время как оплате работы отводят ведущую роль 42% населения. Эта мотивация к интересной работе может быть важным фактором поддержки населением модернизационных процессов в России.

отводят ведущую роль 42% населения. Эта мотивация к интересной работе может быть важным фактором поддержки населением модернизационных процессов в России.

Наконец, кратко надо упомянуть и тот факт, что *две трети россиян считают, что западные образ жизни и путь развития не подходят для нашей страны.* И действительно – *ключевые для этого пути моменты россияне и жители западных стран представляют по-разному.* Так, при ответе на вопрос о том, кто должен взять на себя большую ответственность – государство или население, первую позицию из десяти (свидетельствующую о наиболее сильной уверенности в необходимости большей ответственности государства), выбрали лишь 9% жителей США, 9% жителей Франции, 15% населения Германии при почти половине (43%) россиян. Такие представления россиян непосредственным образом влияют на рамки модернизации страны, хотя и не отменяют ни необходимость, ни возможность (при определённых условиях) этой модернизации.

Мы уже упоминали о том, что в последнее время запрос на активную роль государства возрос. Это подтверждается и динамикой ответов на вопрос о том, в каком обществе сейчас хотели бы жить россияне – обществе индивидуальной свободы или обществе социального равенства. *В настоящий момент о своём предпочтении общества социального равенства говорят 52% россиян, о предпочтении общества индивидуальной свободы – 19%.* Остальные затруднились в выборе между ними. Динамика ответов на данный вопрос показывает, что за последний год произошло значительное сокращение сторонников общества индивидуальной свободы. Однако часть из них не изменила своё мнение на кардинально противоположное, а просто затрудняется с выбором одной из двух предложенных позиций или предпочитает какую-то иную, третью альтернативу. По всей видимости, это означает, что, хотя в российском обществе растёт запрос на более активные действия государства, на меньшее неравенство в обществе, но это не означает одновременного роста запроса на полную «уравниловку».

Посмотрим теперь, как менялось распределение ответов россиян при выборе между обществом индивидуальной свободы и обществом социального равенства в течение последних лет (см. рис. 3).

Как видно из рис. 3, среди определившихся со своим выбором доля сторонников общества социального равенства стабильно составляет более двух третей, а за последний год произошёл даже её рост с 67% до 73%. Если же рассмотреть абсолютные, а не относительные доли выбравших тот или иной вариант ответа на этот вопрос, то становится ясен рост доли неопределённости для россиян в данном вопросе – за послед-

Две трети россиян считают, что западные образ жизни и путь развития не подходят для нашей страны.

ний год снизилась и доля сторонников общества социального равенства, и доля тех, кто предпочитал общество социальной свободы.

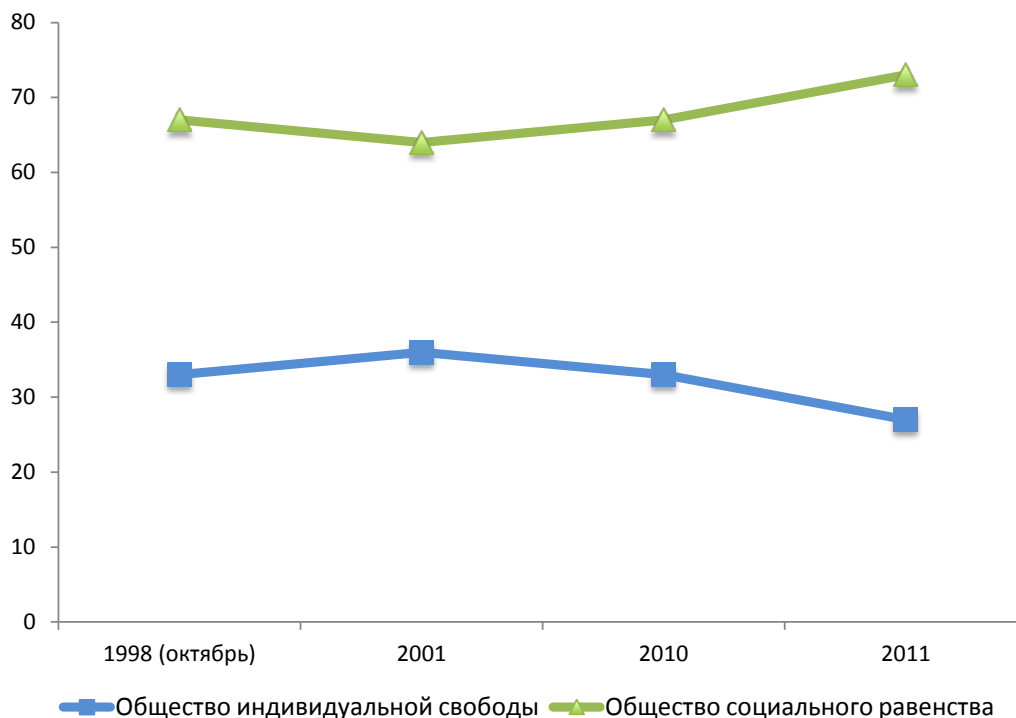

Рис. 3. Выбор в дилемме «общество индивидуальной свободы – общество социального равенства», 1998-2011 гг., % от определившихся с позицией в этом вопросе

При ответе на этот вопрос ключевым фактором был *возраст респондентов*. Так, среди тех, кому в момент опроса было от 18 до 25 лет, 31% выбрали общество социальной свободы, а 35% – общество социального равенства. При этом среди тех, кто был старше 60 лет, эти доли составили 10% и 66%, соответственно. Кроме того, значительно дифференцировались ответы и в зависимости от *оценок россиянами их жизни*: среди тех, кто считал, что в настоящий момент их жизнь складывается хорошо, 26% предпочли общество индивидуальной свободы и 44% – общество социального равенства; в то время как среди тех, кто считал, что их жизнь складывается плохо, эти доли составили 8% и 67%, соответственно. Таким образом, *запрос на социальное равенство предъявляют, прежде всего, пожилые россияне, а также те, кто не удовлетворён своей жизнью*, – впрочем, это в значительной степени пересекающиеся группы.

Говоря об особенностях экономического сознания россиян, нельзя не затронуть и такие аспекты, как рациональность и долгосрочное планирование, так как они необходимы для ведения эффективной деятельности в условиях новой экономики. В этой связи посмотрим, как россияне распорядились бы неожиданно оказавшейся у них в руках значительной суммой – например, миллионом рублей (см. рис. 4).

Рис. 4. Способы гипотетического использования крупной суммы денег (миллиона рублей) россиянами, 2008 г., %¹

Как видим, большинство населения использовало бы неожиданно полученную крупную сумму денег для осуществления вложений в недвижимость или акции, а также для начала собственного бизнеса – т. е. воспользовалось бы открывшимися возможностями, свойственными новым экономическим условиям, проявив рациональность в своём поведении. Однако *каждый четвёртый просто потратил бы эти деньги на текущие расходы и жизнь «в своё удовольствие» – вариант, подразумевающий отсутствие какой-либо инвестиционной или стратегической компоненты.*

В этом вопросе дифференциация ответов связана, прежде всего, с возрастом и уровнем образования. Наиболее молодые россияне чаще использовали бы появившиеся деньги, чтобы открыть собственное дело (29% среди тех, кто моложе 30 лет; при 4% среди тех, кто старше 60), в то время как для пожилых россиян характерно желание пожить в своё удовольствие (37% в группе старше 60 лет; при 16% – моложе 30). Доля тех, кто выбрал бы инвестиционный путь распоряжения деньгами, колеблется в зависимости от возраста значительно меньше: от 34% среди тех, кто старше 60 лет, до 39–40% во всех остальных группах. Однако она тесно связана с уровнем образования – чем выше уровень образования, тем больше склонность к инвестициям и меньше к тому, чтобы просто потратить эти деньги.

¹ На рисунке не представлены затруднившиеся с ответом. Данные исследования Института социологии РАН «Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремиться?» (2008).

Большинство населения использовало бы неожиданно полученную крупную сумму денег для осуществления вложений в недвижимость или акции, а также для начала собственного бизнеса – т. е. воспользовалось бы открывшимися возможностями, свойственными новым экономическим условиям, проявив рациональность в своём поведении.

Несомненно, на такое распределение приоритетов в рас-
поряжении неожиданно появившимися свободными деньгами
влияет очень скромный текущий уровень жизни российского
населения. Однако эти данные свидетельствуют также о том,
что *говорить о безусловном доминировании в российском об-
ществе норм экономической рациональности и отношения
к деньгам не только как к средству обеспечения текущего
потребления явно рано.* Это означает также, что повышение
уровня благосостояния российского населения пока вряд ли
может привести к пропорциональному росту его ресурсобе-
спеченности, так как дополнительные деньги в значительной
степени будут растрчены, но не направлены на экономически
перспективные вложения.

С вопросом рациональности тесно связана и проблемати-
ка планирования россиянами своей жизни вообще (см. рис. 5).

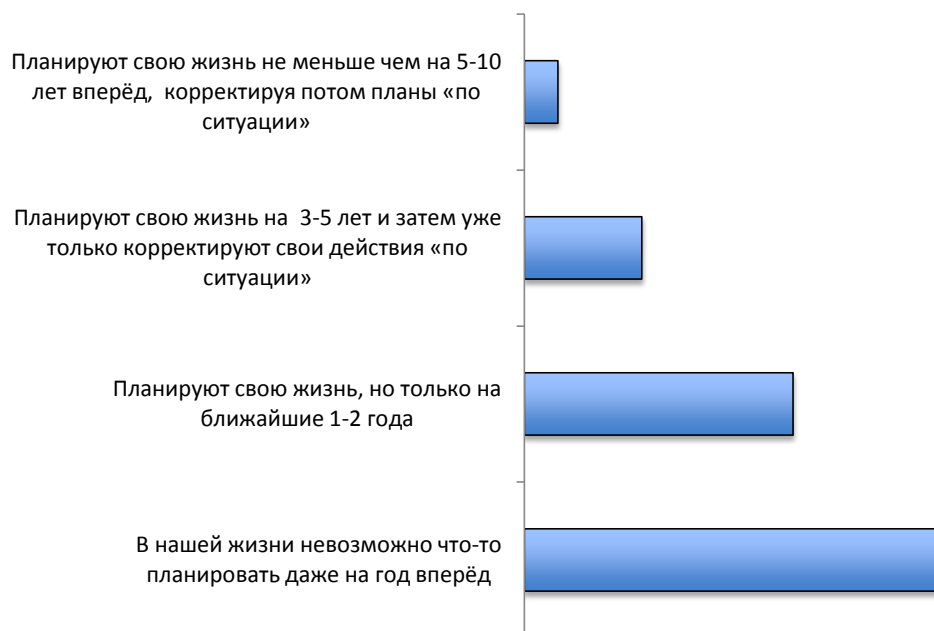

Рис. 5. Временной горизонт планирования россиян, 2010 г., %

Только 4% россиян осуществляют долгосрочное планирование своей жизни. Ещё 14% планируют в среднесрочной перспективе – они строят планы на 3–5 лет и затем корректируют их по ситуации. Но особенно важно отметить, что *для половины россиян вообще не характерно планировать свою жизнь даже на краткосрочную перспективу.* Очевидно, что при такой ситуации сложно говорить об экономической рациональности, стратегических инвестициях и т. п., так как половина населения не может и не готова продумывать свою жизнь даже на год вперед.

Однако, как было показано выше, российское население характеризуется значительной неоднородностью своих представлений об идеальной экономической модели, особенностями экономического сознания. В этой связи важно обратиться к вопросу о том, чем отличаются экономические представления

Только 4% россиян осуществляют долгосрочное планирование своей жизни.

социальных групп, которые могут стать акторами модернизации, – прежде всего речь идёт о среднем классе. Не останавливаясь подробно на дискуссиях о методах его выделения, отметим, что в данном случае нами была использована многомерная стратификация, в которой в качестве базовых критериев выступали социально-профессиональный статус и уровень образования, в качестве дополнительных – материальное положение и самоидентификация¹. Кроме того, в среднем классе было выделено его устойчивое ядро, в котором наиболее ярко проявляются свойственные ему признаки, а также ближняя периферия этого ядра, в которой эти признаки постепенно ослабевают².

Применение вышеописанных критериев к данным эмпирических исследований показало, что в 2010 г. к среднему классу могли быть отнесены более трети (36%) россиян, при этом в его ядро входили лишь 15% их них, а 21% – в ближнюю периферию. Дальняя периферия, не входящая в состав среднего класса, объединила 20%, остальное население – 44%.

Посмотрим, отличаются ли экономическое сознание и представления о модернизации представителей среднего класса (в особенности – его ядра) от свойственных россиянам в целом, а следовательно – можно ли рассматривать средний класс как потенциального актора по крайней мере экономической модернизации.

Прежде всего, проанализируем взгляды населения на то, какая идея должна стать ключевой для модернизации России. Данные показывают, что у ядра среднего класса они совпадают с представлениями тех, кто не попал даже в его периферийные группы – 42% ядра среднего класса считают, что такой идеей должно стать равенство всех перед законом

¹ При эмпирическом анализе были использованы следующие критерии выделения среднего класса: критерий нефизического характера труда; наличие как минимум среднего специального образования; показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже медианного значения по населению в целом; интегральная самооценка индивидом своего положения в обществе по десятибалльной шкале не ниже 4 баллов включительно.

² Для дифференциации среднего класса на ядро и периферию были также использованы два базовых признака, отражающие специфику структурных позиций среднего класса – социально-профессиональный статус и уровень образования. К ядру среднего класса были отнесены имеющие высшее образование руководители, предприниматели и специалисты с навыками работы на компьютере. В ближнюю периферию ядра среднего класса, входящую наряду с самим ядром в состав среднего класса в целом, включались остальные представители выделенного по четырем критериям среднего класса. К дальней периферии среднего класса, не входящей в его состав, отнесены те россияне, кто не соответствовал одному из использовавшихся при выделении среднего класса критериев за исключением социально-профессионального статуса – т. е. те, кто не проходил в состав среднего класса либо по уровню образования, либо по благосостоянию, либо по самоидентификации. В остальном населении оказались те, кто не мог быть отнесён к среднему классу по социально-профессиональному статусу, а также те, кто, обладая соответствующим среднему классу уровнем образования и социально-профессиональным статусом, не проходил в него по обоим дополнительным критериям – как по уровню благосостояния, так и по самоидентификации.

и соблюдение прав человека; 38% называют в качестве ключевой идею жёсткой борьбы с коррупцией. Среди остального населения (тех, кто не вошёл в состав ни среднего класса, ни его дальней периферии) эти доли составляют 43% и 37%, соответственно. Показательно, однако, что идея социальной справедливости, которая занимает третье место у населения страны в целом (31%), у ядра среднего класса оказывается менее популярной, чем идея формирования эффективной инновационной экономики (21% против 39%). При этом в группе населения, не попавшего даже в дальнюю периферию среднего класса, ситуация противоположная – 34% выступают за обеспечение социальной справедливости в качестве модернизационной инициативы, и только 20% считают, что ключевой идеей модернизации должно стать формирование новой инновационной экономики. Таким образом, *именно среди представителей ядра среднего класса та концепция модернизации, которая озвучивается на различных властных уровнях и связана с развитием новых технологий и инноваций, может найти наибольшее понимание и отклик.*

В вопросе о мерах, которые могли бы обеспечить проведение в стране успешной модернизации, респонденты из ядра среднего класса, в отличие от всех остальных групп населения (в том числе и ближней периферии), в первую очередь отмечают аспект, связанный с эффективной инновационной экономикой – активное внедрение новых современных технологий. Этот вариант выбирает практически половина (48%) ядра среднего класса и лишь 33% тех, кто не попал даже в его периферийные группы. Таким образом, именно представители среднего класса, и особенно его ядра, могут выступить социальной базой для технологической модернизации, поддержав соответствующие меры правительства.

Обратимся к особенностям *экономического сознания среднего класса*. В целом, данные показывают, что *оно создаёт положительные предпосылки для процессов модернизации*. Именно в среднем классе – и особенно в его ядре – сосредоточены наиболее образованные представители российского общества, обладающие высоким уровнем человеческого капитала и повышающие его; характеризующиеся отношением к работе, свойственным модернизированным обществам (так, свою нынешнюю работу как средство самореализации рассматривают 61% ядра среднего класса, 43% работающих представителей ближней периферии, треть дальней периферии и каждый пятый работающий среди остального населения); высокой оценкой таких качеств, как инициативность и профессионализм. *Толерантность к рыночным условиям среди представителей среднего класса также оказывается выше, чем среди других групп населения*. Так, большая доля представителей среднего класса соглашается с тем, что конкуренция – это благо, что

Именно среди представителей ядра среднего класса та концепция модернизации, которая озвучивается на различных властных уровнях и связана с развитием новых технологий и инноваций, может найти наибольшее понимание и отклик.

равенство возможностей важнее равенства доходов. В нём шире распространена ответственность за свою судьбу. По всем этим характеристикам особенно выделяется ядро среднего класса (см. таблицу 4).

Таблица 4

**Согласие с альтернативными ценностными суждениями
в разных слоях населения, 2010 г., %**

Суждения	Ядро среднего класса	Ближняя периферия	Дальняя периферия	Остальное население
Конкуренция – это хорошо. Она заставляет людей напряжённо трудиться, побуждает выдвигать новые идеи	89	75	72	67
Конкуренция вредна, она усиливает в человеке его дурные стороны	11	25	28	33
Равенство возможностей для проявления способностей каждого человека важнее, чем равенство доходов и условий жизни	81	64	63	57
Равенство доходов, положения и условий жизни каждого человека важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей	19	36	37	43
Моё материальное положение зависит прежде всего от меня	60	51	39	42
От меня мало что зависит – важно, какая экономическая ситуация будет в стране	40	49	61	58

Отличают средний класс и особенности отношения к планированию своей жизни, и рациональность мышления. Так, лишь 16% среднего класса предпочли бы потратить неожиданно появившийся миллион рублей не в инвестиционных целях, а на жизнь «в своё удовольствие» – по сравнению с четвертью населения в целом. Кроме того, представители среднего класса, и особенно его ядра, склонны планировать свою жизнь, в отличие от других групп населения, в которых даже краткосрочное планирование свойственно менее чем половине их представителей. Так, относительно долгосрочное планирование своей жизни – как минимум на 3–5 лет вперёд – свойственно 27% ядра среднего класса, 22% его ближней периферии

и только 14% остальных групп. Практически три четверти ядра среднего класса (73%) планируют свою жизнь хотя бы в краткосрочном периоде. В ближней периферии эта доля снижается до 61%, а в дальней периферии и остальном населении планируют свою жизнь уже менее половины представителей (43%). Эти различия носят качественный характер. *Таким образом, горизонт планирования своей жизни у представителей среднего класса оказывается больше, чем у других групп населения, что также свидетельствует о формировании в нём особой модели сознания.*

Наконец, обратимся к вопросу об идеальной экономической модели, с точки зрения представителей среднего класса, в сравнении с другими группами населения. Как показывают данные, даже для ядра среднего класса нетипично принятие свободной конкурентной рыночной экономики – только 13% поддерживают эту модель в «чистом виде». Как и для остальных групп населения, для среднего класса характерна поддержка моделей смешанной экономики. Однако его ядро и ближняя периферия различаются между собой в понимании того, какая именно модель смешанной экономики оптимальна для России: в то время как представители ядра склоняются к модели, основанной на частной собственности с элементами государственного регулирования (46%), его ближняя периферия, как и другие группы населения, – к варианту экономики, основанной на государственной собственности, но с отдельными элементами рыночного хозяйства (46%). При этом поддержка планового социалистического хозяйства минимальна в ядре среднего класса и максимальна среди населения, не входящего в состав среднего класса (см. рис. 6).

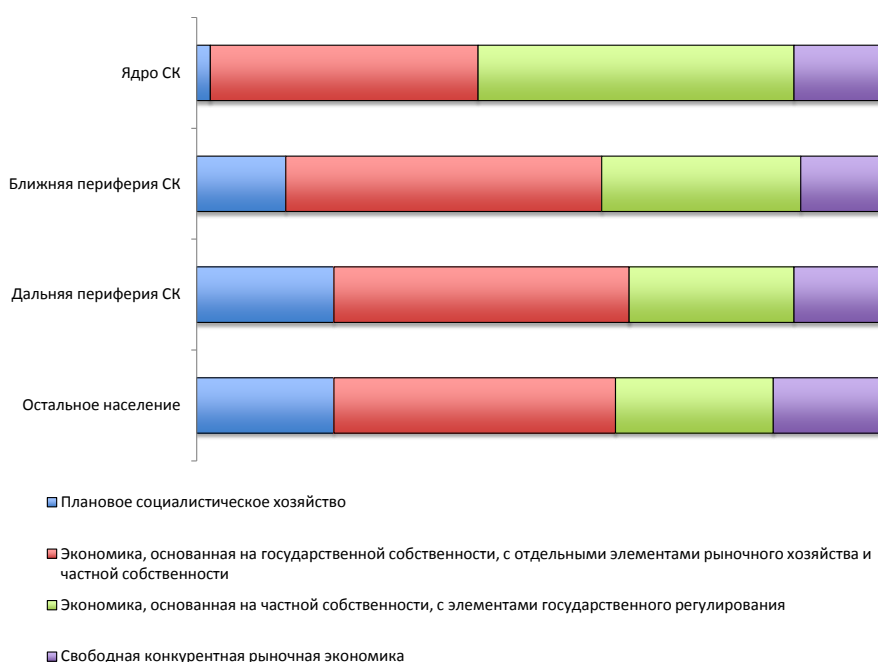

Рис. 6. Каким должен быть, по мнению различных групп населения, экономический строй в России, 2010 г., %

Кратко отметим также, что представители ядра среднего класса качественно отличаются от других групп населения и в вопросе выбора между обществом индивидуальной свободы и обществом полного равенства: общество индивидуальной свободы предпочитает половина ядра среднего класса (51%) при значительно меньших долях в других группах населения (28–31%).

Подведём итоги

Оптимальная экономическая модель, с точки зрения населения, предполагает государство как главный субъект экономической деятельности, под жёстким контролем которого осуществляется распоряжение ключевыми ресурсами на благо всего общества. Желаемая степень вмешательства государства в экономику различается в разных социальных группах и зависит от общей ситуации в стране, но основополагающая идея о его ведущей роли остаётся неизменной.

Представления россиян об оптимальной экономической модели для страны и роли в ней государства не противоречат идее модернизации, но задают определённые рамки для её моделей, возможных в России, что влияет и на выбор мер, необходимых для успешного осуществления модернизационных процессов. В частности, для россиян неприемлемы либеральные модели рыночной экономики с полным «уходом» государства из экономической сферы, и выбор должен осуществляться между моделями смешанной экономики.

Для среднего класса, а особенно его ядра – наиболее образованной, квалифицированной части населения, занимающей устойчивые позиции на рынке труда, характерно экономическое сознание, благоприятное для экономической модернизации в стране. Именно средний класс в наибольшей степени способен выступить актором модернизации в стране. Поэтому инвестиционная политика, направленная на создание новых рабочих мест для среднего класса, будет способствовать успешному протеканию модернизационных процессов в экономической сфере. Однако даже в этой части населения предпочтение отдаётся не свободной рыночной экономике, а тем или иным формам совмещения государственного и рыночного регулирования.

Общество индивидуальной свободы предпочитает половина ядра среднего класса (51%) при значительно меньших долях в других группах населения (28–31%).

Т е м а н о м е р а : Человеческий потенциал российской модернизации

Перспективы политической модернизации в России и развитие гражданской активности населения

Петухов Владимир Васильевич –
кандидат философских наук,
руководитель Центра комплексных
социальных исследований ИС РАН

E-mail: petuhovvv@mail.ru

Перспективы политической модернизации в России и развитие гражданской активности населения¹

Аннотация

В статье обосновывается необходимость, наряду с институциональной модернизацией, развития разнообразных форм коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации граждан как основы для мобилизации демократических сил и их активного участия в процессе модернизации политической и общественной жизни.

Abstract

The author explains the need for various forms of citizens' collective integration, self-defense and self-organization. The author claims that citizen's initiative should go in line with institutional change. He also argues that these forms of collective civil activity are the basis for the mobilization of democratic forces and their active participation political and social modernization.

Ключевые слова: модернизация, политическая и социальная активность, демократические ценности, демократические институты, демократия участия, гражданское общество

Keywords: modernization, political and social activism, democratic values, democratic institutions, democracy of participation, civil society

Почти двадцать лет посткоммунистической трансформации России уже дают некоторое основание считать, что наличие в обществе формальных институтов рынка и демократии ещё не означает его «современности», также как нет жёсткой корреляции между появлением указанных институтов и соответствующей социокультурной трансформацией. Несмотря на

¹ Данная статья подготовлена в рамках работы по проекту «Социально-гуманитарный потенциал модернизации России» № 11–32–03001, осуществляемому при финансовой поддержке РГНФ.

масштабность произошедших в стране изменений, посткоммунистическая Россия до сих пор характеризуется многими отечественными и зарубежными аналитиками как общество «переходного типа», перспективы дальнейшей эволюции которого представляются весьма неопределёнными. Финансово-экономический кризис эту неопределённость только усилил. Одновременно он обнажил то, что было видно многим и раньше: концентрация власти на её верхних этажах при очевидной слабости и неэффективности других «несущих» конструкций политической системы, экономических и социальных институтов начинает представлять серьёзную угрозу для настоящего и будущего России. Становится очевидным, в том числе и для некоторых близких к власти кругов, что комбинация либеральной экономики и элитарной демократии в качестве долгосрочной стратегии развития страны трудно реализуема и даже опасна.

Одна часть властвующей элиты и экспертного сообщества вообще против каких-либо существенных политических изменений, опасаясь «перестройки 2», а другая «за», но предлагает верхушечные преобразования.

Это чрезвычайно важно, учитывая, что отношение общества, различных его групп и слоёв к модернизации далеко не так однозначно, как это кажется на первый взгляд. Вряд ли кто сегодня станет возражать против необходимости технико-экономической модернизации, повышения производительности и качества произведённой продукции и услуг. Однако многие реальные действия, выходящие за сугубо технократические рамки, могут потребовать от общества и власти значительных усилий и даже жертв. И, соответственно, будут восприниматься многими весьма настороженно, тем более что Россия ещё помнит перестройку и реформы 1990-х. Кроме того, представления о путях достижения одной и той же цели у различных элитных и общественных групп совершенно разные. Скажем, одна часть властвующей элиты и экспертного сообщества вообще против каких-либо существенных политических изменений, опасаясь «перестройки 2» (руководство «Единой России»), а другая «за», но предлагает верхушечные преобразования, означающие фактически возврат к политическим реалиям 1990-х: создание небольшой буржуазно-либеральной партии, смягчение контроля над электронными СМИ, некоторую либерализацию общественной жизни, включая право на митинги, демонстрации и т. п. (группа «ИНСОП», И. Юргенс).

Та же разногласия мнений ощущается и в обществе. Часть бизнеса, низовой бюрократии, бюджетников, городской молодёжи готова поддержать либеральный поворот, политическую «оттепель», в то время как «традиционалистские» слои общества, напротив, вектор перемен усматривают в усилении «порядка», жёстком, а в ряде случаев и силовом подавлении коррумпированных и неэффективных элит. И в этом случае

Становится очевидным, в том числе и для некоторых близких к власти кругов, что комбинация либеральной экономики и элитарной демократии в качестве долгосрочной стратегии развития страны трудно реализуема и даже опасна.

Одна часть властвующей элиты и экспертного сообщества вообще против каких-либо существенных политических изменений, опасаясь «перестройки 2», а другая «за», но предлагает верхушечные преобразования.

Часть бизнеса, низовой бюрократии, бюджетников, городской молодёжи готова поддержать либеральный поворот, политическую «оттепель», в то время как «традиционалистские» слои общества, напротив, вектор перемен усматривают в усилении «порядка», жёстком, а в ряде случаев и силовом подавлении коррумпированных и неэффективных элит.

возможно формирование самых причудливых конвенций. Например, альянс либеральных технократов, радеющих за «рынок без демократии», и той части элиты и населения, которая раньше симпатизировала «чилийской», а сейчас «китайской» модели модернизации. Речь в данном случае идёт не о КПРФ и её сторонниках, а скорее об умеренных националистах, идеологическое «окормление» которых всё чаще берёт на себя РПЦ.

Этатистский, верхушечный и чисто технократический вариант модернизации был бы на «ура» принят населением в начале «нулевых», но тогда власть под влиянием высоких цен на нефть отказалась от серьёзных преобразований, а сегодня общество такой вариант уже не устроит. И в силу того, что нет прежнего доверия к власти, и потому, что у современного поколения россиян иные приоритеты. Это, прежде всего, новое качество жизни и создание возможностей для личностной самореализации. Соответственно, модернизация политической системы должна быть ориентирована на идею общего блага и иметь следующие цели: во-первых, обеспечение подлинной законности и правопорядка, во-вторых, реализацию в полном объёме не только политических, но и социально-экономических прав граждан и, в-третьих, «разморозку» общественно-политической жизни страны.

О необходимости адекватной новым вызовам адаптации системы власти, расширения реальной демократии, способной подтягивать толковых, неравнодушных людей для решения серьёзных проблем развития страны, неоднократно говорил Президент РФ Д. Медведев.

Возникает, однако, закономерный вопрос: возможно ли, после того, что происходило в стране последние 15–20 лет, раскрепостить энергию россиян, вернуть им доверие к демократии, к её базовым ценностям и институтам, вовлечь в общественную и политическую жизнь страны? Ведь после беспрецедентного всплеска активности масс конца 1980-х – начала 1990 гг. общество перешло в «глухую самооборону», и все исследования последних лет фиксируют постоянно снижающийся уровень политической активности россиян. Выросло целое поколение людей, которое уже ничего не ждёт ни от власти, ни от общественных институтов и действует, что называется, в «автономном режиме».

Единственной формой влияния на власть, которая востребована значительным числом россиян, остаются выборы – самый простой и необременительный вид участия. Однако и они, особенно в последние годы, начинают восприниматься, прежде всего, молодёжью, как формальность, если и нужная, то главным образом для того, чтобы не допустить безвластия и хаоса. Кого и как при этом выбирают, особого значения не имеет. В обществе есть также значительная доля граждан,

которая в принципе отвергает легитимацию власти через выборные процедуры. Именно неучастие, а не протестное голосование, становится всё в большей степени самым распространённым средством выражения политического недовольства граждан.

Практически не востребованными являются виды активности и участия, связанные с традиционными институтами – партиями, профсоюзами, общественными организациями. Институты парламентской демократии везде переживают не лучшие времена, тем не менее, опросы, проводимые в Европе, свидетельствуют о том, что они более или менее успешно реализуют закрепленные за ними общественные ожидания. У нас же иногда складывается впечатление, что главная роль, например, партий, профсоюзов и даже Государственной Думы, состоит лишь в том, чтобы канализировать общественное недовольство. Российский правящий класс и в 1990-е гг., и сейчас, концентрируя основное внимание на экономике и укреплении властных институтов, весьма насторожено относился и относится к любым проявлениям «живого творчества масс», стремясь локализовать политическое участие граждан исключительно выборами, манипуляцией которыми нынешняя элита овладела в полной мере. В результате в стране практически не осталось людей, которые были бы согласны с утверждением: в делах страны многое зависит от простых граждан. И напротив, 3/4 россиян убеждены в обратном: всё в этой стране решают руководители и политики. Причём число скептиков за последние десять лет выросло с 47% до 66% (см. рис. 1).

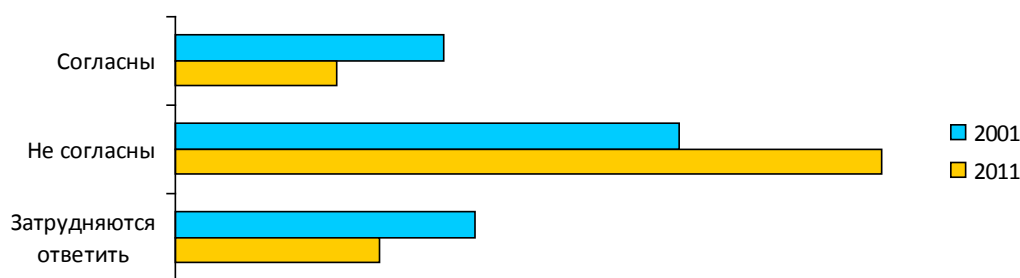

Рис. 1. Согласие / несогласие с суждением «В делах страны многое зависит от простых граждан», %¹

В результате только за последние 10 лет доля россиян, постоянно интересующихся общественно-политической жизнью страны, сократилась с 26% до 18%; а доля тех, кто потерял к ней какой-либо интерес, напротив, увеличилась с 21% до 33%. Большинство же (49%), как и раньше, политикой интересуется факультативно, только тогда, когда в стране или за рубежом происходят какие-то экстраординарные события (см. рис. 2).

¹ Источник: исследования ИС РАН «Десять лет реформ глазами россиян», 2001 г.; «Двадцать лет реформ глазами россиян», 2011 г.

Практически не востребованными являются виды активности и участия, связанные с традиционными институтами – партиями, профсоюзами, общественными организациями.

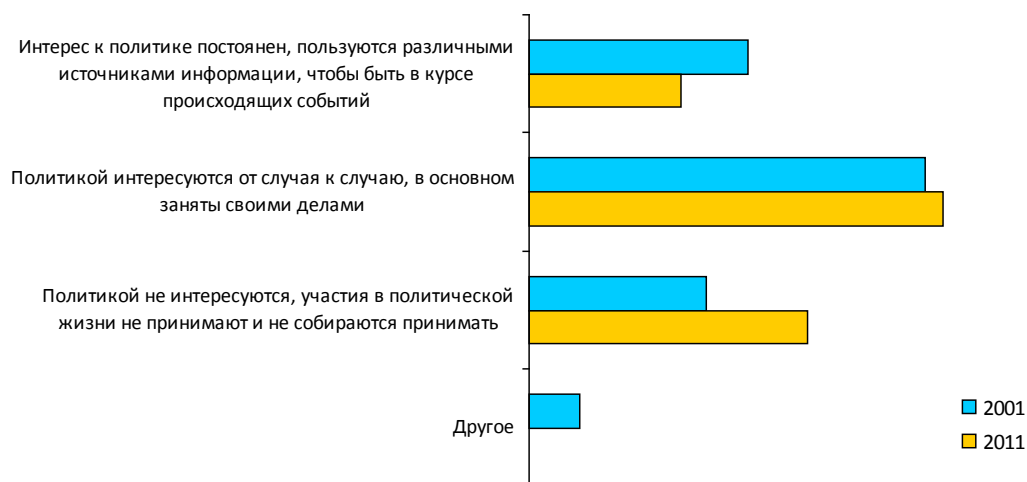

Рис. 2. Интерес россиян к политике, политическим событиям, %¹

Что же касается степени вовлечённости россиян в общественно-политическую жизнь страны, то, по данным некоторых международных исследований, доля россиян, участвующих в ней, составляет около 20% взрослого населения страны, и Россия в списке из 26 стран по уровню включённости населения в различные формы гражданского участия занимает 19 место. Для сравнения: в таких странах-лидерах, как Швеция и Норвегия, эта цифра приближается к 70%, а в Финляндии и Дании – превышает 60% (см.: [1, с. 120]).

Можно предположить, что снижение интереса россиян к политике, уровня их политической активности компенсируется их ростом в других сферах и областях, и тогда имеет место просто перераспределение потоков активности, плюрализация тех форм, в которых она реализуется, а также тех объектов, на которые она направлена. И до некоторой степени это соответствует действительности. Спектр возможностей проявить себя в самых разных областях жизни (предпринимательство, досуговая активность, путешествия, благотворительность и т. п.), сегодня несравненно шире, чем в советские времена. А снижение «политической температуры», особенно по сравнению с 1990-ми, можно считать даже благом для страны и её граждан.

Однако исследования фиксируют низкий уровень не только политической, но и общественной, досуговой активности. Из всего многообразия существующих на сегодняшний день политических, общественных, религиозных, творческих организаций относительной популярностью пользуются только религиозные, в деятельности которых, с той или иной степенью регулярности, участвуют 10% россиян (из них лишь 4% постоянно), спортивные секции, фитнес-центры (7%, постоянно 4%) и профсоюзы (6%, постоянно 3%). Крайне незначительное число опрошенных (от 2% до 4%) заявляют, что участвуют в деятельности обществ защиты прав потребителей,

¹ Источник: исследования ИС РАН «Десять лет реформ глазами россиян», 2001 г.; «Двадцать лет реформ глазами россиян», 2011 г.

Спектр возможностей проявить себя в самых разных областях жизни (предпринимательство, досуг, путешествия, благотворительность и т. п.), сегодня несравненно шире, чем в советские времена. А снижение «политической температуры», по сравнению с 1990-ми, можно считать благом для страны.

в благотворительных организациях и организациях по защите окружающей среды, органах местного самоуправления, т. е. именно в тех, которые в большинстве демократически развитых стран формируют институциональный костяк гражданского общества (см.: [2]).

Понятно, что у подавляющего большинства наших сограждан сегодня совсем иные приоритеты – это поддержание более или менее достойного уровня и качества жизни, профессиональная самореализация. Но и в «неполитических» сферах, связанных с профессиональной деятельностью, возможности, если и увеличились, то отнюдь не для всех и даже не для большинства населения, а в основном для узкого круга людей (см. рис. 3).

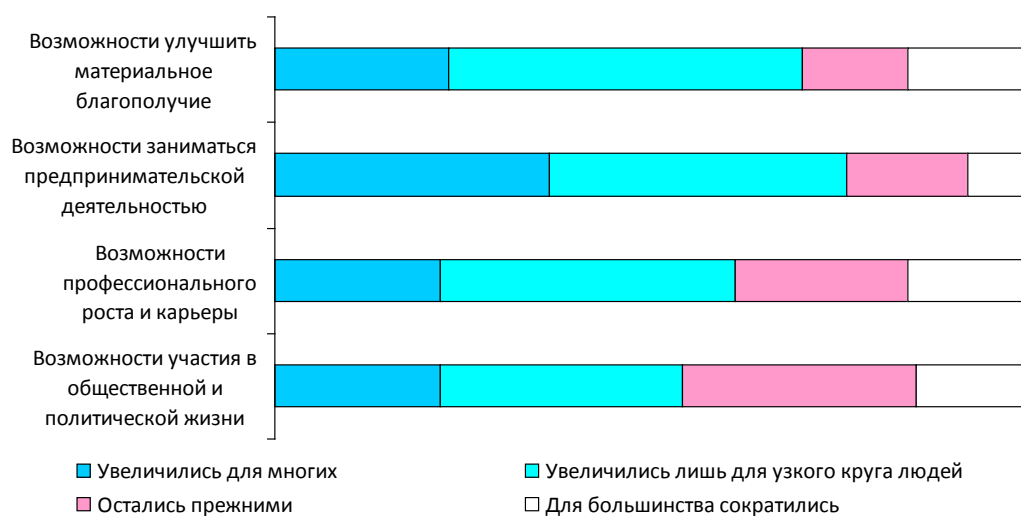

Рис. 3. Оценка респондентами изменений различных сторон повседневной жизни за последние 10 лет, %¹

Иными словами, россияне чётко фиксируют «элитарную» природу российского капитализма и российской демократии, когда некоторый рост уровня материального благосостояния населения сопровождается сужением «коридора возможностей», особенно для молодёжи. Отсюда стремление «жить сегодняшним днём», не строя планов на будущее. Обращает на себя внимание и то, что повышенный уровень пессимизма в оценках возможностей для большинства людей заниматься предпринимательской деятельностью и, особенно, участвовать в общественной и политической жизни общества, отличает сегодня жителей двух столиц. Обе эти сферы – и предпринимательство, и общественно-политическая жизнь – тесно связаны с вопросами административной регламентации. По всей видимости, именно её избыточность в Москве и Санкт-Петербурге во многом и определяет этот пессимизм. Это косвенное свидетельство того, что в этих городах форми-

¹ Источник: исследование ИС РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян», 2011 г.

Но и в «неполитических» сферах, связанных с профессиональной деятельностью, возможности, если и увеличились, то отнюдь не для всех и даже не для большинства населения, а в основном для узкого круга людей.

Россияне чётко фиксируют «элитарную» природу российского капитализма и демократии, при которых рост уровня материального благосостояния населения сопровождается сужением «коридора возможностей», особенно для молодёжи. Отсюда стремление «жить сегодняшним днём», не строя планов на будущее.

руется база для протестных настроений людей, имеющих потребность и запрос на свободу общественно-политической деятельности, но не видящих для этого реальных возможностей.

Между тем, рационально-активистская модель социального действия по «освоению» имеющихся в обществе политических и экономических ресурсов является одной из фундаментальных основ современного, демократически организованного общества. Ничего похожего в современной России нет. В отечественной и зарубежной литературе, особенно в политической публицистике, это объясняется в первую очередь олигархизацией власти, усилением её закрытости и ростом авторитарных тенденций (см., например: [3; 4; 5]). Это действительно так, но лишь отчасти. Апатия и некоторая отстранённость большей части населения от происходящих в стране процессов – очень сложный, многослойный и многоаспектный феномен, вызванный целой совокупностью объективных и субъективных причин и обстоятельств.

Нельзя не принимать во внимание, например, что по мере того, как Россия становится современным обществом, проблема массовости участия перестаёт быть актуальной, уступая место проблеме эффективности. Сегодня даже маленькие группы активистов, благодаря существующим средствам коммуникации, могут оказывать заметное влияние на жизнь в том или ином регионе и даже в стране в целом. На масштабах активности сказалось и то, что исчез «госзаказ» на участие. В советской системе существовал строго иерархический механизм социальной мобильности для политической элиты (хозяйственной, партийной, профсоюзной, комсомольской и прочей номенклатуры), но одновременно имелся своеобразный «государственный заказ» на общественную самодеятельность, на участие в общественной жизни как дополнительное, но очень существенное условие профессиональной самореализации. За последние 20 лет ситуация радикально изменилась. В стране сформировалось «общество потребления», плодами его могут пользоваться далеко не все, но влияние, которое оно оказывает на умы людей, на стереотипы их поведения, огромно, прежде всего, в плане «подавления» гражданских, альтруистических в своей основе мотивов социального действия.

В этой связи не приходится удивляться тому, что подавляющее большинство россиян, как, впрочем, и граждане любого другого общества, действуют, если так можно выразиться, в соответствии с концепцией «рационального выбора». Если общественно-политическая активность не сулит каких-то прямых материальных или карьерных выгод, не выступает в качестве «социального лифта», то жизненная энергия людей направляется в иные сферы и на другие объекты приложения их усилий. В России появилась частная жизнь, а граждане

За последние 20 лет в стране сформировалось «общество потребления», плодами его могут пользоваться далеко не все, но влияние, которое оно оказывает на умы людей, на стереотипы их поведения, огромно, прежде всего, в плане «подавления» гражданских, альтруистических мотивов социального действия.

страны получили свободу выбора между участием и не участием. Судя по нынешнему уровню политической активности, многие «правом на неучастие» воспользовались в полной мере.

В то же время, есть симптомы, свидетельствующие, что российское общество постепенно выходит из «спячки», что в стране появились группы и слои, которые, во-первых, достаточно успешно адаптировались к тем переменам, что в ней произошли, и, во-вторых, настроены на перемены и демонстрируют готовность в той или иной форме в них участвовать.

Представления многих отечественных и зарубежных экспертов о России как стране вялых, инертных людей, у которых доминируют патерналистские установки, давно уже не соответствуют действительности. К концу «нулевых» лишь каждый десятый опрошенный заявлял, что не смог приспособиться к новым реалиям жизни, в то время как 10 лет назад – каждый второй. По меньшей мере, треть самодеятельного населения страны, судя по опросам, имеет высокий уровень жизненных притязаний и стремление к их достижению, опираясь главным образом на собственные силы и возможности (см.: [6]).

И что существенно, несмотря на издержки последних двух десятилетий, *большинство россиян сохраняют приверженность базовым демократическим ценностям и институтам, запрос на которые сформировался ещё в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (выборность органов власти, свобода предпринимательства, свобода передвижения, включая выезд за границу, свобода слова и печати)* (см.: [6]).

Да и сама атмосфера в обществе постепенно меняется. Завершение острой фазы экономического кризиса совпало с постепенной сменой общественных ожиданий, связанных с возрастной ротацией элит, выходом в активную жизнь поколений, не испытывавших на себе тяжести адаптации к переменам 1990-х гг. Группы, на которые власть привыкла опираться в «нулевые» – значительная часть бюджетников, «низовой» бюрократии и т. п., – стали критичнее относиться к действиям властей, прежде всего в Москве. Особенно резко отразилась новая социально-психологическая ситуация на настроениях людей летом 2010 г. с характерными для него жарой, смогом, подорожанием самых ходовых продуктов питания, бездействием или низкой эффективностью действий властей в чрезвычайной ситуации.

В этих условиях вновь стал расти интерес значительного числа россиян к инструментальным ценностям и механизмам демократии. Практически в два раза за последние десять лет выросло число респондентов, уверенных в том, что одним из наиболее эффективных способов воздействия на власть в целях отстаивания своих интересов являются акции прямого действия: выход на улицу, участие в митингах и демонстрациях (рост с 6% до 14%), а также в забастовках (рост с 6% до 13%).

В то же время, есть симптомы, свидетельствующие, что в стране появились группы и слои, которые достаточно успешно адаптировались к тем переменам, что в ней произошли, настроены на перемены и демонстрируют готовность в той или иной форме в них участвовать.

Существенно, что несмотря на издержки последних двух десятилетий, большинство россиян сохраняют приверженность демократическим ценностям.

Практически в два раза за последние десять лет выросло число респондентов, уверенных в том, что одним из наиболее эффективных способов воздействия на власть в целях отстаивания своих интересов являются акции прямого действия.

По-прежнему высоко оценивается при этом потенциал таких демократических институтов, как СМИ, судебная система и общественные объединения, выражающие чаяния различных групп населения (см. рис. 4). Но самое главное – несколько сократилась (с 60% до 53%) доля тех, в чьём сознании прочно укоренился стереотип, согласно которому власть в России всемогуща и нет никакой возможности «тягаться» с ней даже в отстаивании своих интересов.

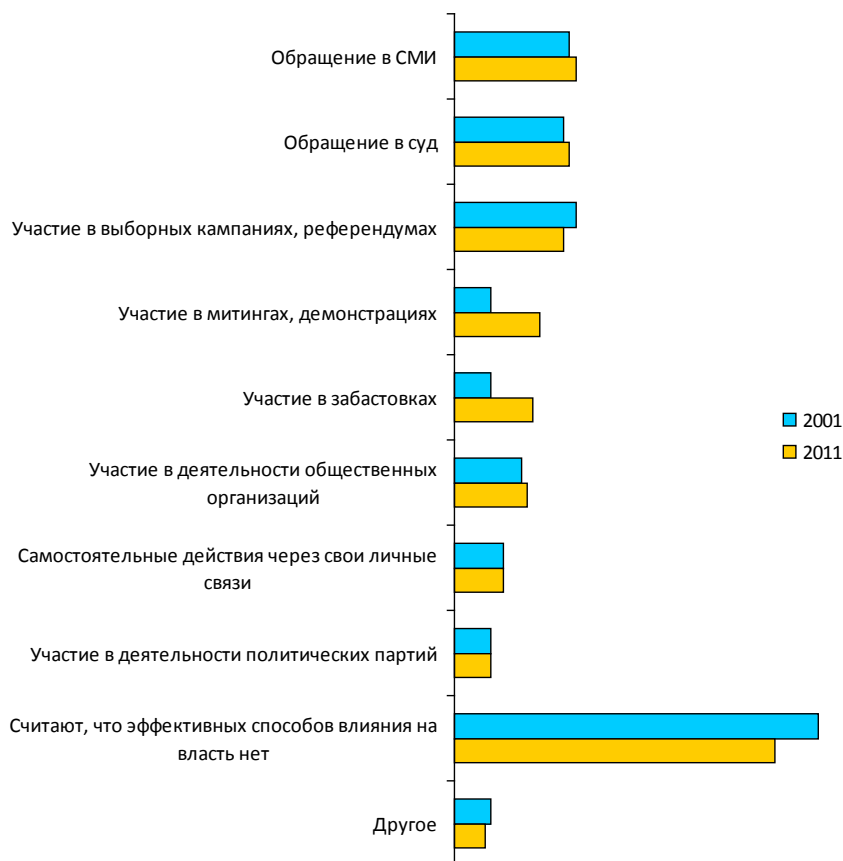

Рис. 4. Оценки эффективности различных способов воздействия на органы власти с целью отстаивания своих интересов, % (сумма цифр по каждому году более 100%, т. к. можно было выбрать до трёх ответов)¹

Появился целый ряд общественных движений и плеяда молодых общественных деятелей (Е. Чирикова, О. Кашин, А. Навальный и др.), которые своим примером доказывают, что даже небольшие группы активистов, не обладающие ни организационными, ни финансовыми ресурсами, с помощью современных средств коммуникации могут оказывать заметное влияние на общественную жизнь в стране. Причём сегодня мы сталкиваемся с двумя разнонаправленными процессами: снижение интереса к «большой политике» при одновременной политизации значительных сегментов разного рода субкультур, прежде всего молодёжных.

¹ Источник: исследования ИС РАН «Десять лет реформ глазами россиян», 2001 г.; «Двадцать лет реформ глазами россиян», 2011 г.

Результаты последних исследований также свидетельствуют, что общество заинтересовано в расширении политической конкуренции и наличии более широкого спектра политических партий в Государственной Думе, чем это имеет место сейчас. На вопрос о том, «какие партии, на Ваш взгляд, должны быть представлены в следующей Государственной Думе?», довольно большое число респондентов, помимо «Единой России», КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России», назвали также «Яблоко», «Патриотов России», «Партию народной свободы» (26%, 19%, 17%). «Правое дело» и «Другая Россия» особых симпатий у россиян пока не вызывают.

Однако, когда зашла речь об электоральном выборе, даже расширенный спектр партий не вызвал особого энтузиазма у респондентов. Треть опрошенных заявили, что не планируют участия в выборах, а электоральные предпочтения других распределились среди партий, представленных ныне в Государственной Думе (см. таблицу 1). Это говорит о том, что запрос на обновление российской политической сцены выражен пока ещё очень слабо.

Таблица 1

Какие партии должны быть представлены в следующей Государственной Думе РФ и за какую из них россияне готовы проголосовать, %¹

Варианты ответов	Какие партии должны быть представлены в парламенте России?*	За какую партию Вы готовы проголосовать?***
«Единая Россия» (Б. Грызлов)	67	34
КПРФ (Г. Зюганов)	54	14
ЛДПР (В. Жириновский)	55	9
«Справедливая Россия» (С. Миронов)	51	7
«Яблоко» (С. Митрохин)	26	1
«Патриоты России» (Г. Семигин)	19	1
«Партия народной свободы» (В. Рыжков, Б. Немцов, М. Касьянов и др.)	17	1
«Правое дело» (Л. Гозман, А. Чубайс)	8	0
«Другая Россия» (Э. Лимонов)	9	0
Какая-то другая партия	2	1
Не планируют участия в выборах	18	31

* Респонденты могли выбрать любое число ответов.

** Респонденты могли выбрать только один ответ.

¹ Источник: исследование ИС РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян», 2011 г.

Сегодня мы сталкиваемся с двумя разнонаправленными процессами: снижение интереса к «большой политике» при одновременной политизации значительных сегментов разного рода субкультур, прежде всего молодёжных.

Результаты последних исследований свидетельствуют, что общество заинтересовано в расширении политической конкуренции и наличии более широкого спектра политических партий в Государственной Думе.

Кроме того, опыт свидетельствует, что даже накопившееся недовольство крайне сложно донести до властей, поскольку те институты, которые по своему изначальному предназначению призваны выражать и отстаивать интересы различных групп населения, либо «играют» на стороне власти, либо вообще, как значительная часть НКО, являются фиктивными, существующими только на бумаге.

В этих условиях анализ и определение возможных путей сокращения дистанции между «политикой для избранных» и массовым гражданским участием представляются как никогда актуальными.

Начать следует с «реабилитации» социально-экономической компоненты демократии. Модель, которая импонирует значительной части российской элиты, локализуя демократию сферой политики и выборных процедур, отторгается большинством наших сограждан. «Демократический романтизм» конца 1980-х – начала 1990-х, когда главную ценность представляла свобода в различных её проявлениях, сменился запросом на прикладные аспекты демократии. Россиянам сегодня нужна «демократия на каждый день», т. е. не имитационные, а работающие институты, эффективность которых определяется степенью их влияния на политику властей, динамикой уровня и качества жизни, социальной защищённостью граждан, масштабами коррупции, реальным обеспечением не только политических, но и социально-экономических прав и свобод граждан и т. п.

Хорошо известно, что в России в 1990-е гг. демонтаж советской системы начался и в основном ограничился свёртыванием именно социальных основ предшествующего строя. Любые разговоры о том, что, помимо политических прав и свобод, есть ещё и социальные, трактовались, особенно на начальном этапе реформ, как чуть ли не призыв к возврату в «тоталитарное прошлое», к модели «социалистической демократии», базирующейся на этатизме и патернализме.

Между тем исследования показывают высокий уровень корреляции между социальными завоеваниями трудящихся и «принятием» демократии обществом. Он фиксируется, прежде всего, в странах, где граждане на протяжении многих лет пользовались плодами социального государства (Голландия, Дания, Финляндия, Швейцария, Швеция) (см.: [7]). Это одна из причин, почему, несмотря на постоянную критику неоконсерваторов, в этих странах, а также в большинстве других государств Западной Европы, никто от социальных завоеваний 1960-х – 1970-х гг. отказываться не спешит.

И в нашей стране, судя по результатам исследований, эта закономерность работает, в том смысле, что ситуацию с демократией в России совершенно по-разному оценивают респонденты разных материально-имущественных групп: у кого

В этих условиях анализ и определение возможных путей сокращения дистанции между «политикой для избранных» и массовым гражданским участием представляются как никогда актуальными.

дела идут хорошо – у того и с отношением к демократии «всё в порядке» и, соответственно, наоборот. Другой вопрос, что в нашей стране, в отличие от многих европейских стран, вторых значительно больше, чем первых (см. рис. 5).

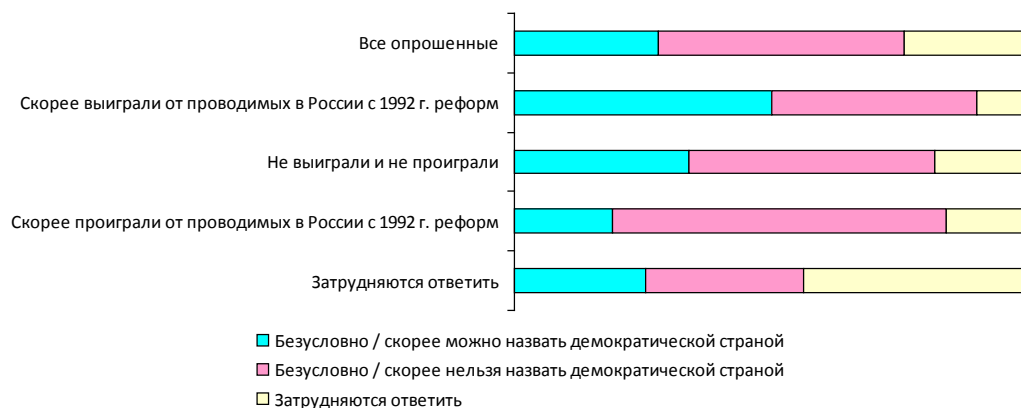

Рис. 5. Мнение россиян о том, можно ли современную Россию считать демократической страной, в зависимости от их оценок своего выигрыша / проигрыша от реформ, %¹

В целом же подтверждается хорошо известная истина – стабильная демократия не может существовать без такого уровня экономического развития страны, который обеспечивал бы приемлемый для большинства граждан уровень благосостояния. Было бы, однако неправильным считать, что в своём отношении к демократии россияне исключительно меркантильны, полагая, что чуть ли не единственным мерилом развитости демократии в той или иной стране является «толщина» кошельков её граждан, а свобода и права человека – вторичны. Просто современная Россия – это классическое «общество риска», где появившиеся возможности для самореализации активных групп населения причудливым образом сочетаются со страхом, несправедливостью, являющимися в каком-то смысле оборотной стороной обретенной свободы, права жить в соответствии с собственными представлениями. Отсюда и спайка идей свободы, безопасности и материального достатка в сознании многих россиян в надежде на такой социальный порядок, который бы обеспечивал и то, и другое, и третье. В то же время наблюдения за динамикой общественных настроений последних лет показывают, что значительная часть населения, особенно средний класс и молодёжь, «вкусив» первые плоды «общества потребления», из всей совокупности либеральных ценностей и идеалов всё большее предпочтение отдают идее консюмеризма.

Для того чтобы не допустить окончательной победы потребителя над гражданином, необходим статистически значимый слой свободных, рационально мыслящих людей, ориентированных в своих жизненных практиках на ценности

¹ Источник: Исследование ИС РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян», 2011 г.

Современная Россия – это классическое «общество риска», где появившиеся возможности для самореализации активных групп населения причудливым образом сочетаются со страхом, несправедливостью, являющимися в каком-то смысле оборотной стороной обретенной свободы, права жить в соответствии с собственными представлениями.

Чтобы не допустить окончательной победы потребителя над гражданином, необходим статистически значимый слой свободных, рационально мыслящих людей, ориентированных в своих жизненных практиках на ценности самореализации, который мог бы выступать «поставщиком» и ретранслятором рационального знания, новых идей и смыслов, а также моральных ценностей.

самореализации, который мог бы выступать «поставщиком» и ретранслятором рационального знания, новых идей и смыслов, с одной стороны, а с другой – моральных ценностей. В развитых странах Запада в этой роли выступает обычно средний класс. В России же возможна, видимо, и реанимация в какой-то форме традиционной российской интеллигенции, поскольку её остатки ещё не так плотно инкорпорированы в кланово-бюрократическую систему, как нынешняя властная и околовластная элита.

Вторая фундаментальная проблема российской демократии, которой следует уделить большое внимание в ходе политической модернизации, – это нахождение механизмов перевода частных, групповых интересов на язык общезначимых проблем. Речь идёт, прежде всего, о способах согласования интересов крупного российского бизнеса с интересами общества. Настоящая, а не формальная демократия, как свидетельствует мировой опыт, предполагает более равномерное распределение богатств и ресурсов, чем это имеет место в современной России, а также контроль за экономической деятельностью со стороны общества, в тех случаях, когда эта деятельность способна нанести вред человеку и окружающей среде.

Ложно и слишком буквально понятый лозунг «священности и неприкосновенности частной собственности», привёл не только к череде катастроф с многочисленными человеческими жертвами, но и обусловил абсолютную закрытость и непрозрачность корпоративного сектора и рынка труда. Часто говорят, что россияне равнодушны к политической конкуренции. Но откуда может взяться ответственный гражданин, обладающий чувством собственного достоинства, если на работе он зачастую беззащитен и бесправен? Между тем, Запад знает массу примеров «соучастия», когда акционерами крупных компаний являются миллионы граждан, а главное – накоплен огромный опыт правовых, политических форм воздействия на экспансионизм крупного бизнеса посредством легальных демократических институтов, начиная от профсоюзов и заканчивая СМИ и парламентами. У нас пока ещё этого нет. Так, большинство россиян (57%) уверены в том, что каждый гражданин имеет право отстаивать свои экономические интересы, в том числе и с помощью забастовок и демонстраций, однако, как показывает практика, крайне редко этим правом пользуются. Это обусловлено отнюдь не только пассивностью многих наших сограждан, но и отсутствием адекватных механизмов, с помощью которых эти права можно реализовать. Судя по данным Росстата, количество забастовок сократилось с 6 тыс. в 2004 г. до 4 забастовок в 2008 г. (см.: [8])¹. Тенденция очевидна. Многие эксперты объясняют такое невиданное сокращение

¹ Более свежих данных Росстат не публикует.

числа забастовок изменением методики подсчёта: с 2007 г. эта организация стала учитывать только те акции трудящихся, которые проводятся в полном соответствии с трудовым кодексом. Иначе говоря, становится очевидным, что *право граждан на забастовку фактически не реализуемо в законных, легальных формах*. А те случаи массовых выступлений, которые получили широкий резонанс (Пикалево, Междуреченск и т. п.), «разруливаются» высшими руководителями государства в ручном режиме, а не в рамках трудовых споров профсоюзов и работодателей.

Вот почему в условиях предстоящей реструктуризации российской экономики первостепенной задачей становится создание новых профсоюзов, поскольку «старым», судя по исследованиям, наши сограждане, в лучшем случае, готовы делегировать лишь охрану труда на предприятиях и реализацию прав трудящихся на отпуск. Самое же главное, для чего существуют профсоюзы, – борьба за экономические интересы трудящихся – не воспринимается обществом как та область деятельности, где профсоюзы могут сегодня добиться чего-то существенного.

Пока же, не имея серьёзного противовеса в лице профсоюзов, «капитаны» крупного российского бизнеса весьма успешно лавируют в рамках тех возможностей, которыми они располагают. «Продвинутые», «широко мыслящие», «либерально ориентированные» руководители крупных компаний – безусловные демократы, когда речь идёт о необходимости освобождения своего бизнеса от попыток опеки и вмешательства со стороны властей, но создают откровенно авторитарную систему отношений в своих компаниях. Причём многие из них убеждены, что россияне должны работать больше, получать меньше и не роптать, когда их «выставляют» на улицу. Отсюда нарастающий кризис доверия в трудовых коллективах как между коллегами по работе, так и в отношении руководства.

Обычно сглаживанию противоречий между экспансионизмом, в том числе и политическим, крупного бизнеса и основной массой населения призваны служить демократические институты, вынуждающие, а иногда и принуждающие, элиты считаться с мнением большинства. В России пока ничего похожего нет. Общество, в свою очередь, реагирует нарастанием безразличия ко всему, что происходит за пределами «непосредственной среды обитания».

Конформизм, неучастие – это некоторые из возможных форм реакции на окружающую реальность, но отнюдь не единственные. В российском обществе есть группы и слои, хотя и немногочисленные, склонные к активному действию, часто радикальному. Только за последний год в стране было совершено несколько громких преступлений на почве национальной, религиозной и политической неприязни, получивших

широкую огласку и острую реакцию общественности. Причём экстремистские выходки имели место и в относительно благополучные годы, и в условиях кризиса. Это говорит о том, что радикализм и экстремизм начинают определяться факторами, традиционно присущими любому капиталистическому обществу, и прежде всего, экономическими неравенствами, в результате которых люди винят в своих социальных несчастьях богачей, инородцев и т. д. Сказывается и «каша» в головах многих людей, особенно молодых, когда крайне сложно провести демаркацию между действительным стремлением людей, скажем, к свободе, равенству, национальному или религиозному возрождению и – экстремизмом. И, наконец, влияет на сложившуюся ситуацию и отсутствие легальных возможностей как-то «докричаться до властей».

Поэтому третьим, принципиально важным направлением политической модернизации становится нахождение новых стимулов и форм гражданского и политического участия. Это, в свою очередь предполагает «перезагрузку» соответствующей инфраструктуры (партийной системы, системы местного самоуправления, социального партнерства, профсоюзов, локальных сообществ). Эта «перезагрузка», на наш взгляд, должна вестись в двух направлениях.

Во-первых, раскрепощения общественной и политической жизни, прекращения попыток мелочной регламентации деятельности политических партий и гражданских институтов. Все последние годы на фоне нарастающего «затвердения» партийной системы наблюдалась лихорадочная активность властей по перекраиванию избирательного законодательства. Главная цель этих титанических усилий – устранить даже гипотетическую возможность спонтанного, естественного хода политического процесса. Между тем, опыт многих стран, осуществляющих «демократический транзит», свидетельствует, что правила предвыборной игры обычно окончательно определяются к третьему циклу парламентских выборов. У нас в 2011 г. пройдут уже шестые за последние 17 лет парламентские выборы. Времени для экспериментов, в том числе с избирательным законодательством, включая порядок регистрации Минюстом новых партий, было достаточно. Напомним, что ни одни парламентские выборы в стране не прошли по тем же правилам, что и предыдущие. И вопрос сегодня, по сути, стоит так: либо удастся провести честные и справедливые выборы, легализовать новые политические объединения и тем самым укоренить институт многопартийных выборов в жизнь страны, либо доверие к ним будет окончательно подорвано.

Нужны также поиск и экспериментирование с какими-то иными формами политической самоорганизации, более гибкими и мобильными, чем те, которые сложились в настоящее

Принципиально важным направлением политической модернизации становится нахождение новых стимулов и форм гражданского и политического участия.

Требуется раскрепостить общественную и политическую жизнь, прекратить попытки мелочной регламентации деятельности политических партий и гражданских институтов.

время. Например, формирование «общественно-партийных холдингов», которые могли бы интегрировать самые разные образования, как политические, так и неполитические, начиная от дискуссионных клубов, аналитических структур, общественных объединений самого широкого спектра и заканчивая партийными альянсами. На первый взгляд, именно такой структурой может стать создаваемый В. Путиным «Народный фронт». Однако на этот счёт есть большие сомнения, поскольку «Народный Фронт» – сугубо электоральное образование, заточенное на поддержку одного лица. Предлагаемые же «холдинги» призваны, на наш взгляд, напротив, разгрузить партии от несвойственных им функций, типа курирование «порядка на дорогах», с одной стороны, а с другой – не допускать чрезмерной политизации общественных объединений. Не следует также забывать, что за последние годы в России появились несколько политических партий (Республиканская партия, «Другая Россия», «Народно-демократический союз», «Левый фронт», «ПАРНАС» и др.), которые не были официально зарегистрированы Министерством юстиции, но которые из политики уходить не собираются. Будучи вытесненными на обочину политической жизни, они неизбежно радикализируются. В этих условиях необходим механизм их легального существования, возможно через вхождение в какие-либо коалиционные образования, раз уж власти отказываются упростить порядок правовой легитимации новых политических субъектов.

Во-вторых, «перезагрузка» инфраструктуры гражданского и политического участия требует *завершения реформы местного самоуправления (МСУ) и так называемого «третьего сектора»* (некоммерческих организаций – НКО), *длящейся уже второй десяток лет*. Это особенно важно для такой огромной страны, как Россия, где требуются не только вертикальные, но и горизонтальные «скрепы» обеспечения единства государства. Формально, МСУ и НКО – огромная сила. К концу 2000-х в стране действовало около десяти тысяч представительных органов местного самоуправления, численность депутатского корпуса местных советов составила 250 тыс. человек, были избраны около 15 тыс. глав муниципальных образований (см.: [9]). По данным Общественной палаты, в стране насчитывается около 670 тыс. общественных объединений (см.: [10]). В то же время, как уже отмечалось, общественный актив этих органов сравнительно невелик, поскольку невелик потенциал этих организаций в решении волнующих местное население вопросов. Причём и в том и в другом случае это связано с ограниченностью финансовых средств: в НКО – это грантовая зависимость от разнообразных спонсоров, всё чаще государственных; в МСУ – от вышестоящих органов власти, прежде всего, региональных.

Исследования также показывают, что многие некоммерческие организации и органы местного самоуправления даже на одной территории слабо взаимодействуют друг с другом. А если и взаимодействуют, то в основном в плане обслуживания интересов властных и предпринимательских кланов. В результате, согласно данным опросов, уровень доверия к структурам гражданского общества на местах также не велик. Но есть потребность, особенно активной части населения, решать самостоятельно проблемы, с которыми люди сталкиваются в своём непосредственном окружении. Скажем, не доверяя большинству благотворительных организаций, почти каждый десятый россиянин проявляет свою добровольческую активность в одиночку или вместе со своими близкими, оказывая посильное содействие нуждающимся. Чудеса солидаризма, взаимопомощи продемонстрировали тысячи наших сограждан «жарким» летом прошлого года и в ходе тушения пожаров. Почти четверть россиян в 2010 г. участвовали в благоустройстве окружающей территории (дворов, детских площадок и т. п.) (см.: [6]). Отличительной особенностью России является также то, что здесь как нигде широкое распространение получили движения «одного требования». Речь идёт о движении автомобилистов, обманутых пайщиков и дольщиков жилищных пирамид, экологов, защитников архитектурного наследия и т. п., которые, с одной стороны, спонтанны, а с другой – очень организованны и эффективны. Такие формы участия, в отличие от «большой политики», не требуют каких-то существенных затрат (временных, материальных, организационных) и поэтому востребованы, прежде всего, активной и дееспособной частью общества. Они представляют интерес не только потому, что позволяют решать какие-то конкретные социальные и материальные проблемы людей, но, что также немаловажно, стимулируют людей к общению, создают предпосылки для формирования групповой идентичности в рамках локальных сообществ с перспективой выхода на более широкие социальные и общественные институты.

Демократия участия предполагает также широкое перманентное обсуждение всех более или менее важных для общества проблем. Профессиональной политикой сегодня занимаются единицы, но дискутировать, чувствуя при этом приобщённость к делам страны, своего города, посёлка и т. п., могут и должны многие. Некоторые эксперты даже считают, что коммуникативный аспект демократии в XXI в. будет более важен, чем институциональный. На этом фоне особого внимания заслуживает «взрыв» гражданской активности в интернете. Ряд специалистов относится к нему довольно скептически, как к имитационной форме участия. Однако нельзя не видеть и того, что именно интернет давно стал параллельной реальностью, в которой есть всё то, чего не хватает в жизни.

Демократия участия предполагает широкое перманентное обсуждение всех более или менее важных для общества проблем.

Одновременно с этим он дал толчок многим гражданским инициативам, которые уже выходят из виртуального пространства в жизнь, позволил «высветить» реакцию властей на проблемы, заставил их прислушаться к общественному мнению. В частности, всевозрастающий протест, причём самых разных групп и слоёв населения, вызывает деятельность судебной и правоохранительной систем. И власти вынуждены реагировать на сигналы, идущие, в том числе, из блогосферы, прислушиваться к общественному мнению.

Возникающие формы низовой самоорганизации (в которых современные информационные технологии часто переплетены с молодёжной субкультурой) потому так успешны, что компактны, создаются и действуют в логике, альтернативной крайне тяжеловесным и неповоротливым традиционным политическим институтам. Важно и то, что они формируют новую генерацию молодых общественных деятелей, предлагают обществу темы для обсуждения, выходящие далеко за рамки тривиальных политических баталий, а главное – выдвигают всё новые инициативы, которые приводят к широкомасштабным коллективным действиям. Именно общественность настояла на добавлении к перечню классических прав и свобод право жить в незагрязнённой окружающей среде и право более справедливого доступа к здравоохранению и образованию.

Таким образом, в настоящее время задачей первостепенной важности становится развитие разнообразных форм коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации граждан. Пока уровень реальной включённости россиян в различные сети социального взаимодействия, структуры гражданского общества невысоки. Тем не менее, множество групп имеют свои собственные экономические, политические и культурные интересы, которые в состоянии оказывать влияние на положение дел, как в рамках локальных сообществ, так и в стране в целом. Именно базовые структуры гражданского общества могут стать основой для мобилизации демократических сил и их активного участия в процессе модернизации политической и общественной жизни, тем более что это соответствует ожиданиям и настроениям большинства населения страны.

Библиографический список

1. Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / Под общей редакцией А. В. Андреевской и Л. А. Беляевой. – М.: Academia, 2009.

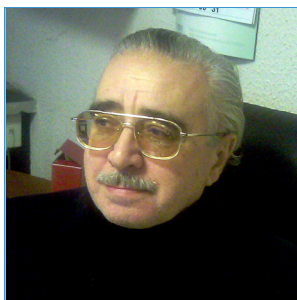
Возникающие формы низовой самоорганизации (в которых современные информационные технологии часто переплетены с молодёжной субкультурой) потому так успешны, что компактны, создаются и действуют в логике, альтернативной крайне неповоротливым традиционным политическим институтам.

В настоящее время задачей первостепенной важности становится развитие разнообразных форм коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации граждан.

2. Всероссийский опрос ВЦИОМ 31.08.2008 // Всероссийский центр изучения общественного мнения. База данных «Архивариус». URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=557&q_id=40079&date=31.08.2008 (24.11.2011).
3. Pipes, R. Flight from freedom: what Russians think and want // Foreign Affairs. May/June 2004. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/59887/richard-pipes/flight-from-freedom-what-russians-think-and-want> (25.11.2011).
4. Ясин Е. Приживётся ли демократия в России. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 336.
5. Красин Ю. Метаморфозы российской реформации. – М.: ИС РАН, 2009. – С. 159–161.
6. Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. Горшкова, Р. Крумма, Н. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2010.
7. How the Europeans see themselves. Looking through the mirror with public opinion surveys // European Commission. ‘European documentation’ series. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2001. URL: http://ec.europa.eu/publications/booklets/eu_documentation/05/txt_en.pdf (24.11.2011).
8. Российский статистический ежегодник / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2010. – С. 162.
9. Кынев А. Муниципальные выборы по новым правилам // Pro et Contra. Январь – февраль 2007. № 1 (35). – С. 31–32.
10. Ежегодный доклад Общественной палаты «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации» за 2009 год // Общественная палата Российской Федерации. URL: <http://oprfr.ru/documents/1151/1256/> (24.11.2011).

Т е м а н о м е р а : Человеческий потенциал российской модернизации

Влияние неравенства на качество человеческого потенциала в России

Кирута Александр Яковлевич – кандидат физико-математических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

E-mail: al.kiruta@gmail.com

Влияние неравенства на качество человеческого потенциала в России¹

Аннотация

В рамках регрессионного анализа данных по странам мира исследованы закономерности и даны оценки негативного воздействия неравенства доходов и бедности на индексы человеческого развития, показатели качества школьного образования, демографические показатели, глобальные индексы конкурентоспособности и инноваций. Проанализированы взаимосвязи между всеми этими показателями.

Abstract

Cross-country regression analysis accentuates the negative effects of income inequality and widespread poverty on human development indices, education levels, quality of education, , demographic trends, and global indices of competitiveness and innovation. It explores relationship between the mentioned indicators.

Ключевые слова: человеческий потенциал, индекс человеческого развития, социальная среда, неравенство, бедность, индекс конкурентоспособности, индекс инноваций, модернизация, качество образования, продолжительность жизни, смертность в трудоспособном возрасте

Keywords: human potential, index of human development, social environment, inequality, poverty, index of competitiveness, innovation index, modernization, quality of education, student assessment, life expectance, mortality in age 15–65

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Социально-гуманитарный потенциал модернизации России», выполняемой при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11–32–03001).

Двигателем экономического роста, научно-технического прогресса и повышения конкурентоспособности страны на мировой арене является человеческое развитие, подразумевающее расширение функциональных возможностей и рост способностей, знаний и навыков людей во всех общественно значимых областях человеческой деятельности. Для этого необходимо такое преобразование социальной среды, такое совершенствование социальных отношений, при которых стимулы, возможности и механизмы поддержки человеческого развития были бы оптимальными.

Известно множество попыток дать общее определение понятия «социальная среда», однако все они в той или иной степени неудачны. С интуитивной точки зрения социальная среда – это совокупность условий и отношений, в которых люди функционируют и взаимодействуют между собой. Но если рассматривать социальную среду как предмет аналитического исследования, необходимо выделить в ней структуры, поддающиеся аналитическому и статистическому описанию, моделированию, оценке и управлению. Имеется несколько уровней таких структур. Первичная структура социальной среды – это распределение генеральной совокупности населения в пространстве базовых человеческих характеристик, к числу которых относятся демографические и социально-профессиональные показатели, характеристики здоровья и человеческого капитала. Структура следующего уровня – это распределение той же совокупности по характеристикам мотивации поведения: ценностям, предпочтениям, социальным запросам и притязаниям, склонности принимать или отвергать те или иные образцы поведения, этическим позициям. Обе эти структуры вложены в систему экономических и социальных отношений, которые регулируются общественными институтами, детерминирующими распределение людей по социальным статусам и социальному капиталу, ролям и позициям в экономике и обществе. А сами эти институты складываются и трансформируются в зависимости от структурных характеристик и под воздействием структурных изменений социальной среды, оказывающих, в свою очередь, непосредственное воздействие на процессы модернизации.

Ключевую роль в задаче оценки социальных возможностей и ограничений модернизационного развития России играет исследование механизмов формирования и распределения человеческих потенциалов¹ и их воздействия на процессы

¹ Под человеческими потенциалами далее подразумевается совокупность всего, что обеспечивает возможности человека как работника и члена общества и инкорпорировано в нём, включая здоровье, образование, ожидаемую продолжительность жизни и т. д. При этом человеческий капитал в трактовке Г. Беккера составляет в нашем понимании лишь часть человеческого потенциала. И человеческий капитал, и человеческий потенциал могут, на наш взгляд, в равной степени рассматриваться как характеристики индивидуума, группы, социального слоя или нации (в последнем случае как агрегированные показатели).

модернизации. Первым шагом в этом направлении является оценка того, насколько возможности модернизации зависят от человеческого развития. Такую оценку даёт регрессия глобального индекса конкурентоспособности по данным World Economic Forum (см.: [1]) на индекс человеческого развития по данным United Nations Development Project, Human Development Reports (UNDP) (см.: [2]; см. рис. 1).

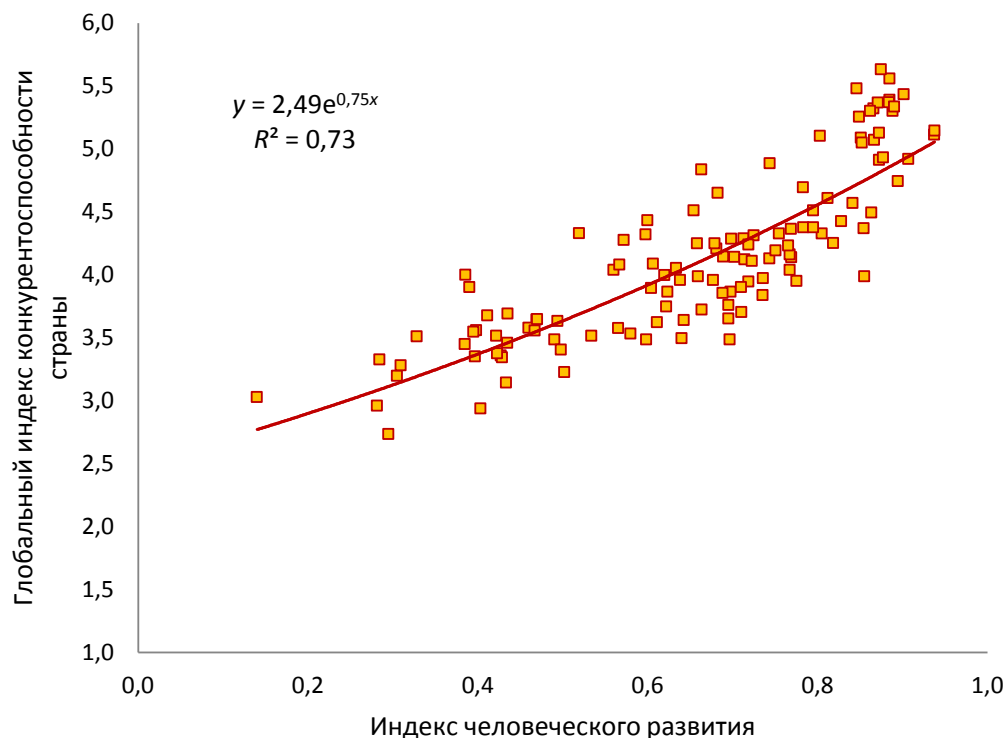

Рис. 1. Зависимость глобального индекса конкурентоспособности страны (2010-2011, 123 страны мира) от индекса человеческого развития

Мы видим, что *человеческое развитие населения сильно детерминирует конкурентоспособность экономики*, и это позволяет сделать вывод, что *создание условий и стимулов человеческого развития играет решающую роль в осуществлении модернизационного прорыва*. Этот вывод не удивителен, в нём важна только оценка силы связи, новым же является следующий факт – *неравенство доходов одинаково негативно влияет и на человеческое развитие, и на уровень конкурентоспособности*. На рис. 2 показана зависимость индекса человеческого развития от индекса Джини (данные UNDP, см.: [2]). Эта отрицательная зависимость демонстрирует высокие показатели статистической значимости, несмотря на существенное рассеяние данных вокруг тренда. При этом регрессия индекса конкурентоспособности на индекс Джини почти буквально повторяет картину с индексом человеческого развития.

Создание условий и стимулов человеческого развития играет решающую роль в осуществлении модернизационного прорыва.

Напомним, что индекс человеческого развития (ИЧР) составлен из трёх компонент: индекса ВВП на душу населения, индекса образования (число лет обучения взрослых и ожидаемое число лет обучения детей и молодёжи) и индекса ожидаемой продолжительности жизни при рождении. В новой методике UNDP (см.: [2]) каждая из этих компонент рассчитывается с учётом понижающих эффектов неравенства по соответствующим показателям и оценкой потерь за счёт этого неравенства. В этих расчётах вместо индексов Джини используются индексы Аткинсона, определяемые как 1 минус соотношение между геометрическим и арифметическим средними значениями рассматриваемого показателя в генеральной совокупности. Потери в образовании и в продолжительности жизни за счёт неравенства оцениваются как $100 \cdot A\%$, где A – индекс Аткинсона дифференциации значений соответствующего показателя в совокупности населения. Это позволяет оценить влияние неравенства доходов на неравенство в количестве образования¹ (см. рис. 3) и, тем самым, оценить влияние экономического неравенства на формирование неравенства человеческих потенциалов. Как и в зависимости, показанной на рис. 2, влияние неравенства доходов на образование также оказывается негативным, причём даже более сильным, чем его влияние на ИЧР.

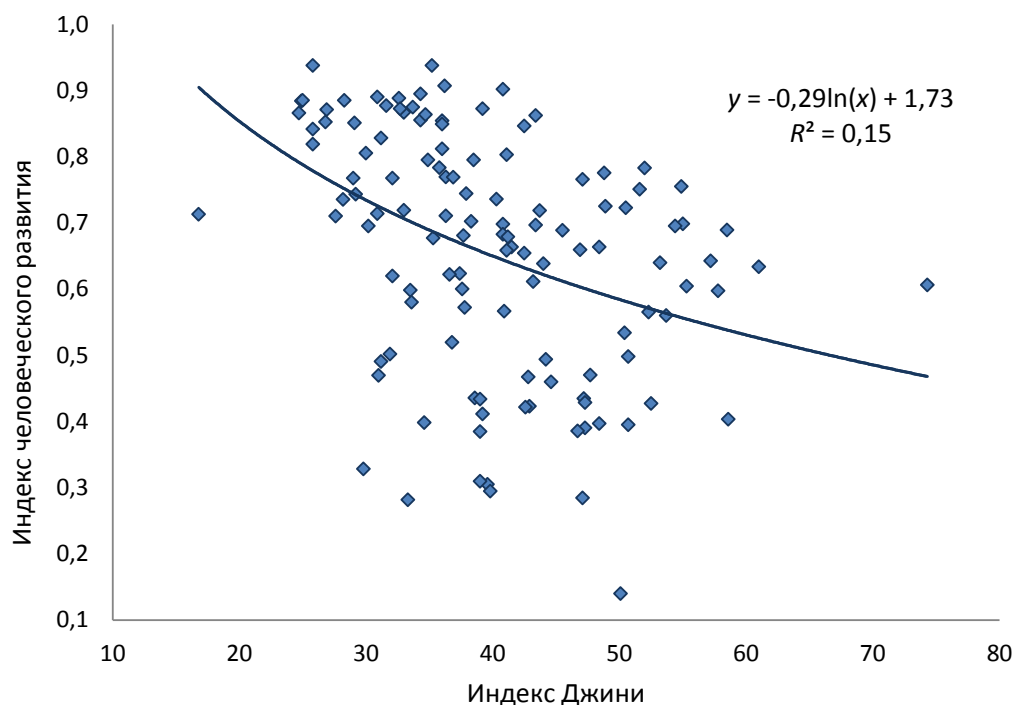

Рис. 2. Негативное воздействие неравенства доходов на индекс человеческого развития

¹ Под количеством образования имеется в виду индекс образования, используемый для расчётов ИРЧП. Понятие «количество образования» противопоставляется «качеству образования» (см. далее).

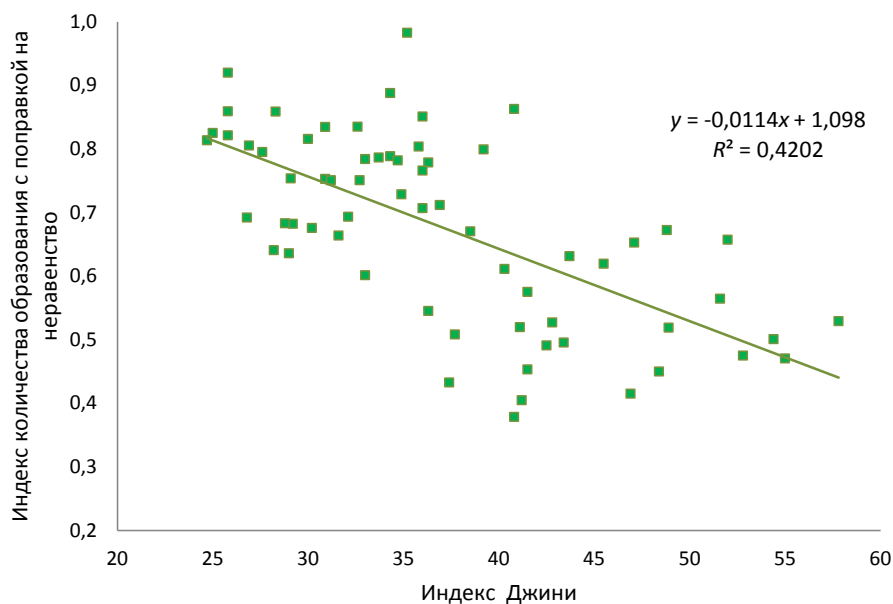

Рис. 3. Влияние неравенства доходов на образование населения

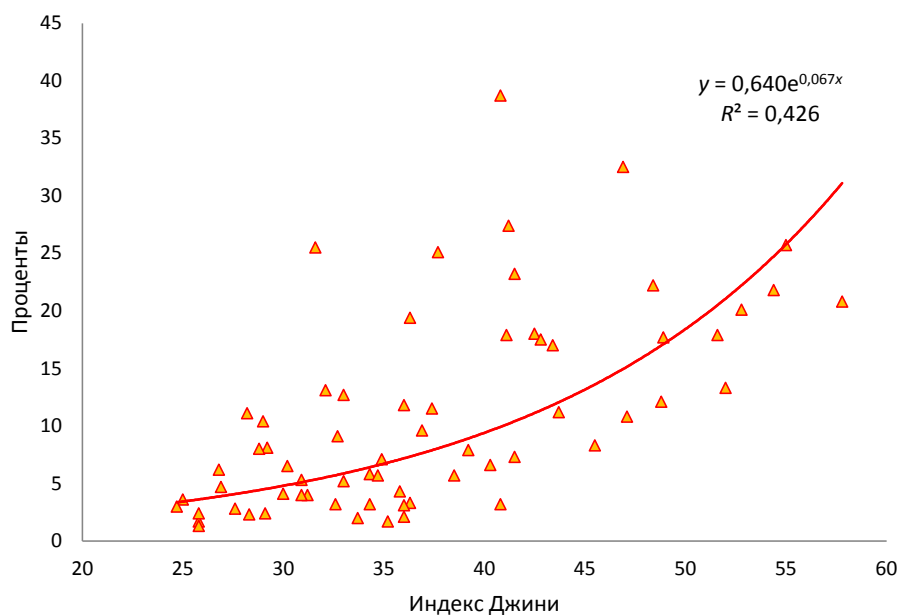

Рис. 4. Влияние неравенства доходов на потери в образовании¹ за счёт его неравенства² (65 стран с индексом ВВП на душу не ниже 0,5)

¹ Потери в образовании (или, далее, потери в продолжительности жизни) за счёт неравенства - это понятие, заимствованное из теории индексов неравенства Энтони Аткинсона. Оно применяется для того, чтобы индекс образования отражал фактическое неравенство в распределении населения по числу лет образования. Для этого вместо обычного среднего значения числа лет образования используется обобщенное среднее значение, которое согласно теории Аткинсона может быть вычислено как результат умножения обычного среднего значения на разность между 1 и индексом неравенства. Поэтому, чем выше неравенство в образовании, тем ниже индекс образования, скорректированный с учётом неравенства в образовании. Соответственно, потери в образовании - это разность между обычным индексом образования и индексом, скорректированным с учётом неравенства. Процентный показатель потерь в образовании определяется как процентная доля этой разности в обычном индексе образования. Фактически она является мерой неравенства в числе лет образования.

² Неравенство в образовании - это неравенство в распределении населения по числу лет образования (определяемое по аналогии с неравенством доходов, т. е. неравенством в распределении населения по уровню дохода на душу).

Мы видим, что неравенство доходов, порождающее неравенство в доступности образования, оказывает драматически сильное понижающее воздействие на образованность населения, причём потери за счёт неравенства в количестве образования экспоненциально возрастают с ростом неравенства доходов. Вывод, который можно сделать на этой основе, состоит в том, что *высокое неравенство (в том числе, и в России) препятствует развитию человеческого потенциала, увеличивая неравенство в распределении потенциалов среди населения, чем ограничивает возможности модернизации экономики и общества.*

Дальнейшее исследование мы сосредоточим на двух дополнительных аспектах: на качестве школьного образования и на демографических показателях, косвенно отражающих состояние здоровья населения. Оба эти аспекта формирования человеческого потенциала страны определяются состоянием социальной среды, и соответствующие статистические показатели могут расцениваться как индикаторы качества этой среды. Пользуясь международными сопоставлениями, мы покажем, что эти статистические показатели, с одной стороны, существенно влияют на возможности развития инноваций, а с другой – зависят от масштабов неравенства и относительной бедности.

Покажем сначала, что *различия между странами по качеству школьного образования объясняют около 60% различий между ними по объёму и успешности инноваций.* Для этого мы воспользуемся двумя независимыми источниками данных. Первый из них – международные оценки инноваций по 110 странам мира в 2008 г., разработанные Бостонской консалтинговой группой и Институтом национальной ассоциации обрабатывающей промышленности США (см.: [3]).

Второй источник – это результаты обследования качества образования 15-летних школьников в 60 странах мира (включая Россию), проведённого Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2006 г. (PISA-2006) (см.: [4]). Первые и вторые данные являются общими для 50 стран, на которых и будет сосредоточено внимание в нашем анализе.

Глобальный индекс инноваций рассчитывается как взвешенная сумма оценок двух показателей: *условий* для проведения инноваций (*input*) и *результатов* осуществления инноваций (*output*).

Индекс *условий* для проведения инноваций составлен из трёх компонент, каждая из которых оценивается по нескольким значимым факторам:

Высокое неравенство препятствует развитию человеческого потенциала, увеличивая неравенство в распределении потенциалов среди населения, чем ограничивает возможности модернизации экономики и общества.

Различия между странами по качеству школьного образования объясняют около 60% различий между ними по объёму и успешности инноваций.

1. Фискальная политика, которая тестируется по факторам налоговых кредитов на проведение исследований и разработок (*r&d*), общего уровня налогообложения, наличия и размеров государственных фондов для поддержки и субсидирования *r&d*;

2. Другие виды политики, в их число входят: политика в сфере образования, трудовая политика, государственное регулирование, политика в области прав собственности, иммиграционная и инфраструктурная политика;

3. Окружающая среда инновационных процессов, оцениваемая по факторам положения в сфере образования, качества трудовых ресурсов, качества инфраструктуры, окружающей обстановки бизнеса.

Индекс *результатов* осуществления инноваций также составляется на основе оценок трёх компонент:

1. Результаты *r&d*, которые тестируются по факторам: инвестиций в *r&d*, генерирования интеллектуальной собственности, публикаций и трансфертов знаний, коммерциализации инноваций;

2. Эффективность бизнеса, оцениваемая по объёму высокотехнологичного экспорта, производительности труда, рыночной капитализации компаний, включённых в биржевой листинг;

3. Воздействие инноваций на социально-экономические показатели: рост занятости, рост общего объёма инвестиций, трансграничная подвижность бизнеса, экономический рост.

Общий индекс инноваций и его компоненты нормированы таким образом, что средний по полной совокупности стран уровень каждого из показателей равен нулю. Таким образом, страны с инновационными показателями ниже среднего уровня получают отрицательные оценки (Россия в том числе). Кроме того, вся совокупность стран ранжирована по убыванию общего индекса инноваций.

В обследовании PISA-2006 на основе результатов тестирования школьникам выставлялись балльные оценки способностей по шести группам знаний:

1. Чтение (способность к пониманию и интерпретации прочитанного);

2. Математика;

3. Естественные науки;

4. Идентификация научных выводов;

5. Научное объяснение различных явлений;

6. Знания о науке.

Поскольку по показателю «чтение» в материалах, приведённых на сайте ОЭСР, отсутствуют (по техническим причинам) данные о США, мы исключили этот показатель из нашего анализа. Таким образом, средние баллы и ранги в дальнейшем анализе рассчитаны по данным об остальных пяти показателях.

Все индикаторы качества образования положительно коррелированы с индексами инноваций и сильно коррелированы между собой, поэтому нет смысла использовать их для построения множественной регрессии. В следующих двух таблицах приведены коэффициенты детерминации в линейных регрессиях показателей инноваций на каждый из индикаторов качества образования, взятый в отдельности. В таблице 1 в качестве объясняющих переменных взяты балльные, а в таблице 2 – ранговые оценки качества образования.

Таблица 1

Коэффициенты детерминации (R^2) показателей инноваций балльными оценками способностей школьников в линейных регрессиях

Вид знаний	Тип оценки	Показатели инноваций			
		Ранг	Общий индекс	Индекс условий	Индекс результатов
Математика	В среднем	0,553	0,505	0,478	0,446
	На уровне 95%	0,580	0,521	0,496	0,458
Естественные науки	В среднем	0,602	0,518	0,519	0,436
	На уровне 95%	0,613	0,530	0,529	0,447
Идентификация научных выводов	В среднем	0,626	0,553	0,543	0,473
	На уровне 95%	0,622	0,569	0,532	0,505
Научное объяснение явлений	В среднем	0,570	0,473	0,496	0,383
	На уровне 95%	0,575	0,471	0,492	0,383
Знания о науке	В среднем	0,609	0,539	0,520	0,467
	На уровне 95%	0,608	0,544	0,515	0,479

Таблица 2

**Коэффициенты детерминации (R^2) показателей инноваций
ранговыми оценками способностей школьников**

Вид знаний	Тип оценки	Показатели инноваций			
		Ранг	Общий индекс	Индекс условий	Индекс результатов
Математика	В среднем	0,572	0,565	0,515	0,513
	На уровне 95%	0,583	0,559	0,508	0,511
Естественные науки	В среднем	0,548	0,502	0,481	0,437
	На уровне 95%	0,593	0,556	0,515	0,497
Идентификация научных выводов	В среднем	0,611	0,584	0,551	0,514
	На уровне 95%	0,649	0,643	0,571	0,593
Научное объяснение явлений	В среднем	0,499	0,425	0,445	0,343
	На уровне 95%	0,494	0,416	0,417	0,349
Знания о науке	В среднем	0,589	0,567	0,521	0,509
	На уровне 95%	0,628	0,617	0,533	0,581
Средний ранг по пяти показателям	В среднем	0,588	0,549	0,524	0,481
	На уровне 95%	0,629	0,594	0,543	0,537

В обеих таблицах полужирными шрифтами выделены коэффициенты детерминации выше 0,6, а курсивом помечены другие высокие коэффициенты детерминации. Различия между таблицами 1 и 2 обусловлены спецификой построения шкал для индикаторов качества образования и инноваций. Лучше всего индикаторы качества образования объясняют ранги стран в ранжировании по общему индексу инноваций, но ранговые оценки качества образования достаточно сильно объясняют и сами значения этого индекса. Важно отметить, что наиболее сильную связь с инновациями показывают не традиционные предметы школьного образования, а такие характеристики образования, как способности школьников к идентификации научных выводов и их знания о науке. При этом качество знаний и навыков на 95-процентном уровне значимо сильнее связано с инновациями, чем качество знаний и навыков всех школьников в среднем.

Средние ранги 95-процентного уровня качества образования, использованные в таблице 2, рассчитаны следующим образом. По каждому из показателей 2–5 мы взяли балльные оценки способностей школьников в верхней 95-процентной точке распределения оценок и проранжировали страны в порядке убывания этих показателей. Далее эти ранговые показатели для каждой из стран мы усреднили по пяти указанным показателям. Смысл этого действия состоит в том, что внутри каждой из стран существует дифференциация качества образования, причём в крупных странах, таких как Россия и США, она является весьма высокой. Ранжирования по средним и верхним 95-процентным оценкам построены независимо, то есть ранг 95-процентной оценки, худший, чем ранг средней оценки, означает, что по «верхнему срезу» качества образования страна находится в худшем международном положении, чем по средним показателям. Наиболее сильные эффекты, обусловленные расхождением между средними и верхними оценками положения страны в международном распределении качества школьного образования, наблюдаются в США и Великобритании. Заметим, что в рассмотренных данных обследований Россия занимает 49-е место по инновациям и 36-е место по качеству школьного образования; в обоих случаях это положение ниже среднего по обследованным совокупностям стран.

Влияние состояния социальной среды на качество школьного образования может быть выражено через зависимости балльных оценок качества образования от относительной бедности детей¹, представленные в регрессиях на рис. 5 и 6. Фактически за показателями последней скрывается то уже упоминавшееся чрезмерно глубокое неравенство, которое ухудшает как качество социальной среды в целом и отдельных её характеристик, так и инновационный потенциал, и конкурентные позиции на международной арене любой страны. В России же, как известно, показатели неравенства давно превысили уровень, характерный для всех развитых стран с рыночной экономикой.

Наиболее сильное негативное влияние бедности детей проявляется в качестве знаний математики (см. рис. 6). С учётом оценок, приведённых в таблицах 1 и 2, не удивительно, что относительная бедность детей негативно сказывается на развитии инноваций – соответствующая регрессия показана на рис. 7.

¹ Относительная бедность детей определяется нами как принадлежность к семьям, в которых душевой доход ниже 50% медианы распределения располагаемых доходов с учётом состава семьи.

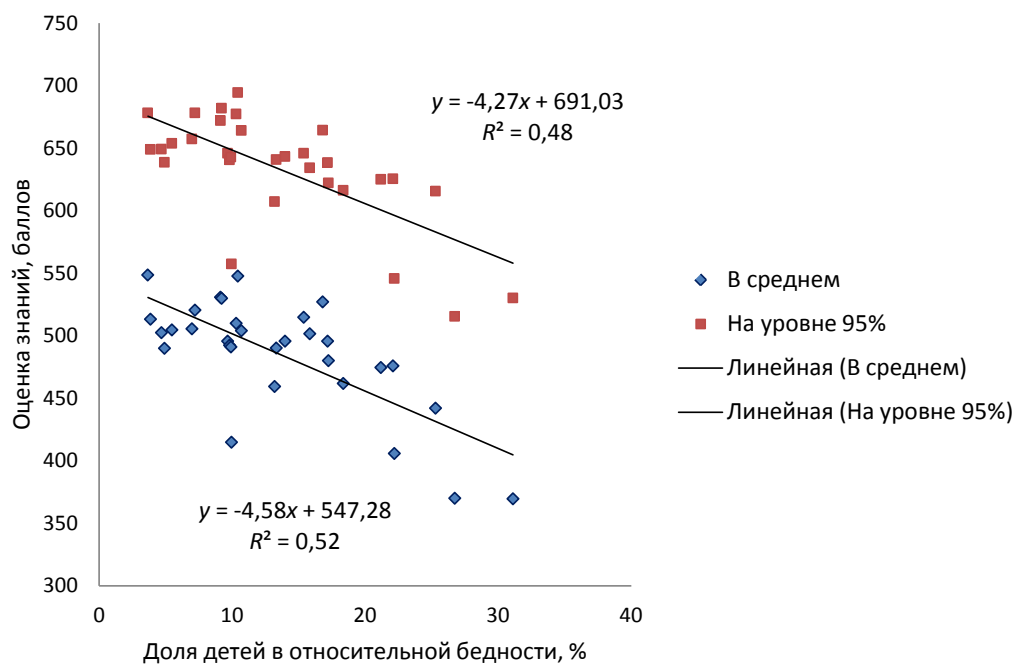

Рис. 5. Зависимость качества знаний школьников о науке по данным обследования PISA-2006 от относительной бедности детей в первой половине 2000-х гг. по данным LIS¹

ИНВ – идентификация научных выводов, НОЯ – научное объяснение явлений, ЗН – знания о науке; 31 страна – члены и партнеры ОЭСР, – включая Россию.

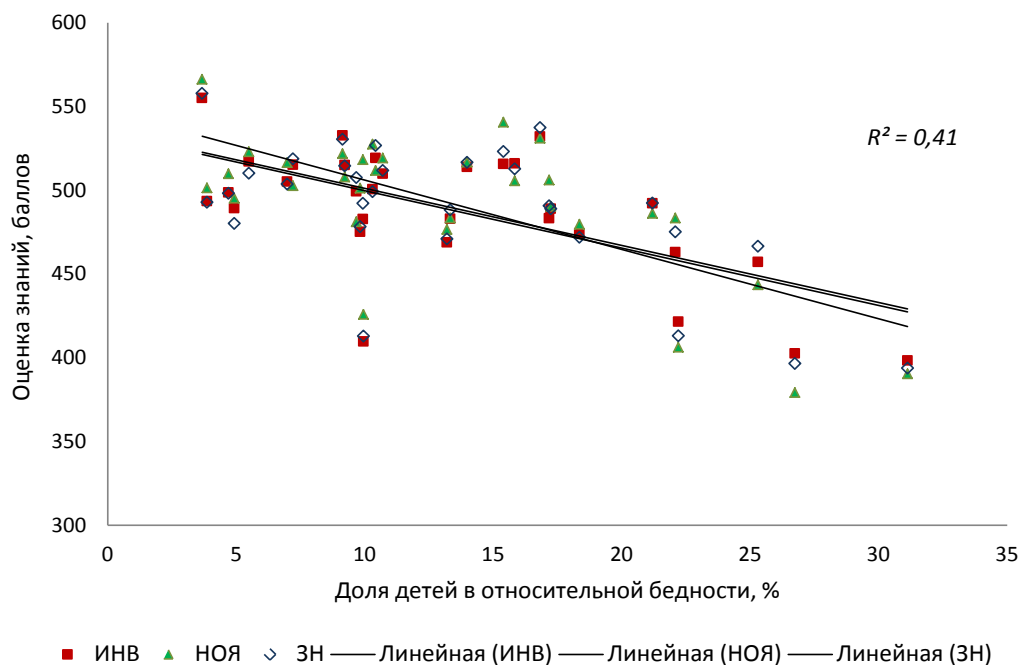

Рис. 6. Зависимость качества знаний математики по данным обследования PISA-2006 от относительной бедности детей в первой половине 2000-х гг. по данным LIS

¹ Luxembourg Income Study, Inequality and Poverty Key Figures.

Детская бедность и качество школьного образования представляют собой системные индикаторы состояния социальной среды, которое предопределяет мотивацию и развитие инновационной активности.

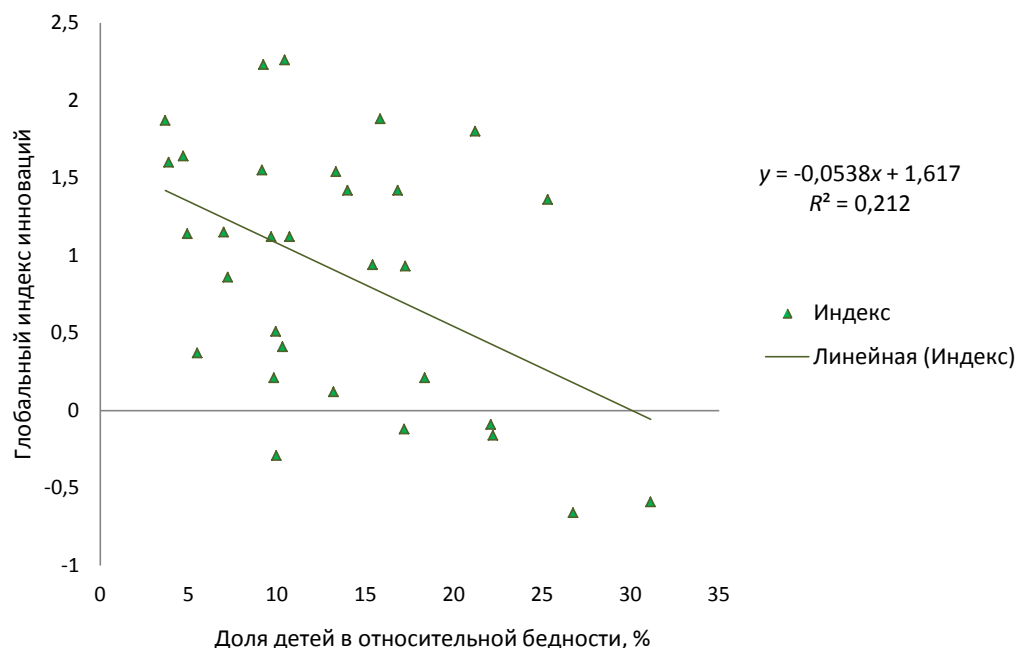

Рис. 7. Влияние относительной бедности детей на развитие инноваций

Статистические оценки влияния бедности детей на качество школьного образования можно интерпретировать как прямое выражение причинной зависимости. Однако статистические связи индексов инноваций с качеством школьного образования и детской бедностью нельзя буквально интерпретировать как указание на причинную обусловленность. В этом случае следует констатировать, что *детская бедность и качество школьного образования представляют собой системные индикаторы состояния социальной среды, которое предопределяет мотивацию и развитие инновационной активности.*

Таким образом, мы приходим к выводу, что *низкое качество социальной среды препятствует модернизации и развитию инноваций и что социальный прогресс является необходимым условием для модернизационного прорыва в России.*

В анализе влияния социальной среды на демографическую ситуацию мы воспользуемся аналогичным подходом. На рис. 8 показано влияние относительной бедности всего населения по оценкам Люксембургского центра на показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении и вероятности смерти в возрасте от 15 до 60 лет по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по 36 странам – членам и партнерам ОЭСР, включая Россию. Зависимости, показанные на этом рисунке, слабее, чем те, которые были рассмотрены выше. Однако они явно свидетельствуют, что чем выше доля относительно бедных в общей численности населения, тем ниже ожидаемая продолжительность жизни и тем выше вероятность смерти в активном возрасте от 15 до 60 лет. Проблема депопуляции в России в значительной степени обусловлена избыточно высокой смертностью в этом возрастном

диапазоне. По оценке ВОЗ в 2009 г. вероятность смерти в возрасте 15–60 лет составляла в России 269 промилле (смертных случаев на 1000 человек). Для сравнения: в США она составляла 106 промилле, в Великобритании – 77 промилле, во Франции и Италии – 85 и 59 промилле. В России смертность в активном возрасте выше, чем в Бразилии, Мексике, Гватемале и Таиланде. Разумеется, эта российская проблема обусловлена не только бедностью, но и многими другими негативными свойствами социальной среды, однако бедность во многом обуславливает и эти негативные её свойства.

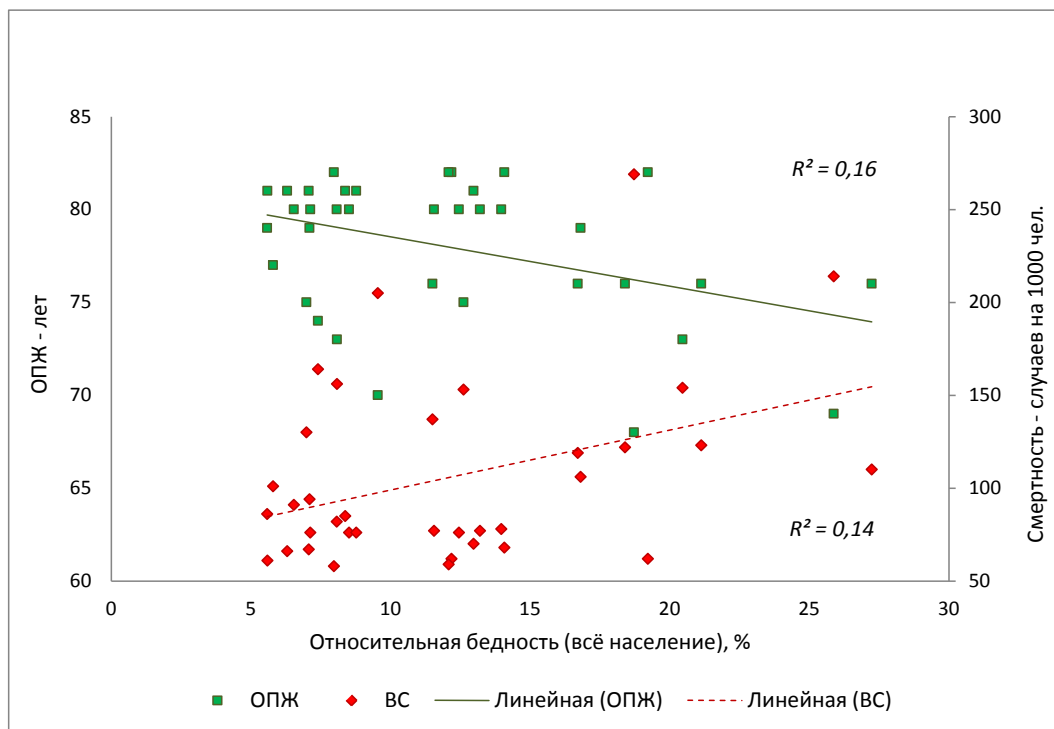

Рис. 8. Влияние относительной бедности населения на ожидаемую продолжительность жизни (ОПЖ) и вероятность смерти в возрасте 15–60 лет (BC), 2009 г.

Различия между странами по смертности в возрасте 15–60 лет характеризуют различия качества социальной среды в этих странах. Поэтому индекс инноваций сильно зависит от вероятности умереть в возрастном диапазоне 15–60 лет (см. рис. 9). Впрочем, в данном случае также приходится говорить не о прямой причинной зависимости, а о наличии общих причин, одновременно ограничивающих возможности инноваций и повышающих вероятность смерти в активном возрасте, в числе которых распространённость и глубина бедности, являющиеся прямыми следствиями чрезмерно глубоких социальных неравенств.

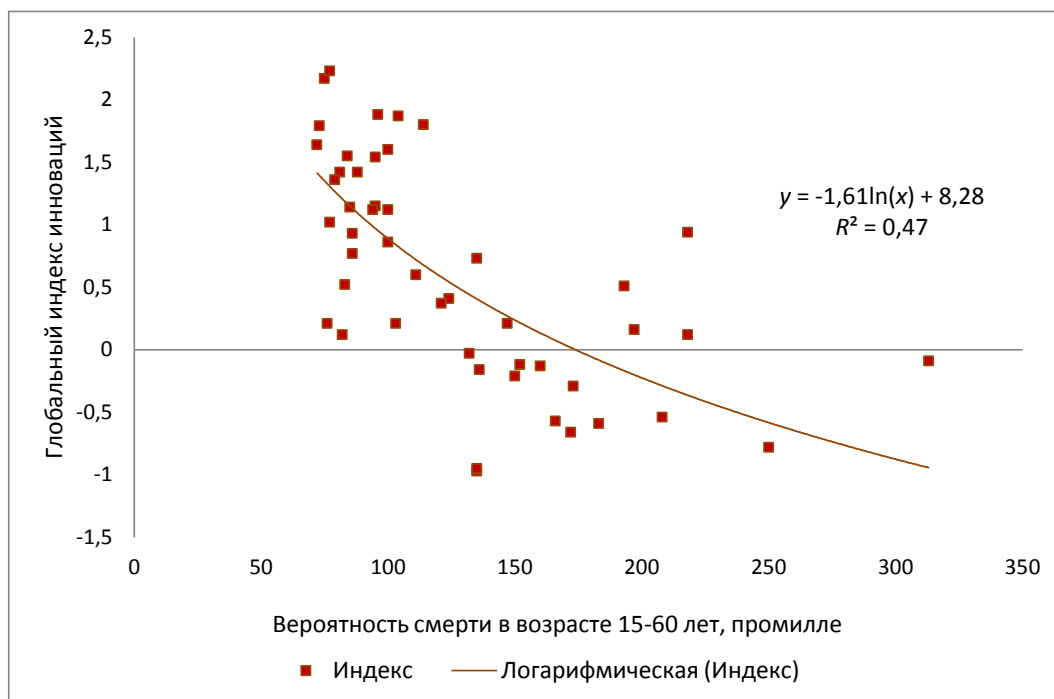

Рис. 9. Влияние смертности в возрасте 15–60 лет на развитие инноваций

Мы рассмотрели два важных примера статистической оценки формирования гуманитарных возможностей и ограничений инновационного развития экономики под воздействием свойств социальной среды, выделив эффекты, обусловленные относительной бедностью как следствием чрезмерно глубоких социальных неравенств. На самом деле, существует множество других видов такого рода ограничений, по которым, к сожалению, нет статистических данных. К ним относятся так называемые социальные градиенты, т. е. зависимости возможностей и функциональных способностей людей от уровня их материальной обеспеченности, прежде всего – от уровня их дохода. В докладе ВОЗ (см.: [5]) широко обсуждаются социальные градиенты по показателям здоровья и медицинского обслуживания населения. В докладе показано, что чем выше неравенство доходов, тем сильнее эти градиенты. Очевидно, что социальные градиенты существуют как в сфере образования, так и в других сферах воспроизводства и развития человеческих потенциалов. В докладе ВОЗ отмечено, что принципиально важную роль в компенсации социальных градиентов играют государственные расходы на здравоохранение, тогда как увеличение частных расходов на эти цели соответствующие градиенты только усиливает. Не имея возможности прямо оценить градиенты по здоровью населения, мы рассмотрим поэтому статистические оценки влияния соотношений между государственными и частными расходами в сфере здравоохранения на демографические показатели в 188 странах мира, пользуясь данными ВОЗ (см. рис. 10 и 11).

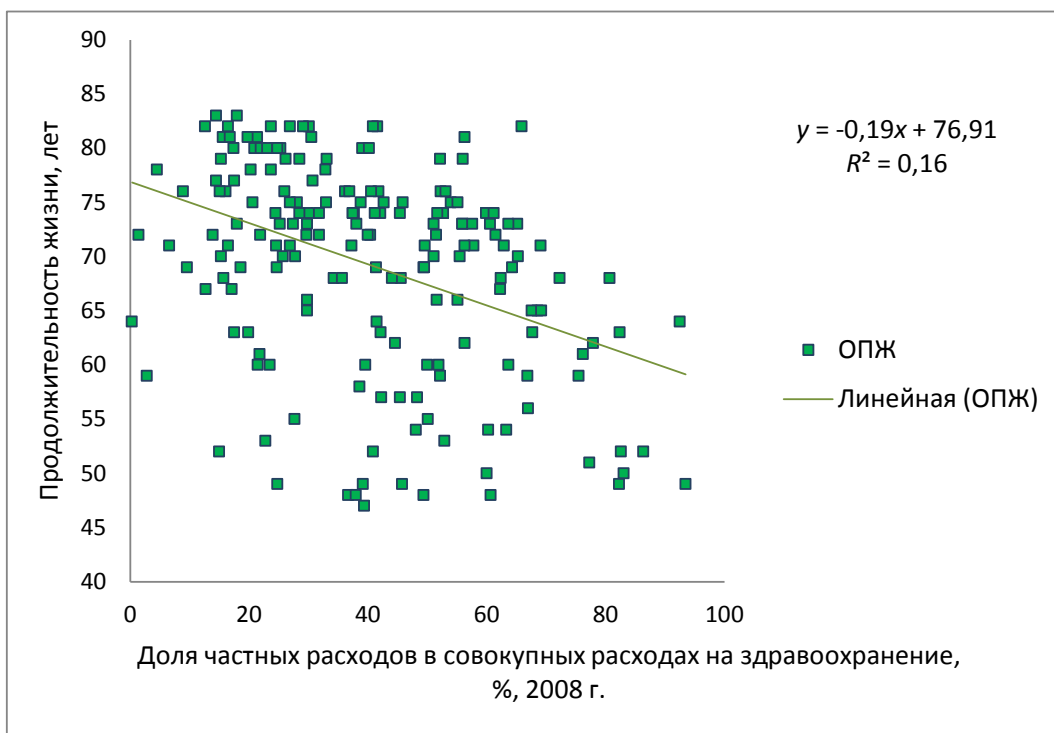

Рис. 10. Влияние структуры расходов на здравоохранение на ожидаемую продолжительность жизни при рождении (ОПЖ), 2009 г.

Рис. 11. Влияние структуры расходов на здравоохранение на вероятность смерти в возрасте 15–60 лет (BS), 2009¹ г.

На рис. 10 показано, что чем выше доля частных расходов в совокупных расходах на здравоохранение, тем ниже ожидаемая продолжительность жизни при рождении, а на рис. 11 – что чем выше доля частных расходов в совокупных расходах на здравоохранение, тем выше вероятность

¹ Данные по оси абсцисс указаны за 2008 г., т. к. аналогичных данных за 2009 г. в доступных источниках нет.

смерти в возрасте от 15 до 60 лет. Хотя коэффициенты детерминации в регрессиях на этих рисунках не велики, приведённые оценки имеют высокую статистическую значимость. Содержательное объяснение этих оценок кроется в эффектах социальных градиентов: чем выше доля частных расходов, тем менее услуги здравоохранения доступны недостаточно обеспеченным слоям населения.

Естественно, что само по себе повышение как государственных, так и частных расходов на здравоохранение улучшает рассмотренные демографические показатели. Однако, государственные расходы на здравоохранение намного эффективнее частных: по повышению продолжительности жизни они эффективнее примерно в два раза, а по снижению смертности в активном возрасте – примерно в полтора раза. В то же время в России наблюдается опережающий рост частных расходов в сферах образования и здравоохранения, а реформы, осуществляемые в стране в этих отраслях в последние годы, лишь усугубляют эти тенденции. Таким образом, развитие социальной среды в России идёт сейчас в направлении, противоположном целям модернизации и инновационного развития страны. Замещение части государственных расходов «соплатежами» населения в сферах образования и здравоохранения влечёт за собой снижение качества образования, ухудшение здоровья населения и демографической ситуации в целом. В свете выявленных зависимостей это неизбежно будет создавать препятствия для осуществления модернизационного прорыва России, обусловленные качеством её человеческого потенциала.

Рассмотренные статистические факты определённо показывают, что утвердившееся в России чрезмерное неравенство и массовая бедность как одно из ярчайших его проявлений негативно воздействуют на качество образования, здоровье населения и демографические процессы, а также на развитие инноваций и конкурентоспособность страны. В связи с этим возникает вопрос, как следовало бы реформировать распределительные отношения, чтобы преодолеть эти негативные эффекты. Определённый подход к решению этой проблемы был найден в теории нормального и избыточного неравенства в книге А. Шевякова и А. Кируты (см.: [6]).

Неравенство – результат неравномерного распределения ресурсов и возможностей между людьми, а дифференциация доходов – это одно из видимых, хотя и принципиально важных проявлений этой неравномерности. Как и в распределении ресурсов между отраслями и внутри отраслей экономики, в распределении ресурсов и возможностей между людьми возникают *нерациональность и ошибки (misallocation)*, влекущие за собой снижение эффективности. Неравенство доходов зависит не только и не столько от того, как распределены в обществе

Замещение части государственных расходов «соплатежами» населения в сферах образования и здравоохранения влечёт за собой снижение качества образования, ухудшение здоровья населения и демографической ситуации в целом. Это неизбежно будет создавать препятствия для осуществления модернизационного прорыва России.

человеческие потенциалы, сколько от того, как *они соединяются с экономическими ресурсами, необходимыми для осуществления разнообразных человеческих функций*. Таким образом, неравенство и бедность – это функциональные характеристики экономики.

Наличие избыточного неравенства доходов означает, что какую-то часть ресурсов, обслуживающих высокие доходы, можно передать тем, кто получает низкие доходы, таким образом, что прирост продуктивности тех, кто получал низкие доходы, превысит снижение продуктивности тех, у кого эти ресурсы будут изъяты. Продуктивность здесь нужно интерпретировать в широком смысле – как размеры осуществления различных общественно значимых человеческих функций. Но сказанное верно и в прямом экономическом понимании продуктивности: перераспределение ресурсов, снижающее неравенство доходов, может повысить и производительность труда, и темп экономического роста, за счёт расширения совокупных функциональных возможностей общества. Избыточное неравенство эквивалентно бедности по критерию функциональных возможностей населения и, тем самым, ограничению функциональных возможностей экономики в целом. Низкая по сравнению с развитыми странами производительность труда в России, высокая смертность и низкая рождаемость, коррупция, неразвитость институтов гражданского общества – это проблемы, непосредственно связанные с избыточным социально-экономическим неравенством и в значительной степени им обусловленные. Положительная обратная связь между неравенством и перечисленными факторами привела к тому, что Россия фактически оказалась в «ловушке неравенства», когда неравенство человеческих потенциалов и экономическое неравенство взаимно обуславливают и усиливают друг друга, что делает траекторию социально-экономического развития страны всё более и более неэффективной.

В условиях кризиса 2008-2009 гг. экономическая наука столкнулась с рядом принципиальных проблем, требующих пересмотра основополагающих концепций и взглядов на экономическую и социальную политику, которые долгое время навязывались обществу “economics”. Это касается и того, какими должны быть доля и функции государства в экономике, и соотношений между рыночными и нерыночными институтами. Смысл налоговой и бюджетной политики государства состоит в том, чтобы оплачивать те общественно необходимые издержки, которые не оплачивает рынок. А рынок не оплачивает или только частично оплачивает воспроизводство населения, рост человеческого капитала и, шире, человеческого потенциала, фундаментальные и прикладные исследования, не имеющие очевидной и скорой коммерческой отдачи, и многое другое, необходимое не только для человеческого разви-

Неравенство человеческих потенциалов и экономическое неравенство взаимно обуславливают и усиливают друг друга, что делает траекторию социально-экономического развития страны всё более и более неэффективной.

тия, но и для динамической эффективности самого рынка. Ключевая идея прогрессивного налогообложения доходов физических лиц состоит в том, что рыночные доходы, превышающие некий уровень, зависящий от структурных свойств экономики, обусловлены тем, что при их получении оплачиваются не все факторы, за счёт которых эти доходы создаются.

Экономико-математическая теория оптимальных налогов на доходы физических лиц была разработана в исследованиях Нобелевских лауреатов Джеймса Мирлиса и Питера Дайэмонда. Согласно этой теории *максимум общественного благосостояния достигается за счёт прогрессивного налога с отрицательными налогами* (т. е. трансфертами) для лиц с доходами ниже определённой границы. В моделях Мирлиса и Дайэмонда учитываются и производство, и сбалансированность государственного бюджета, и негативное воздействие прогрессивного налога на склонность высокооплачиваемых работников к труду. Результат достигается благодаря тому, что небольшое снижение общественной полезности из-за негативного воздействия прогрессивного налога на высокооплачиваемых работников с лихвой компенсируется повышением общественной полезности за счёт улучшения положения всех остальных.

Дискуссии вокруг прогрессивного налога порождены неопределённостью представлений о том, что имеется в виду. В принципе прогрессивный налог может быть весьма вредным. Теория говорит, что *существует и может быть рассчитана специальная схема* прогрессивного налогообложения, применение которой одновременно с понижением неравенства расширит функциональные способности экономики и общества. Развитию теории оптимальных прогрессивных налогов посвящено огромное количество публикаций. Помимо недавних работ Дайэмонда (в том числе по построению сбалансированной пенсионной системы при помощи дифференциации налоговых ставок по возрастным группам населения), стоит упомянуть серию работ выдающихся молодых американских экономистов Э. Фархи, Э. Саеца и А. Вернинга (см.: [8; 9; 10]).

Они показали, что для обеспечения эффективной траектории экономического роста, на которой неравенство не усиливается и отсутствует абсолютная бедность, необходимо социальное планирование и управление распределением доходов за счёт оптимальных налогов по Мирлису, которыми облагаются не только доходы, но и имущество. Налог на имущество по Мирлису означает, что люди с низкой имущественной обеспеченностью (например, молодые семьи) получают трансферты, а люди с высокой имущественной обеспеченностью выплачивают прогрессивный налог на имущество. Можно сказать, что на передовом фронте современной экономической науки установился определённый консенсус относительно необ-

ходимости социального планирования и управления с использованием оптимальных схем прогрессивного налогообложения. Важно пояснить, что это не «социальная арифметика», в которой перераспределение доходов рассчитывается в предположении, что поведение экономических агентов никак не изменится, а корректные расчёты в зависимости от оценки реакции людей на налоговые изменения, включая их склонность уклоняться от выплаты налогов [11].

Учитывая остроту ситуации с неравенством в России и его негативные эффекты для реализации модернизационного проекта, необходимо реформирование системы налогообложения в целях смягчения избыточности неравенства. Прогрессивное налогообложение может быть использовано как один из видов ресурсов для социального прогресса в России, направленного на стимулирование человеческого развития. Одна из первоочередных задач в этом плане – преодоление детской бедности. Однако при этом необходимо понимать, что далеко не все социальные проблемы могут быть решены путём прямых социальных трансфертов малообеспеченным слоям населения. Социальные градиенты по функциональным возможностям людей в зависимости от их материальной обеспеченности во многих случаях более эффективно сглаживаются за счёт государственных расходов на образование, здравоохранение и другие виды социальных благ и услуг.

Библиографический список

1. The Global Competitiveness Report 2010-2011. – World Economic Forum, Geneva, Switzerland.
2. United Nations Development Project, Human Development Reports. URL: <http://hdr.undp.org> (25.11.2011).
3. Andrew, J. P.; DeRocco, E. S.; Taylor, A. The innovation imperative in manufacturing (How the United States can restore its edge) // Boston Consulting Group and National Association of Manufacturers, March 2009. URL: <http://www.bcg.com/documents/file15445.pdf>.
4. Program for International Student Assessment, OECD, URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/15/13/39725224.pdf>; интерактивная база данных PISA Country Profiles, URL: <http://pisacountry.acer.edu.au/>.
5. Заключительный доклад комиссии ВОЗ по социальным детерминантам здоровья, 2010, “Closing the gap in a generation: Health equity through action on the social determinants of health”, URL: http://www.who.int/social_

[determinants/thecommission/finalreport/en/index.html;](http://www.who.int/entity/whosis/whostat/EN_WHS2011_Part2.xls)
[URL: http://www.who.int/entity/whosis/whostat/EN_WHS2011_Part2.xls.](http://www.who.int/entity/whosis/whostat/EN_WHS2011_Part2.xls)

6. Шевяков А. Ю., Кирута А. Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. – М.: М-Студио, 2009.
7. Aghion, Ph. Rethinking Growth and the State // INET, 10 April 2011.
8. Farhi, E.; Werning, I. Inequality and Social Discounting // Journal of Political Economy. 2007. Vol.115. No. 3, pp. 365–402.
9. Werning, I. Optimal Fiscal Policy with Redistribution // Quarterly Journal of Economics. 2007. Vol. 122. No. 3, pp. 925–967.
10. Saez, E.; Slemrod, J.; Giertz, S. The Elasticity of Taxable Income with Respect to Marginal Tax Rates: A Critical Review. 2009. NBER Working Paper 15012 // The National Bureau of Economic Research. URL: <http://www.nber.org/papers/w15012>.
11. The Mirrlees Review: Tax Reform for the 21st Century – Institute for Fiscal Studies, 2010.

Т е м а н о м е р а : Человеческий потенциал российской модернизации

Человеческий капитал и проблема неравенств в модернизирующемся образовании

Ключарёв Григорий Артурович – доктор
философских наук, профессор

E-mail: KliucharevGA@mail.ru

Человеческий капитал и проблема неравенств в модернизирующемся образовании

Аннотация

Воспроизводство и накопление человеческого капитала является одной из важнейших составляющих успеха модернизации. При этом система образования производит основные модернизационные ресурсы, включая человеческий капитал в виде знаний, навыков, технологий, компетенций и т. д. В данной статье показано, чем обусловлены и как формируются образовательные неравенства, какова их положительная и негативная роль в процессах социально-экономических преобразований современного российского общества.

Abstract

The reproduction and accumulation of human capital is the key condition of modernization. The education system provides key modernization resources in the forms of knowledge, skills, technologies, competencies etc. The paper explores education inequalities, their positive and negative functions in the process of systemic modernization of contemporary Russian society.

Ключевые слова: модернизация, человеческий капитал, образовательные неравенства, качество, доступность образования

Keywords: modernization, human capital, education inequalities, quality assurance, access to education

Задача повышения эффективности производства и накопления человеческого капитала в модернизирующихся обществах обусловила резкое повышение интереса к разработке новой образовательной политики. При оценке человеческого потенциала, который по своей сути входит в число основных составляющих успеха модернизации, следует обратиться к теории «человеческого капитала». Предложенная на рубеже 1950-1960-х гг. учёными-экономистами Т. Шульцем и Г. Беккером (см.: [1–4]), эта теория получила широкое рас-

пространение, особенно при изучении трансформационных процессов. Один из ключевых вопросов, который ставится исследователями, – какую роль играют неравенства в процессе производства и накопления человеческого капитала. Иначе говоря, речь идёт о неравенствах в образовании.

Фундаментальная по своей сути проблема социального неравенства в сфере образования проецируется как соотношение между его качеством и доступностью, посредством которых многие политические лидеры охотно определяют национальные приоритеты и институциональные цели. В начале 2000-х гг. официально провозглашалось, что к 2010 г. Европейский союз, благодаря оптимальному соотношению доступности и качества в рамках непрерывного образования, должен стать «самым конкурентоустойчивым регионом в мире, основанном на экономике знаний, что обеспечит достаточное количество рабочих мест и социальное благополучие» (см.: [5]). В то же время практика показала (в том числе и на примере наиболее слабых в ЕС экономик Греции, Португалии, Ирландии), что с учётом национальных и идеологических приоритетов, возможностей конкретных экономик, качество и доступность образования всякий раз существенно отличаются друг от друга.

Концепт равенства изначально предполагал, что возможности всех людей должны быть одинаковыми или, по крайней мере, сопоставимыми от самого рождения. Образованию отводилась основная роль в состязании за место в жизни. Считалось, что реализация индивидуальных судеб сполна определяется полученным на начальном этапе – в период детства и юношества – образованием. Поэтому старая либеральная теория провозглашала равенство возможностей в рамках формального образования, которому отводилась роль «Великого уравнивателя» (Great Equalizer).

Однако многочисленные исследования индивидуальных жизненных траекторий в межстрановом, региональном и культурно-историческом контекстах показали, что на практике географические, национальные, семейные, биологические факторы имеют гораздо большее значение, чем ожидалось. Оптимизм в отношении возможностей образования как социального инструмента постепенно уменьшался. Из «Великого уравнивателя» оно постепенно превратилось в «Большое решето» (Great Sieve), основная задача которого – фильтровать профессиональные судьбы людей по определённым признакам и расставлять их по различным ячейкам общественной структуры.

С конца 1970-х гг. понятие равенства в образовании значительно усложнилось и в рамках современных неолиберальных подходов стало описываться концептом доступности. В оборот были введены новые виды образования – неформальное и информальное. Это позволило реабилитировать принцип равенства, поскольку теперь в образовании, понимаемом

Оптимизм в отношении возможностей образования как социального инструмента постепенно уменьшался. Из «Великого уравнивателя» оно постепенно превратилось в «Большое решето», основная задача которого – фильтровать профессиональные судьбы людей по определённым признакам и расставлять их по различным ячейкам общественной структуры.

предельно широко и расплывчато, мог участвовать каждый человек. Справедливость, по крайней мере, в политической риторике, была восстановлена. Для всех и для каждого появилась возможность учиться в любой период жизни – «от рождения и до последнего вздоха».

Одной из актуальнейших проблем модернизации российского общества становится в этих условиях проблема доступности образования для граждан страны и преодоления существующих в этой области социальных неравенств. Ведь социальные неравенства в современной России исключительно глубоки, присутствуют практически во всех сферах жизни общества и сами по себе являются серьёзным препятствием на пути модернизации. Так, обращаясь к данным Федеральной службы государственной статистики, мы обнаруживаем, что размер дохода на душу населения у 10% самых бедных и 10% самых богатых в современной России отличается в 16–17 раз¹. По данным социологических замеров эта цифра значительно больше и составляет до 30 в среднем по стране (и до ста и более раз в мегаполисах)². Проявляются социальные неравенства и во вне-экономической сфере – в качестве жизни россиян, социально-психологическом состоянии, доступности стратегий адаптации и улучшения своего положения, восприятию жизни в целом. К разряду важнейших факторов, опосредующих типичные для современной России социальные неравенства, относятся не только проживание в разных типах поселений, возрастная дискриминация или уровень дохода, но и различия в уровне образования, в значительной мере утратившего присущие ему функции «социального лифта» и превратившегося в инструмент консервации барьеров между различными социальными и культурными группами. Таким образом, неравенства в доступности образования тем более важны, что сами генерируют новые виды неравенств. Это ещё раз подчеркивает значимость данной проблематики для успешного решения задачи модернизации российского общества.

Образовательные неравенства в модернизированных обществах обычно проявляются в виде ограничения (а иногда и принципиальной невозможности) доступа к качественному образованию. Увеличение объёма платных услуг и рост числа учебных заведений, предоставляющих услуги на коммерческой основе, выводят за рамки соревнования представителей малообеспеченных и низкодоходных семей. Специфика таких неравенств заключается в том, что они имеют кумулятивный (накопительный) характер: возникая на уровне детского сада и начальной школы, они продолжают развиваться и затем закрепляются в старших классах средней школы. Данные под-

¹ Рассчитано по данным Росстата (см.: [6]).

² Рассчитано по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РЭМЗ – RLMS) 2008 и 2009 гг. (см.: [7]).

тверждают, что сегодня в стране параллельно существуют две системы образования: одна – для образованных и обеспеченных (преимущественно городских) жителей, другая – для малообразованных и небогатых (преимущественно сельских) семей.

Характерно, что данная тенденция наблюдается на всех уровнях общего и профессионального образования (см., например: [8; 9]). Так, около четверти средних школ, расположенных в малых городах и сельской местности, большинство учеников в которых происходит из семей, где родители не имеют высшего образования, плохо обеспечены современным оборудованием и страдают от недостатка квалифицированных учителей. Одновременно в лучших школах (как правило, гимназиях и лицеях) с хорошими показателями качества обучения, солидным преподавательским составом и высоким уровнем текущего (как бюджетного, так и внебюджетного) финансирования, а таких школ примерно 20%, доля родителей с высшим образованием превышает 80%. При этом, с точки зрения душевой стоимости обучения одного школьника, «сильные» и «слабые» школы одного размера, расположенные в одном городе, могут отличаться друг от друга в разы.

Статистика свидетельствует, что сегодня в российские вузы поступают в 2,5 раза больше выпускников «сильных», нежели «слабых» школ. Более того, в национальной системе общего среднего образования сформировались и сосуществуют, как минимум, три типа учебных заведений (см.: [10]):

1. Элитные гимназии, лицеи и спецшколы, как правило, платные;
2. Школы с частично оплачиваемыми услугами или отдельными привилегиями в образовании;
3. Массовые общеобразовательные школы, обеспечивающие минимальный образовательный стандарт.

Естественно, что эти три типа школ предоставляют различные возможности доступа к высшему образованию. Причём выбор вуза, а следовательно, и будущей специальности, предопределяется типом среднего общеобразовательного учреждения: привычная для развитых стран Запада модель «образование – профессия – доход» трансформируется в российских условиях в «доход – образование – профессия», где образование утрачивает изначально присущую ему роль фактора восходящей мобильности (см.: [11]). *Гимназии, лицеи и спецшколы* обеспечивают подготовку для поступления в «престижные» (гарантирующие достижение высокого социального статуса, приличное трудоустройство и быстрый карьерный рост в находящихся на подъёме секторах экономики) вузы; *школы с частично оплачиваемыми услугами* дают шанс на поступление в «непрестижные», лишённые широкой известности и высокого конкурса, а также неперспективные в плане буду-

Сегодня в стране параллельно существуют две системы образования: одна – для образованных и обеспеченных (преимущественно городских) жителей, другая – для малообразованных и небогатых (преимущественно сельских) семей.

щего социального продвижения высшие учебные заведения; наконец, *массовые общеобразовательные школы* практически не оставляют своим выпускникам надежды на поступление в вуз без дополнительной подготовки и значительных расходов со стороны семьи абитуриента.

Подобное деление общеобразовательных учебных заведений и стоящих за ними образовательных траекторий определяет тип неравномерной социальной мобильности и различные социальные перспективы выходцев из разных слоёв и групп общества. Всё это, несомненно, не только дифференцирует учащихся, но и воспроизводит существующую социальную структуру российского общества с присущим ей масштабным социальным неравенством.

Ещё более очевидно *неравенство в доступе к профессиональному образованию*. Особенно это относится к высшему профессиональному образованию, воспринимаемому как основная форма человеческого капитала. Действительно, это своего рода гарантия сохранения достигнутого социального статуса или его повышения, действенный механизм вертикальной мобильности. Последнее десятилетие ознаменовалось в России устойчивым ростом относительной численности студентов, и к настоящему моменту этот показатель, похоже, уже достиг своего максимального значения. Конечно, это можно расценивать как свидетельство увеличения доступности высшей ступени национальной образовательной системы. Вместе с тем, фиксируемый прирост явился результатом не столько государственных, сколько индивидуальных инвестиций населения в образование: так, если в начале 2000-х гг. менее половины вновь принятых в российские вузы студентов оплачивали своё обучение самостоятельно, то в настоящее время – двое из трёх (см.: [12]).

Естественно, что, повышая доступность высшего образования для обеспеченных, принцип платности снижает её для бедных и нуждающихся, представителей неполных семей, детей менее образованных и не имеющих высокого социального статуса родителей, ибо в условиях хронической недостаточности ресурсов вузы вынуждены предпочитать студента, не наделённого способностями, но готового оплачивать своё обучение. Причём речь идёт как о фактической доступности высшего образования (особенно престижного и качественного, отличающегося от массового «псевдообразования», зачастую неспособного дать его обладателям даже минимально необходимого для профессиональной деятельности набора компетенций), так и о неравенстве намерений¹.

¹ Значительная (45% лиц в возрасте 15–35 лет) часть россиян убеждена в том, что для них недоступно *не высшее образование как таковое, а хорошее высшее образование* (подробнее см.: [13]).

Помимо доходов родительской семьи, к категории значимых факторов доступности высшего образования относятся: человеческий капитал родителей, уровень урбанизированности места жительства, успеваемость и качество школьной подготовки потенциального студента, доступные ему «полезные связи». Так, абитуриент, прошедший первичную социализацию в малом городе или сельской местности, имеет, как правило, значительно меньше шансов обнаружить свою фамилию в списке студентов престижного столичного вуза, чем тот, кто, будучи москвичом, с 10–11 класса занимался на организованных при этом вузе подготовительных курсах. Возможно, именно этим и объясняется тот факт, что, по сравнению с серединой 1980-х к началу 2000-х гг. доля иногородних студентов, обучающихся в высших учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга, уменьшилась в 2–2,5 раза.

Как следствие, в наиболее уязвимом положении оказываются представители и без того ущемлённых в своих социальных правах, фактически депривированных групп, а именно:

- сельские жители и жители малых городов, удалённых от вузовских центров;
- дети из малообеспеченных семей, в состав которых входят инвалиды, безработные, неквалифицированные рабочие;
- дети из семей с невысоким образовательным потенциалом родителей;
- дети мигрантов;
- дети с плохим здоровьем;
- выпускники учреждений системы начального профессионального образования.

Итак, профессиональное образование становится в современной России частью цикла социального расслоения. Очевидное свидетельство этого – ситуация, складывающаяся в российской системе начального профессионального образования, где доля детей из семей, в которых родители не имеют высшего образования, почти в 15 раз превышает долю отпрысков высокообразованных родителей (см.: [14]). Опираясь на результаты социологических исследований, мы вынуждены, к сожалению, констатировать, что ни введение Единого государственного экзамена (ЕГЭ), ни использование государственных именных финансовых обязательств (ГИФО) не способствуют пока разрешению (или, по меньшей мере, смягчению) указанных проблем.

Ещё одна особенность образовательных неравенств связана с отсроченным во времени проявлением результатов полученного образования. Эти неравенства можно на-

Профессиональное образование становится в современной России частью цикла социального расслоения.

звать латентными. Речь идёт о возможностях использования тех преимуществ, которые возникают или должны возникать у человека на определённом этапе развития его человеческого капитала, при достижении им того или иного образовательного уровня. Так, по результатам многолетних исследований Д. Л. Константиновского и его сотрудников, существующие стратегии образовательного поведения лишь усиливают неравенства. Чем выше уровень имеющегося образования, тем выше реальные инвестиции как в формальное, так и в неформальное и информальное образование: «не только люди более высокого статуса с большей интенсивностью обращаются к дополнительной подготовке (т. е. продолжают обучение – *авт.*), но и сама эта подготовка по-разному изменяет положение работников, стоящих на разных ступенях социальной лестницы» [15].

Специфика российского социума такова, что наличие диплома, удостоверяющего факт получения того или иного уровня образования, не становится в наши дни «автоматическим пропуском в рай», гарантом нахождения интересной работы, успешного трудоустройства, высоких доходов и общего повышения качества жизни. Не случайно результаты исследований говорят о том, что при прочих равных условиях незащищённость и малообеспеченность концентрируются сегодня не столько в малообразованных слоях, сколько в так называемой «малой России» с её застойной бедностью, узким и депрессивным рынком труда, вынуждающим соглашаться на ту работу и зарплату, которую предлагают, где развитый человеческий капитал не востребован пока в массовом масштабе.

Важной проблемой следует считать и более чем скромное качество образовательных услуг, предоставляемых сегодня в России. Одной из главных и уже отмеченных нами тенденций стало формирование и обособление двух подсистем элитного и массового образования. Социологи отмечают, что на фоне массового «движения» молодёжи в вузы происходит широкомасштабное снижение качества обучения¹. Причём не только по массовым гуманитарным, но и по некоторым инженерно-техническим, сельскохозяйственным и медицинским специальностям. При этом качество образования не устраивает зачастую и работодателей, и «поставщиков рабочей силы», и самих выпускников учебных заведений. Так, около трети работодателей оценивают качество образования, полученного их молодыми сотрудниками, негативно, вне зависимости от того, диплом какого вуза имеется. Другая треть считает, что с точки зрения карьеры образование особого значения не

¹ С точки зрения охвата населения образованием разных уровней, Россия занимает в мире одно из ведущих мест: доля россиян с образованием не ниже среднего специального составляет порядка 55%, что в два раза превышает средние показатели по странам Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) (подробнее см.: [14, с. 16]).

имеет. Всё дело, полагают они, в личных характеристиках человека, связанных, например, с его способностью обучаться, осваивать новые знания и приобретать трудовые навыки, а не в «корочке». Некоторые работодатели вообще стараются набирать специалистов откуда угодно, только не из вузов собственного региона, и постоянно твердят о дефиците молодых специалистов, которые ограничены в своих профессиональных и социально-психологических компетенциях (см.: [16]).

Косвенным, но весьма красноречивым показателем качества образования является вектор воздействия полученного образования на величину заработков. Как правило, более высокое и качественное образование обеспечивает его обладателю более высокую заработную плату. Однако российская специфика вносит здесь свои коррективы. Например, на уровне среднего профессионального образования «премия» почти не заметна. Это, несомненно, подтверждение того, что значительная часть выпускников этих типов образовательных программ не получают знаний и навыков, востребованных и хорошо вознаграждаемых на рынке труда.

Складывается впечатление, что учебные заведения России и отечественный рынок труда находятся на разных планетах. Дело в том, что последние десять лет система образования развивалась неадекватно потребностям экономики не только по качеству, но и по структуре подготовки специалистов. Как следствие – постоянно увеличивающийся разрыв между тем, кем люди хотят быть; тем, кто, по прогнозам государственных органов, нужен экономике; и теми, кто в итоге оказывается на рынке труда.

Такая ситуация складывается по причине того, что *система образования ориентируется на воспроизводство самой себя и лишь частично – на спрос со стороны потребителей её услуг, т. е. учащихся*. Последние плохо представляют объективную ситуацию на рынке труда и его прогнозируемое состояние к моменту получения ими диплома об окончании учебного заведения. Плохо отлаженный механизм информирования о специфике спроса на труд приводит к тому, что люди выбирают профессии интуитивно, исходя из соображений популярности или, как иронично отметил Н. Е. Покровский, ничем не мотивированного *каприза* (см.: [17]). Стремясь поступить на престижные факультеты и кафедры престижных вузов или просто получить вожделенный диплом о высшем образовании, до сих пор воспринимаемый многими как «путёвка в жизнь», молодые люди не задумываются, нужно ли будет в их работе образование этого уровня как таковое. Не догадываются они и о том, что чем дальше, тем меньше они будут востребованы на рынке труда, ибо уже сегодня мы говорим о явной избыточ-

Система образования ориентируется на воспроизводство самой себя и лишь частично – на спрос со стороны потребителей её услуг.

ности специалистов с высшим образованием¹. В какой-то мере виновниками происходящего можно считать и отечественных работодателей, убеждённых в том, что диплом есть показатель общей культуры, и предпочитающих принимать на работу соискателей с высшим образованием даже в тех случаях, когда специфика рабочего места вовсе не требует его наличия.

Летом 2009 г. в некоторые столичные вузы было подано до 60 тыс. заявлений, тогда как многие региональные техникумы и профтехучилища не смогли набрать себе студентов и вынуждены были продлевать набор (см.: [19]). Вместе с тем, даже в условиях относительно благополучного московского рынка труда, готового к массовому «поглощению» высококвалифицированной рабочей силы, более половины (57,8%) свободных рабочих мест приходится, как и прежде, на рабочие профессии (см.: [20]). Современной Москве требуется порядка 9,8 тыс. водителей, более 4,6 тыс. грузчиков, без малого 14 тыс. подсобных рабочих, значительное количество представителей иных рабочих специальностей – слесарей, продавцов, монтажников, строителей. Именно поэтому большинству выпускников российских вузов приходится работать не по специальности², а некоторым – вообще занимать рабочие места, не требующие высшего образования.

Эксперты опасаются, что стремление абитуриентов учиться только в столичных вузах, помноженное на демографический спад, подорвёт не только системы начального и среднего профессионального образования, но даже высшего образования в других регионах. Кроме того, диспропорции в части распределения обучающихся и обученных наблюдаются не только между различными уровнями национальной системы образования, но и внутри них. Наряду с престижными и востребованными, готовящими юристов, экономистов, менеджеров, имеют место быть и так называемые «непрестижные» вузы. К таковым общественное мнение относит по инерции, например, учебные заведения инженерных специальностей, имевших наибольший удельный вес в системе советского высшего образования, но утративших былую популярность в условиях стагнации производства.

Таким образом, *национальная система профессиональной социализации малоэффективна, разбалансирована, функционирует в условиях отсутствия связей с потребностями*

¹ Так, к концу 2007 г. система высшего образования обеспечивала подготовку специалистов на 60%, тогда как структура потребностей отраслей экономики в специалистах с высшим образованием составляла всего 35%. В то же время учреждения среднего профессионального образования обеспечивали подготовку специалистов лишь на 13% при наличии потребности в 45%, а начальные учреждения профобразования – на 15% при потребности в 20% (см.: [18]).

² Более половины студентов выпускных курсов вузов убеждены, что *по специальности работать не будут никогда*. Шансы получить работу в соответствии со своими желаниями и запросами сразу после получения диплома выпускники оценивают в среднем на 3,6 (из 5-ти возможных) балла (подробнее см.: [16]).

общества. Дисбаланс между профессиональным выбором человека и возможностями его реализации затрудняет процессы формирования стабильных и устойчивых профессиональных групп, а, в конечном счёте, ведёт к атомизации и дезинтеграции общества, угрожает нарастанием экономической и социальной маргинальности и нестабильности.

В контексте российской модернизации наблюдаются признаки того, что *асимметричность образования по оси «доступность – качество» в последние годы усиливается*. Это выражается, прежде всего, в возрастающем интересе к доступности качественного образования (в том числе – и к образованию за рубежом). Как отмечают эксперты, чем образование качественнее, тем оно менее доступно. Данное обстоятельство становится предметом обсуждения на различных конференциях, круглых столах специалистов. Впрочем, это не удивительно. Странно другое. Качество доступного массового образования мало кого волнует. Поставщики образовательных услуг и их потребители мало озабочены этим вопросом, поскольку сложившаяся ситуация, несмотря на её формальное осуждение, о котором уже говорилось выше, на практике устраивает, похоже, всех. Можно сказать, что ценою понижения качества повышается доступность образования. Эти тенденции наметились ещё в советский период развития страны.

Однако наиболее серьёзным вызовом современной системе российского образования является при этом, пожалуй, тенденция, обозначившаяся именно в последнее десятилетие и никак с советским прошлым не связанная. Состоит она в *неуклонно растущих частных вложениях родителей в качественное образование своих детей и самих себя*. По мнению экспертов, это однозначно свидетельствует о целенаправленном воспроизводстве через систему российского образования определённым образом персонифицированных властно-собственнических групп. При этом выходцы из других социальных групп по различным причинам не имеют доступа к качественному образованию и, следовательно, теряют возможность воспользоваться знаменитым «социальным лифтом», о котором любят говорить либеральные политики. Таким образом, в массовых слоях населения происходит лишь простое воспроизводство многочисленных «низов» без положительных трансформаций их социального и экономического статуса. По сути дела, «идёт дальнейшее расслоение и образуется новое неравенство шансов у работающего и подрастающего поколений россиян, что создаёт не просто новую социальную реальность, а реальность гипертрофированного неравенства» [21] (см. также: [22]).

На практике в этих условиях равная (в идеале) доступность образования, знаний и технологий вступает в противоречие с наиболее выгодным, оптимальным в данных условиях, путём использования имеющихся у различных социальных

Асимметричность образования по оси «доступность – качество» в последние годы усиливается.

групп интеллектуальных и материальных ресурсов. В такой ситуации основным средством, которое способно в некоторой степени преодолеть социокультурные, имущественные, территориальные барьеры на пути обеспечения равного доступа к образованию, становится *дополнительное и непрерывное образование* (см.: [23]). Обратимся поэтому теперь к данным социологических исследований для того, чтобы понять, на каких участках индивидуальных жизненных траекторий дополнительное образование может способствовать выравниванию жизненных возможностей? Как часто, кто и за счёт чего его использует?

Исследования показывают наличие устойчивой мотивации к продолжению образования и, таким образом, накоплению человеческого капитала среди значительной части российского населения самых разных возрастов. При этом намерение продолжать образование определяется, прежде всего, родом профессиональных занятий (см. таблицу 1).

Таблица 1

Намерение продолжать образование у представителей различных профессиональных групп, 2009 г., % от работающих¹

Социально-профессиональные группы	Собираются продолжить образование на курсах, в техникуме, вузе в течение ближайших трёх лет			
	Всего	В т. ч. от планирующих обучение:		
		На проф. курсах	В техникуме	В вузе
Управленцы	12	45	0	64
Профессионалы	24	62	0	54
Полупрофессионалы	31	28	1	80
Офисные работники	22	16	21	68
Рядовые работники торговли и обслуживания	22	23	14	64
Работники ручного физического труда	13	26	18	64
Операторы установок и водители	13	14	32	62
Разнорабочие	14	34	25	54

Как видно из данных таблицы 1, управленцы, а также низко- и среднеквалифицированные работники нефизического труда демонстрируют слабые намерения обновления своего человеческого капитала. При этом если подобные намерения

¹ Расчёты на репрезентативной для населения страны в целом базе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) проводились В. А. Аникиным. В таблице приведены данные лишь по наиболее массовым социально-профессиональным группам (подробнее см.: [24]).

Основным средством, которое способно в некоторой степени преодолеть социокультурные, имущественные, территориальные барьеры на пути обеспечения равного доступа к образованию, становится дополнительное и непрерывное образование.

у них есть, то предпочтение отдаётся обучению в вузе (что связано с желанием сменить работу), а не различного рода профессиональным курсам – последние интересуют всерьёз лишь профессионалов.

Судя по данным волны РМЭЗ за 2008 г., большинством россиян, намеревающихся продолжить образование, движет не только стремление повысить заработок (73%), но также желание получить новую профессию и расширить кругозор (72%), найти новую работу (65%) и повысить квалификацию (68%). Таким образом, *образование выступает для россиян с точки зрения их мотиваций и как форма инвестиций, и как механизм изменения образа жизни.*

Однако, при высокой значимости для россиян образования как самостоятельной ценности, лишь четверть из них определяли в 2010 г. свои возможности получения желаемого образования как «хорошие»; почти столько же респондентов (21,8%) оценивали такие возможности как «плохие» и 47,4% – как «удовлетворительные»¹. При этом образовательный уровень многих ключевых для успешного решения задач модернизации групп явно недостаточен – так, по данным статистики, доля лиц с высшим образованием, занятых в управлении, составляет в России менее 40%, а в промышленности их доля – 18%, что даже меньше, чем в торговле (см.: [25]).

Если рассмотреть мотивацию групп работников с разным уровнем образования, одна из которых включает лиц со средним общим, неполным средним и начальным образованием, а другая – со средним специальным и высшим образованием, а также лиц, имеющих учёную степень, то видно, что высокий образовательный уровень чаще связан с положительным отношением к продолжению учёбы (см. таблицу 2).

Таблица 2

Отношение к продолжению учёбы в зависимости от уровня имеющегося формального образования, 2010 г., %²

Отношение	Образование	
	Ниже среднего специального	Выше среднего общего
Скорее положительное	38,5	61,5
Скорее отрицательное	45,6	54,4

¹ Данные общероссийского исследования Института социологии РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (март 2010 г.) Опрос репрезентировал население страны по территориально-экономическим районам, а внутри них – по полу, возрасту и типу образования.

² Данные опроса ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010).

Образование выступает для россиян с точки зрения их мотиваций и как форма инвестиций, и как механизм изменения образа жизни.

Представляет интерес зависимость способа, которым россияне пополняли свои знания, и типа поселения, где они проживают. Разумеется, в сельской местности институциональное (формальное) образование менее доступно, чем в городе. Однако при этом в сельских населённых пунктах наиболее высока доля лиц, которые компенсировали недоступность формального образования самостоятельной учёбой (11%), включая даже платные частные уроки. Видимо, в последнем случае использовались, прежде всего, возможности дистанционного образования через интернет. Это новая и перспективная тенденция, свидетельствующая о способности в будущем части сельского населения выступить актором модернизации жизни российского села. Кроме того, число лиц, освоивших новую специальность, в областных центрах сейчас выше, чем в мегаполисах с их уникальными возможностями для обучения. Видимо, это объясняется тем, что в мегаполисах легче найти работу по уже имеющейся специальности, а не тратить силы и время на переподготовку.

Представления россиян о роли образования в жизненном успехе позволяют полнее понять их мотивацию в отношении своего человеческого капитала и перспективы развития ситуации с человеческим потенциалом российской модернизации в целом. Так, позитивные, оптимистические представления о будущем заметно преобладают среди тех, кто за последние три года так или иначе получал дополнительное образование. При этом не участвовавшие в дополнительном образовании примерно в 10 раз чаще ожидают, что их жизненные условия и возможности в будущем ухудшатся (см. таблицу 3). Кроме того, исследования выявили взаимосвязь способности к мотивированной учёбе с восприятием мероприятий модернизации. Те, кто выражают желание продолжать обучение в свободное время, положительно встречают социальные и экономические перемены и стараются им соответствовать.

Таблица 3

Представления россиян об индивидуальном будущем в зависимости от участия в системе непрерывного образования, 2010 г., %

Группы	Жизнь улучшится	Жизнь станет хуже	Всё останется без изменений
Участвовали в дополнительном образовании за последние 3 года	24,3	6,9	68,8
Не участвовали в дополнительном образовании за последние 3 года	14,0	60,6	25,4

Парадоксально, что обеспокоены недоступностью необходимого им образования сегодня в России преимущественно люди, постоянно участвующие в различных формах образовательной активности. Иными словами, это те, для кого образование – само по себе важная ценность, и они боятся утратить к нему доступ. С другой стороны, тревожен, с учётом задач становления в ходе модернизационных преобразований инновационной экономики («экономики знаний»), тот факт, что, отвечая на вопрос «Как Вы оцениваете свои возможности получения желаемого образования и необходимых знаний?», только 18,4% назвали эти возможности «хорошими».

Насколько обоснованно беспокойство россиян по поводу недоступности для них необходимых им образования и знаний – притом, что именно непрерывное обновление своих знаний позволяет им чувствовать себя в современных условиях более уверенно? Что в реальности происходит с человеческим капиталом российских работников, измеряемом как в показателях потока его накопления, так и в показателях запаса?

Чтобы ответить на эти вопросы Ю. В. Овчинниковой была разработана специальная методика, позволяющая оценить динамику ситуации с человеческим капиталом в России. Её применение показало, что, несмотря на рост показателей накопленного человеческого капитала, связанный с общим повышением образовательного уровня населения, активность по накоплению человеческого капитала на протяжении последних 5 лет значительно спала. Иначе говоря, присутствуют две разнонаправленные тенденции: наращивание объёма человеческого капитала, полученного в рамках системы основного формального образования, с одной стороны, и снижение доли населения, предпринимającego реальные действия по его обновлению в ходе дополнительного, неформального или информального образования – с другой. С позиции же мотивации процесса накопления человеческого капитала можно зафиксировать преимущественно непроизводительную по мотивам природу накопления в современном российском обществе, т. е. массовая ориентация на получение высшего образования выступает сегодня в России скорее культурной нормой, связанной с ценностью для россиян интересной работы, или же «статусным фильтром», чем реальной инвестицией¹.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что *в период 2002-2012 гг. в российской образовательной системе сформировался ряд негативных тенденций, ставящих под вопрос эффективное использование способностей населения и его тяги к получению образования в целях модернизации. Особенно опасно развитие этих тенденций с учётом того, что человеческий капитал является важнейшим ресурсом модернизации, как экономики, так и общества в целом.*

¹ Расчёты на репрезентативной для населения страны в целом базе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) проведены Ю. В. Овчинниковой (подробнее см.: [26; 27]).

Парадоксально, что обеспокоены недоступностью необходимого им образования сегодня в России преимущественно люди, постоянно участвующие в различных формах образовательной активности.

В период 2002-2012 гг. в российской образовательной системе сформировался ряд негативных тенденций, ставящих под вопрос эффективное использование способностей населения и его тяги к получению образования в целях модернизации.

Библиографический список

1. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. – М.: ГУ-ВШЭ, 2003. – С. 49–155.
2. Mincer, J. Schooling, Experience and Earnings. – N.Y.: National Bureau of Economic Research, 1974.
3. Schultz, T. W. The Economic Value of Education. – N.Y.: Columbia University Press, 1963.
4. Schultz, T. W. Investment in Human Capital: the Role of Education and of Research. – N.Y.: Free Press, 1971.
5. Телегина Г. В. «Образование в течение жизни»: институализация в европейском контексте и её оценка // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / Под ред. Г. А. Ключарева. – М.: ИС РАН, 2008. – С. 22–30.
6. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РЭМЗ – RLMS). 2008-2009. URL: <http://www.hse.ru/rlms> (2.12.11).
7. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РЭМЗ – RLMS). 2008-2009. URL: <http://www.hse.ru/rlms>. Доступность высшего образования в России / Отв. ред. С. В. Шишкин. – М.: Независимый институт социальной политики, 2004.
8. Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. Бег с препятствиями. Кому доступно качественное общее образование // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. – М.: ИС РАН, 2008. – С. 142–158.
9. Чередниченко Г. А. Школьная реформа 90-х годов: нововведения и социальная селекция // Социологический журнал. 1999. № 1/2. – С. 18–19.
10. Вишневский Ю. Р., Шапко В. О. Студент 90-х – социокультурная динамика // Социологические исследования. 2000. № 12. – С. 57.
11. Роцина Я. М. Кому в России доступно высшее образование? // Доступность высшего образования в России. – М.: Независимый институт социальной политики, 2004. – С. 72.

12. Дубин Б. В., Гудков Л. Д., Левинсон А. Г., Леонова А. С., Стучевская О. И. Доступность высшего образования: социальные и институциональные аспекты // Доступность высшего образования в России. – М.: Независимый институт социальной политики, 2004. – С. 24–71.
13. Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в своё будущее? Доклад Общественной палаты РФ. Ред. Е. И. Ясин, Я. И. Кузьминов, 2008. URL: http://www.hse.ru/temp/2007/files/20071220_report.pdf (20.04.2011).
14. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А., Хохлушкина Ф. А. Образовательные и жизненные траектории молодёжи: 1998-2008 гг. – М.: ФГНУ ЦСИ, 2011. – С. 123.
15. Добрынина Е. Научи учёного: Социологи выяснили, какие претензии высказывают друг другу выпускники вузов и их работодатели // Российская газета – Федеральный выпуск. 17 ноября 2007. № 4521.
16. Покровский Н. Е. Храм науки или оптовый рынок знаний? // Философские и социальные науки в университете. – М.: ГУ–ВШЭ, 2002.
17. Шереги Ф. Э. Факторы, противодействующие модернизации российского профессионального образования // Модернизация российского образования: проблемы и перспективы. – М.: Центр социального прогнозирования, 2010. – С. 212–216.
18. Дураков нет. Российские ПТУ и техникумы пустуют, так как все абитуриенты-2009 предпочли вузы // Новые известия. 21 сентября 2009.
19. Вакансии по укрупненным группам профессий и специальностей (из банка вакансий Московской службы занятости, сентябрь 2009 г.). URL: <http://www.labor.ru/pics2/marketstat142.htm> (20.04.2011).
20. Тихонов А. В. Российское общество как новая социальная реальность и метапроект отечественной социологии // Россия реформирующаяся. Вып. 8. – М.: Институт социологии РАН, 2009. – С. 26.
21. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / Под ред. О. И. Шкаратан. – М.: СUIМА, 2003. – 560 с.
22. Горшков М. К., Ключарев Г. А. Непрерывное образование в контексте модернизации. – М.: ИС РАН, ЦСИ, 2011.
23. Аникин В. А. Поведение по отношению к своему человеческому капиталу основных социально-профессиональных групп российского общества // X Международная научная

конференция по проблемам развития экономики и общества. Кн. 3 / Отв. ред. Е. Г. Ясин; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010.

24. Распределение численности занятых в экономике по уровню образования и отраслям в 2002 г. (по материалам выборочного обследования населения по проблемам занятости; на конец ноября) / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b03_33/IssWWW.exe/Stg/d010/i010080r.htm (25.11.2011).
25. Овчинникова Ю. В. Динамика накопления разных видов ресурсов населением России: влияние на особенности модернизации страны // Сборник статей аспирантов – 2009. Вып. 2. – М.: ГУ-ВШЭ, 2009.
26. Овчинникова Ю. В. Динамика накопления человеческого капитала на фоне других ресурсов // Народонаселение. 2010. № 1.

Т е м а н о м е р а : Человеческий потенциал российской модернизации

Особенности занятости в России и перспективы формирования российского среднего класса как актора модернизации

Авраамова Елена Михайловна – доктор экономических наук, заместитель директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН)

E-mail: eavraamova@yandex.ru

Токсанбаева Майраш Сейтказыевна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИСЭПН РАН

E-mail: matoksan@mail.ru

Особенности занятости в России и перспективы формирования российского среднего класса как актора модернизации¹

Аннотация

В статье рассмотрено влияние на человеческий капитал россиян изменений профессиональной структуры и рынка труда в последние два десятилетия, а также вероятность в контексте этих изменений формирования в России такого успешно выступавшего в других странах в этой роли актора модернизации, как средний класс. Показано, что структурные диспропорции российской экономики в 1990–2000-е гг. сопровождались существенными дисфункциями в системе оплаты труда. Совмещение этих процессов не стимулирует работников к накоплению человеческого капитала. В результате подрывается механизм вертикальной мобильности и сокращаются возможности формирования российского среднего класса как актора модернизации.

Abstract

This paper examines the effects that changes in the professional structure and the labor market over the past two decades have had on Russia's investment in human capital. The paper discusses the chances of the formation in Russia of a new middle class capable of assuming, as in other countries, the role of a modernizing force. This paper focuses on the structural disproportions in Russia's economy throughout 1990–2000 reveals significant disfunctions in the system of salary payment. The resulting overlapping of the processes decreased workers' motivation to invest in human capital. Lack of motivation has been conducive to a decline of social mobility rates. The development decreases the chances for a viable middle class to emerge in Russia.

Ключевые слова: занятость, средний класс, модернизация

Keywords: employment, middle class, modernization

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Социально-гуманитарный потенциал модернизации России», выполняемой при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11–32–03001).

Успех модернизации проблематичен, если в обществе отсутствует социальная сила, которая заинтересована в её активном продвижении, и в качестве такого социального агента в первую очередь рассматривается средний класс. С его формированием и расширением связано решение комплекса социально-экономических проблем. В модернизированных обществах он представляет собой центральную фигуру, для которой характерны рациональное поведение, направленное на минимизацию издержек и максимизацию прибыли, рефлексия своих социальных и экономических интересов и способность продвигать и отстаивать их на институциональном уровне, используя механизмы демократии. В случае выполнения названных задач статистически обозначенный средний слой становится средним классом – базовым социальным образованием, способствующим не только модернизационному развитию страны, но и её интеграции в систему отношений развитых государств, проходящих путь глобализации. В такой постановке вопросы – рождается ли из российского среднего слоя средний класс? какое место он занимает в социальной структуре общества? какова его численность? – являются одними из важнейших. В случае функционирования зрелого среднего класса в обществе действуют механизмы интенсивной вертикальной мобильности, способствующие выходу из бедности значительной части населения.

Социальную группу, способную выполнять функции среднего класса, следует искать на пересечении основных идентификационных признаков, к которым относятся материальное благосостояние, социально-профессиональный статус и социальная самоидентификация индивидов или групп. Признаки, попадающие в соответствующее идентификационное пространство, могут быть взаимообусловлены и взаимоувязаны, и тогда имеет место так называемая статусная совместимость: уровень образования определяет социально-профессиональный статус, который гарантирует некий уровень дохода, который в свою очередь определяет социальную идентичность и т. д. В развитых обществах именно статусная совместимость позволяет соответствующей социальной группе выполнять следующие функции в обществе: гаранта социальной стабильности, инноватора, инвестора и другие, превращающие средний слой в средний класс – основу и оплот позитивно развивающегося модернизированного общества.

Становление и расширение среднего класса тесно связано с интенсивностью и направлением вертикальной мобильности населения – работой так называемых социальных лифтов, обеспечивающих социальные перемещения на более высокие «этажи» общественной иерархии. Наши многолетние исследования показывают, однако, что характер вертикальной мобильности в России в последние два десятилетия не способствовал созданию в ней массового среднего класса.

Успех модернизации проблематичен, если в обществе отсутствует социальная сила, которая заинтересована в её активном продвижении, и в качестве такого социального агента в первую очередь рассматривается средний класс.

Характер вертикальной мобильности в России в последние два десятилетия не способствовал созданию в ней массового среднего класса.

В начале 1990-х гг. в российском обществе доминировало представление о том, что структурные изменения в экономике приведут к расширению «пространства наверху» за счёт появления сегментов рынка труда, обеспечивающих достаточно высокие статусные позиции. Таким образом, будет работать канал восходящей мобильности, примиряющей общество с неизбежными социальными и материальными потерями, сопутствующими болезненным реформам. Однако, вскоре, когда проявился структурный кризис экономики, углубилось социально-экономическое неравенство, а приватизация и акционирование не привели к становлению массового слоя собственников, стало очевидно, что первоначальные прогнозы были неоправданно оптимистичны – «пространство наверху» не расширилось, а сузилось. Многочисленные социологические опросы середины 1990-х гг. фиксировали нисходящий характер социальной мобильности большинства населения, следующий из сравнения респондентами своего прошлого и нынешнего социальных статусов. Что касается статусной совместимости, то масштабное исследование 2000 г. показало (см.: [1]), что на тот момент она отсутствовала: область пересечения всех трёх признаков среднего класса распространялась менее чем на 10% семей.

К концу 2000-х гг. сложилась другая картина – произошло существенное приращение социальных ресурсов вертикальной мобильности, увеличилось число получивших высшее образование, выросли доходы населения, вследствие чего стала более позитивной социальная самооценка большинства россиян. Можно было ожидать, что «статистический» средний слой, очерченный по формальным признакам, превратится в итоге в социальный субъект, не только стабилизирующий общество, но и дающий ему импульс модернизационного развития. Но исследования последних лет показали, что если и отмечались позитивные продвижения по шкалам материального благосостояния, социальной самооценки, уровня образования, то по социально-профессиональной шкале такого продвижения не наблюдалось, и число домохозяйств, имеющих все признаки среднего класса, фактически не расширилось. Это означает, что по-прежнему преобладает ситуация статусной несовместимости, при которой высокий уровень образования недостаточно востребован национальной экономикой.

Это важно подчеркнуть, поскольку образование как социальный институт в современных обществах является одним из основных каналов социальной мобильности, играя важную роль в социальной дифференциации членов общества, распределении их как по социальным слоям, так и внутри этих слоёв. Однако этот канал работает продуктивно лишь в том случае, если подготовленные специалисты востребованы не просто национальной экономикой, но прежде всего её модернизационно

В России по-прежнему преобладает ситуация статусной несовместимости, при которой высокий уровень образования недостаточно востребован национальной экономикой.

ориентированными сегментами и занимают соответствующие своему уровню квалификации и адекватно ему оплачиваемые рабочие места. Вот почему без понимания процессов и тенденций, складывающихся в стране в сфере занятости, невозможно оценить ни перспективы российской модернизации с точки зрения ограничений, накладываемых на неё качеством человеческого потенциала России, ни перспективы среднего класса как ключевого актора российской модернизации.

Одной из таких негативных тенденций выступает дефицит кадров, отражающий дисбаланс между имеющейся в экономике структурой рабочих мест и численностью выпускников по разным специальностям, которые готовятся системой образования. Таким образом, дефицит кадров носит сегодня в России главным образом структурный характер, причём часто недостаточно кадров, без которых страдает основной производственный процесс. В разгар кризиса эти диспропорции несколько ослабили из-за падения совокупного спроса на труд, но с выходом из кризиса началось возвращение на круги своя, так как основные причины дефицита кадров никуда не делись. К их числу принадлежат следующие:

- сегментация рынка труда, не совпадающая ни с сегментацией образования, ни с запросами работников;
- упрощение трудовой деятельности;
- снижение качества профессионального образования;
- ухудшение профессиональной подготовки на рабочих местах.

Эти причины влияют на предложение труда (готовность активного населения занять рабочие места) и на спрос на труд (приемлемость для работодателей претендентов на работу).

Сегментация рынка труда, с ранжированием рабочих мест на «хорошие» и «плохие», ориентирует запросы работников на труд в продвинутых сегментах, между тем весьма широкая сфера мало привлекательных рабочих мест как один из основных «рассадников» кадрового дефицита продолжает воспроизводиться. Этим явлением в частности обусловлен недостаток квалифицированных рабочих в реальном производстве и ряда специалистов – в бюджетных отраслях. Одновременно с этим миллионы людей не могут найти себе работу по специальности.

Опасность такой ситуации для перспектив модернизации заключается не только в снижении эффективности использования человеческого потенциала страны, но и в том, что проблема структурного дефицита кадров как бы затушевывает, отодвигает на задний план другую очень серьёзную проблему российской экономики, «запускающую» многие негативные процессы в динамике человеческого потенциала страны. Мы

Сегментация рынка труда, с ранжированием рабочих мест на «хорошие» и «плохие», ориентирует запросы работников на труд в продвинутых сегментах, между тем весьма широкая сфера мало привлекательных рабочих мест, как один из основных «рассадников» кадрового дефицита, продолжает воспроизводиться.

имеем в виду расширенное воспроизводство в последние годы «плохих» рабочих мест, т. е. рабочих мест с очень низкой и нестабильной заработной платой, без оформления официальной занятости и сопутствующих ей социальных гарантий, с вредными или тяжёлыми условиями труда и т. п.

Воспроизводству «плохих» рабочих мест способствует процесс *упрощения труда*, продуцируемый примитивизацией производства, которая связана со стагнацией и свёртыванием высокотехнологичных сегментов и с расширением зоны малопродуктивной занятости (подробнее на развитии этих процессов мы остановимся немного ниже).

Что касается «вклада» *снижения качества профессионального образования* в дефицит кадров, то он обусловлен ухудшением самого учебного процесса, плохой сопряжённостью обучения с реальными запросами производства и слабой готовностью выпускников к практической работе, т. е. низким качеством их общего человеческого капитала. В результате дефицит кадров проявляется не только в мало привлекательных сегментах, но и в престижных видах деятельности из-за трудностей подбора подходящих сотрудников. Например, в 2008 г. количество вакансий в процентах к среднесписочной численности персонала в финансово-риелторском сервисе было выше, чем в среднем по экономике. Кроме того, несопряжённость профессиональной структуры выпускников со спросом на труд приводит к тому, что подчас нечем замещать естественное выбытие кадров. Прежде всего это относится к специальностям инженерно-технического профиля и к квалифицированным рабочим.

Наконец, проблема *ухудшения профессиональной подготовки на рабочих местах* порождает ограничения в накоплении специфического человеческого капитала, который формируют внутрифирменные инвестиции в специальные навыки работников, необходимые для конкретного производства. Со специфическим капиталом связана не только профессиональная адаптация кадров к рабочим местам, но и их должностной рост и соответственно повышение оплаты труда. Поэтому перспективы этого роста – один из факторов повышения привлекательности определённого вида занятости. Однако, например, в обрабатывающей промышленности, где значимость навыков высока, около трети предприятий вообще не проводят внутрифирменное обучение (см.: [2]).

Структурный дефицит кадров как одна из наиболее ярких негативных тенденций развития системы занятости в России накладывается на технологическое отставание российской экономики, проявляющееся в сокращении объёмов высококвалифицированного производительного труда. Численность трудовых кадров в обрабатывающих производствах продолжает уменьшаться – только за период с 2000 по 2009 гг. она умень-

Структурный дефицит кадров как одна из наиболее ярких негативных тенденций развития системы занятости в России накладывается на технологическое отставание экономики, проявляющееся в сокращении объёмов высококвалифицированного производительного труда.

шилась на 1 млн 106 тыс. человек (см.: [3]). В свою очередь, получают развитие виды деятельности, не ориентированные на производство высокотехнологичного продукта. Так, например, интенсивно наращивается численность занятых в торговле, в результате чего доля занятых в этом виде деятельности (17,6%) превысила аналогичные показатели всех развитых стран, не поднимающиеся выше 13–14% (см.: [3]).

Структурные диспропорции отечественной экономики в сторону невысокотехнологичных видов занятости сопровождаются существенными дисфункциями оплаты труда. Согласно показателям соотношения начисленной заработной платы работников организаций к среднероссийскому уровню (2000-2009 гг.), в экономике страны наиболее высоко оцениваются те виды деятельности, которые имеют отношение к сырьевым и финансовым ресурсам. Среди них особо выделяется финансовая деятельность (242% от средней по стране), деятельность, связанная с добычей топливно-энергетических ископаемых (226%), производство кокса и нефтепродуктов (202%). Второе место, согласно размерам начисленной заработной платы, занимают виды деятельности, относящиеся к госуправлению и сфере услуг. В их числе государственное управление и обеспечение военной безопасности (123% от средней по стране), операции с недвижимым имуществом (123%), транспорт и связь (120%). В эту группу также входит работа по производству и распределению электроэнергии, газа и воды (110%). Далее идут виды деятельности, где средний размер зарплаты меньше среднего значения в целом по экономике. Это обрабатывающие производства (93% от средней по стране), ремонт автотранспортных средств и предметов личного пользования (86%), здравоохранение (75%), а также образование (65%). Наконец, аутсайдером отечественной экономики по уровню оплаты труда является сельское хозяйство (49% от средней по стране) (см.: [4]). Из-за того, что на сегментированном рынке труда зарплатный статус занятости расходится с её профессионально-квалификационным, провоцируются процессы растраты трудового потенциала. Смена работы путём перехода в сегмент с большей заработной платой нередко предпочтительнее восходящей квалификационной мобильности. Это одна из причин высокого уровня трудовых перемещений, в том числе холостого оборота рабочей силы, а также нисходящей квалификационной мобильности.

Социологические данные¹ показывают, что современная молодёжь при выборе профессии и дальнейшем трудоустройстве руководствуется преимущественно прагматическими соображениями. В двухтысячные годы заметно снизилась доля

¹ Исследование «Поведение выпускников российских вузов на современном рынке труда» (всероссийская городская выборка) 2005 г. НИСП; а также уже упоминавшееся исследование «Образование и занятость».

стремящихся работать «по призванию» и соответственно выросла доля тех, для кого важны в первую очередь размер дохода и перспективы карьерного роста.

Размер оплаты труда, риск невыплаты заработной платы, нестабильное положение предприятий являются основными причинами оттока молодёжи из низкооплачиваемых промышленных отраслей. Те же причины определяют направления трудовой мобильности среднего поколения. Социологическая информация даёт представление о масштабах работы не по специальности. С начала 1990-х гг. доля работающих не по специальности устойчиво росла – с 36% среди выпускников 1993 г. до 47% среди выпускников 2004 г.¹ Однако к 2010 г. этот показатель несколько снизился (до 42%). По данным исследования ГУ-ВШЭ (см.: [5]), на рынке труда сохраняют полученную в вузе специальность 79% медиков и только 36% инженеров.

Распределение численности занятых по видам экономической деятельности с учётом возрастных групп показывает, что молодое поколение россиян чутко реагирует на структурно-трансформационные процессы в отечественной экономике и стремится соответствовать требованиям её активно развивающихся направлений, в то время как занятость в стагнирующих и проблемных секторах народного хозяйства сохраняется преимущественно за населением старших возрастов. Можно наблюдать в динамике по годам (2000-2009 гг.), как происходит смена возрастного состава у занятых. В 2000 г. наибольшая доля работников финансовой отрасли имела возраст от 40 до 49 лет (35%), торговли – от 30 до 39 лет (31%), промышленности – от 40 до 49 лет (33%). К 2009 г. ситуация изменилась. Так, сферы торговли, управления, финансов и кредита стали наиболее привлекательными для молодёжи, численность которой сохраняется в этих отраслях стабильно высокой и имеет тенденцию к росту. Согласно структуре занятых этими видами деятельности в 2009 г., доля трудящихся в возрастном интервале 20–29 лет стала занимать доминирующее положение в торговле (30%), финансовой деятельности (35%), государственном управлении (31%). В свою очередь, за счёт доминирующей доли занятых в старших возрастах (40–49 лет) обеспечивается деятельность в сельском хозяйстве (29%), рыболовстве (33%), добывающих (29%) и обрабатывающих производствах (26%), в производстве электроэнергии, газа и воды (29%) (см.: [6]). Таким образом, виды деятельности, в наибольшей степени ответственные за производство валового внутреннего продукта и экономическое развитие государства, остаются «на плечах» у старшего поколения.

¹ Исследование «Поведение выпускников российских вузов на современном рынке труда» (всероссийская городская выборка) 2005 г. НИСП; а также исследование «Образование и занятость».

Это приводит к тому, что, вместо выстраивания успешных индивидуальных карьерных траекторий во времени, сегодня в России приходится говорить скорее о возрастной сегрегации по всем отраслям. Восходящей вертикальной мобильности могло бы способствовать накопление квалификационного потенциала на рабочих местах. Этот квалификационный потенциал (специфический человеческий капитал) формируется на внутрифирменном рынке труда благодаря обучению работников на конкретных производствах. Его накопление – одно из основных условий роста производительности труда за счёт профессионально-квалификационной мобильности персонала, а значит, повышения продуктивности занятости. Накладываясь на капитал, приобретённый в системе профессионального образования, он даёт мультиплицированную отдачу, характерную для усложнения труда, и служит ярким индикатором изменения качества человеческого потенциала страны – процесса, имеющего краеугольное значение для оценки перспектив модернизации. Поскольку же индикатором отдачи на человеческий капитал выступает прогрессирующее увеличение зарплаток работников на протяжении трудовой жизни, то о процессах его накопления даёт представление возрастное распределение заработной платы (см. рис. 1).

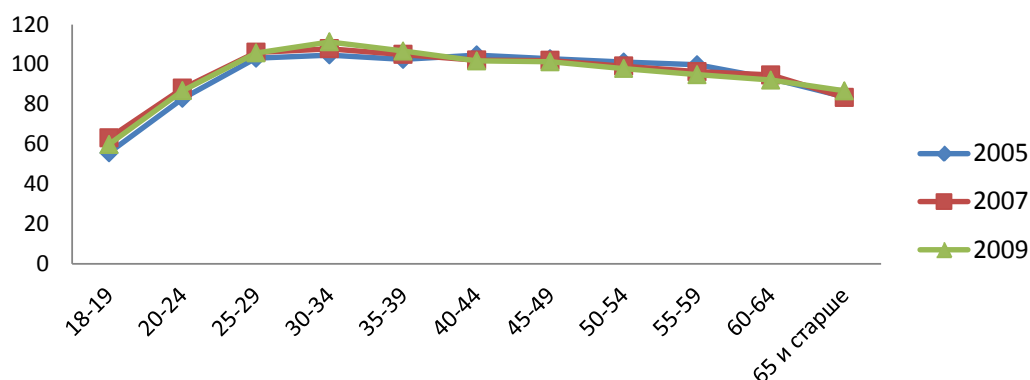

Рис. 1. Распределение средней начисленной заработной платы работников по возрастным группам в РФ в 2005-2009 гг., % от средней по экономике¹

В отличие, например, от США, где заработная плата работников растёт до 55 лет, в нашей стране внутрифирменное накопление человеческого капитала фактически завершается к 35 годам, когда заработки достигают «пика» (см.: [8]). При этом «сплюснутая» кривая возрастного распределения наблюдается не только в среднем по РФ, но и во всех типах поселения, что говорит о системном характере деформаций в формировании запасов этого капитала (см.: [9]).

¹ Рассчитано по данным Росстата (см. [7]).

Вместо выстраивания успешных индивидуальных карьерных траекторий во времени, сегодня в России приходится говорить скорее о возрастной сегрегации по всем отраслям.

Приведённые цифры свидетельствуют о подрыве в России механизма вертикальной профессионально-квалификационной мобильности как важнейшего социального лифта и фактора роста заработной платы работников в процессе трудовой деятельности. Причины данного феномена многообразны, и большая роль среди них принадлежит разукрупнению предприятий, которое за период реформ приобрело невиданный размах. Так, за 1990-е гг. размер среднестатистического предприятия уменьшился в 10 раз, среднего и крупного – в 38 раз, а малого – в 3 раза (см.: [10, с. 94]). Пролонгация данной тенденции, но уже не в таких «обвальных» формах, отмечается и в настоящее время. Это подтверждают цифры о среднегодовой численности работников промышленности, где выше, чем в большинстве отраслей, доля крупных и средних объектов, и данные о среднесписочной численности занятых на малых предприятиях (без внешних совместителей) в расчёте на одно предприятие (см. рис. 2).

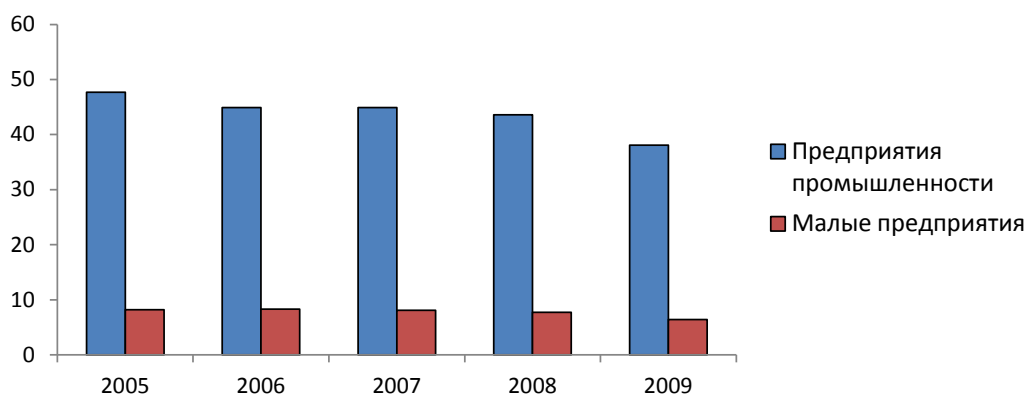

Рис. 2. Среднегодовая численность работников предприятий промышленности и среднесписочная численность работников малых предприятий соответственно на одно промышленное и малое предприятие в РФ в 2005-2009 гг., человек¹

Уменьшение размеров предприятий, которое в нашей стране нередко связывают с преодолением гигантомании и развитием малого бизнеса, – процесс далеко не однозначный. Сложные технологии чаще концентрируются в крупных и средних компаниях. Поэтому, как показывает мировой опыт, в них интенсивнее накапливается специфический человеческий капитал и поддерживаются долгосрочные трудовые отношения, необходимые как для его накопления, так и для эффективной отдачи (см.: [15]). Кроме того, в развитых странах высокую технологичность современного производства обуславливает научно-технический и инновационный потенциал крупных корпораций. Именно они формируют экономический фундамент, на котором произрастают малые предприятия (см.: [10, с. 96–97]). Российский же процесс разукрупнения

¹ Рассчитано по: [11–14].

предприятий, затрагивающий объекты разного статуса, стал отражением деструкции этого фундамента, деиндустриальной примитивизации производства и соответствующего снижения потребности в инвестициях в человеческий капитал на рабочих местах.

Ещё более рельефно этот процесс проявляется в росте занятости в неформальном секторе, к которому, согласно методике Росстата, относится рыночная деятельность не юридических лиц и их наёмного персонала (см. рис. 3).

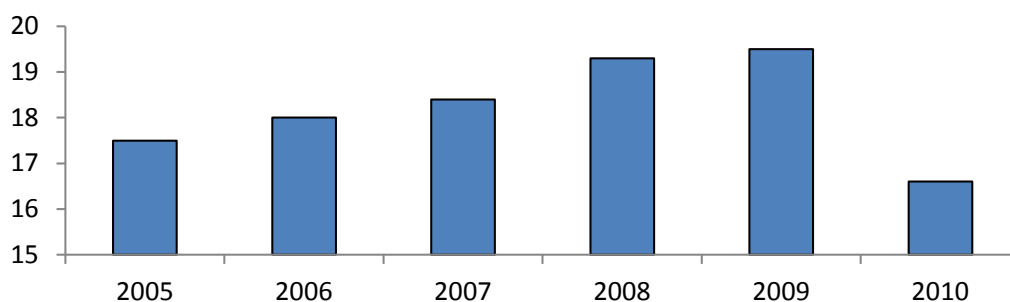

Рис. 3. Численность занятых в неформальном секторе в РФ в 2005-2010 гг., % к занятым¹

Рост занятости в неформальном секторе почти до 20% является логическим продолжением процесса деконцентрации, который в формальном секторе протекает как разукрупнение предприятий². Частично он связан с нормальным рыночным развитием индивидуальных услуг, в том числе высококвалифицированных, но самые крупные его сегменты – сельское хозяйство, торговля и ремонт, где применяется далеко не самый квалифицированный труд. В совокупности с прочими работниками реального производства, а также транспорта и связи на их долю приходится около 80% «неформалов». Сложность труда в неформальном секторе в среднем объективно ниже, чем в секторе юридических лиц³, а соответственно меньше горизонт накопления человеческого капитала на рабочих местах.

¹ Рассчитано по [16; 17].

² Заметное снижение занятости в неформальном секторе в 2010 г. вряд ли говорит в пользу перелома тенденции её расширения. Скорее оно вызвано переходом к страховому налогообложению оплаты труда и ожиданиями роста страховых взносов, что предполагает частичную трансформацию этого вида занятости в «теневую».

³ Для выявления хотя бы примерных её масштабов на предприятиях мы провели сравнение данных на основе следующих статистических источников: выборочные обследования населения по проблемам занятости (ОМПЗ); сведения, подаваемые юридическими лицами в территориальные статистические органы. Средние и крупные предприятия охвачены сплошным учётом, малые предприятия – выборочным. На основе этих источников определяются два основных показателя: численность занятых и численность работников организаций (юридических лиц). База для расчёта первого показателя – информация ОМПЗ, а для второго – сведения от юридических лиц.

Ещё одним видом занятости, ограничивающим перспективы вертикальной мобильности, является нерегистрируемая («теневая») занятость, в том числе у юридических лиц. Наши расчёты показали, что, согласно выборочным данным обследования населения по проблемам занятости, проводимого Росстатом (ОНЗП), численность работников, заявляющих о своей занятости в организациях, была в феврале – ноябре 2007 г. (мы выбрали предкризисный год) более чем на 10 млн выше среднегодовой численности работников организаций, о которой заявляли в территориальные органы статистики эти организации. Отчасти расхождения вызваны спецификой статистического учёта в каждом из источников. Тем не менее, по нашим оценкам, не менее 9,5 млн россиян, работающих в различных организациях, имеют незарегистрированную занятость. Одна из её особенностей – нестабильность трудовых отношений, что ослабляет мотивацию работодателей к инвестированию в человеческий капитал своих сотрудников, а самих работников – к его приобретению и наращиванию.

Серьёзным тормозом пополнения этого капитала является и высокий оборот рабочей силы (см. рис. 4), во многом вызванный значительной долей «плохих» и очень «плохих» рабочих мест.

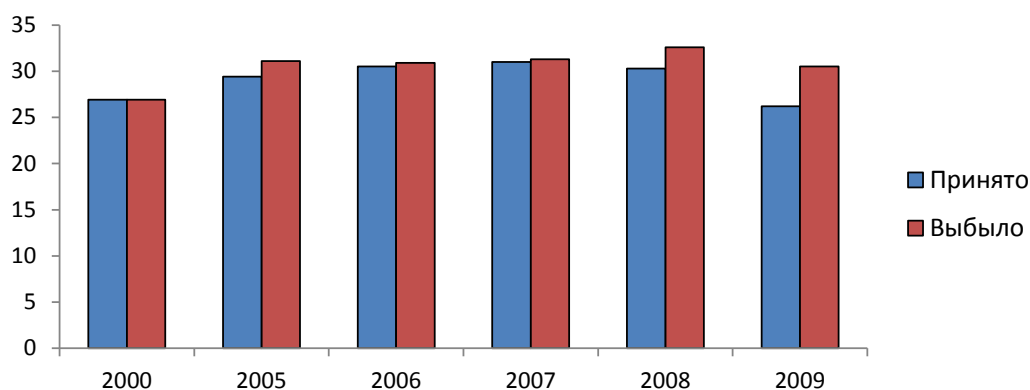

Рис. 4. Численность принятых и выбывших работников организаций в РФ в 2000-2009 гг., % к среднесписочной численности работников (см. [3; 18])

В целом при высоком уровне экономической активности и трудовой мобильности населения острой проблемой рынка труда является формирование продуктивной занятости. Высокий оборот рабочей силы сочетается с низкой интенсивностью оборота рабочих мест в аспекте создания эффективных и выбытия неэффективных мест (см. [19]). Более того, в условиях многоукладной экономики, малоэффективной по рыночным критериям, с точки зрения самих работников, оказывается и занятость в сегментах, которые должны быть локомотивами модернизации. Вместо повышения производительности труда в этих сегментах преобладает ликвидаторская тенденция. Она тащит за собой и другие сегменты народнохо-

зайственной значимости. Взамен происходит генерация рабочих мест в малопродуктивных формальных и неформальных анклавах рынка, упрощение труда и ограничение накопления человеческого капитала во всех его формах. В результате подрубается механизм вертикальной трудовой мобильности и роста заработной платы на основе усложнения труда. Последнее же, в свою очередь, ведёт к сокращению возможностей формирования российского среднего класса как актора модернизации.

Таким образом, сдерживание роста российского среднего класса на базе восходящей вертикальной мобильности лежит в сфере труда и занятости. Перелом негативных тенденций требует пересмотра стратегических ориентиров развития экономики и методов её регулирования, в том числе путем органичного встраивания комплексной политики занятости в модернизационную стратегию. Без этого невозможно говорить не только об улучшении ситуации с человеческим потенциалом модернизации, но даже о простом сохранении человеческого потенциала развития российской экономики по любому сценарию, включая сценарий превращения России в «энергетическую и сырьевую сверхдержаву».

Библиографический список

1. Средние классы в России: социальные и экономические стратегии / Под ред. Т. Малевой. М.: Теис, 2003.
2. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Лукьянова А. Спрос на труд и квалификацию в промышленности: между дефицитом и избытком. – М: ГУ ВШЭ, 2007. – С. 42–43.
3. Труд и занятость в России 2009 /Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_36/IssWWW.exe/Stg/d1/01-20.htm (28.11.2011).
4. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения // Интернет-портал Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php (28.11.2011).
5. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. и др. Выбор профессии: чему учились и гдегодились? // Экономический журнал ВШЭ. Том 13. № 2.
6. Социальное положение и уровень жизни населения в России. 2010 // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_44/IssWWW.exe/Stg/d02/16-06.htm (28.11.2011).
7. Затраты на рабочую силу и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/wages/#> (28.11.2011).

8. Капелюшников Р. И. Записка об отечественном человеческом капитале // Отечественные записки. 2007. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=37&article=1469> (28.11.2011).
9. Попова Р. И. Деформация распределения заработной платы по возрасту на поселенческих рынках труда // Материалы Десятого всероссийского симпозиума «Стратегическое планирование и развитие предприятий». – М.: ЦЭМИ РАН, 2009. Секция 4. – С. 147.
10. Мачульская О. В., Балацкий Е. В. Особенности малого предпринимательства в России // Проблемы прогнозирования. 1999. № 2.
11. Промышленность России – 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_48/Main.htm (28.11.2011).
12. Малое предпринимательство в России – 2008 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_47/Main.htm (28.11.2011).
13. Малое и среднее предпринимательство в России – 2009 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_47/Main.htm (28.11.2011).
14. Малое и среднее предпринимательство в России – 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_47/Main.htm (28.11.2011).
15. Дорошенко Е. В. Пожизненная занятость и накопление человеческого капитала в современной экономике // Экономическая наука в современной России. 2011. № 2.
16. Экономическая активность населения России – 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_61/IssWWW.exe/Stg/02-33.htm (28.11.2011).
17. Обследование населения по проблемам занятости – 2010 год // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_30/Main.htm (28.11.2011).
18. Приём и увольнение работников организаций и неполная занятость в январе 2011 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d01/35.htm (28.11.2011).
19. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Л. Российский рынок труда: «модель для выживания», а не «модель для развития». Аналитический доклад ЦеТИ НИУ-ВШЭ (не опубликован).

Т е м а н о м е р а : Человеческий потенциал российской модернизации

Актеры российской модернизации в восприятии населения и в реальности

Тихонова Наталья Евгеньевна –
Доктор социологических наук,
зам. директора ИС РАН

E-mail: netichon@mtu-net.ru

Акторы российской модернизации в восприятии населения и в реальности¹

Аннотация

В статье описаны социальные группы, обладающие наибольшим модернизационным потенциалом, а также проанализированы основные особенности этих групп. Нашла отражение в статье и проблема видения населением групп, чьи интересы объективно входят в противоречие с задачей модернизации российского общества. Лучше понять модернизационный потенциал российского общества с точки зрения наличия в нем возможных акторов модернизации помогают построенный автором «Атлас социальных симпатий и антипатий» и ментальная карта мира, на которой представлено место носителей различных типов мировоззрения из числа россиян по отношению к населению ряда стран, демонстрирующее вектор развития процессов социокультурной модернизации в России.

Abstract

The paper describes social groups with greatest modernization potential and analyzes their major characteristics. The author dwells on how Russians perceive groups whose interests run counter to the objective of modernizing the society. A Map of Social Preferences and Fobias is developed by the author as well as the value map of the world portraying Russian values in comparison with other countries. The analysis provides the basis for the comprehension of sociocultural trends in contemporary Russia.

Ключевые слова: модернизация, ценности, культурная динамика, ментальность, методика Г. Хофстеда

Keywords: modernization, values, cultural dynamics, mentality, Geert Hofstede's techniques

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Социально-гуманитарный потенциал модернизации России», выполняемой при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-32-03001).

Одной из ключевых предпосылок успешной реализации модернизационного проекта является вопрос о наличии и локализации в российском обществе социальных групп, способных выступить акторами модернизации, анализ специфики взглядов и поведения «промодернистски» настроенной части россиян. Сразу надо подчеркнуть, что в этой области существует довольно много мифов – от утверждений, что модернизация в России невозможна, т. к. субъекты модернизации в ней вообще отсутствуют, до утверждений, что таковыми уже сегодня могут успешно выступать, например, средний класс или служащие системы госуправления, – если в качестве ключевого актора модернизации рассматривается государство.

Что касается среднего класса, то об ограничениях, препятствующих ему успешно выступить в роли ключевого и массового актора модернизации, уже шла речь в ряде статей этого номера (см. статьи С. Мареевой, Е. Авраамовой и М. Токсанбаевой, и др.). Нельзя, конечно, не согласиться с этими авторами в том, что средний класс – это, пожалуй, единственная из социальных групп, способная в будущем выступить в роли реального субъекта модернизации. И особенности его профессиональных позиций¹, и специфика трудовых мотиваций представителей среднего класса способствуют поддержке ими идеи модернизационного прорыва². Ведь главную роль для них играет возможность самореализоваться, а рост числа рабочих мест, обеспечивающих такую возможность и предъявляющих платежеспособный спрос на работников высокой квалификации, предоставляет, прежде всего, модернизация индустриального сектора экономики и развитие третичного и четвертичного её секторов.

Однако в целом со средним классом как потенциальным актором модернизации ситуация складывается сегодня в России достаточно противоречиво. Прежде всего, сам средний класс находится ещё только в стадии формирования. Кроме того, протекание процессов социокультурной модернизации происходит в среднем классе очень неравномерно и разные его группы подвержены ей в разной степени. Наконец, хотя он действительно в наибольшей степени готов поддержать технико-экономическую модернизацию, он вряд ли сможет стать в ближайшем будущем субъектом политической модернизации и наверняка не будет субъектом политической мо-

¹ Профессиональный портрет среднего класса достаточно пёстрый, однако его особенности определяет в первую очередь очень большая (около половины) доля сотрудников государственного сектора экономики в нём, прежде всего – работников бюджетных отраслей, а также то, что с вероятностью более 50% в него попадают лишь руководители, специалисты и служащие. Доля «старого среднего класса» – предпринимателей – в нём при этом очень мала.

² См. раздел «Модернизационный потенциал российского среднего класса» в [1].

дернизации по «западному образцу». Более того, в силу своей структурной неоднородности средний класс вообще не готов выступать самостоятельной силой в рамках существующей институциональной матрицы как единый социальный субъект, и процессы защиты своих интересов в нём происходят обычно на индивидуальном, а не на групповом уровне, и в основном без использования формальных институтов. Изменение сложившейся ситуации потребует времени и будет в значительной степени зависеть от успешности и путей модернизации, прямо влияющих на соотношение в среднем классе профессионалов, рядовых «белых воротничков», предпринимателей и других его подгрупп, в том числе – и госслужащих.

Что касается последних как самостоятельного актора модернизации, то россияне, несомненно, отводят государству роль главного инициатора и актора любых изменений в стране. Не случайно две трети населения страны¹ уверены, что любые перемены в российском обществе надо проводить «сверху», и лишь треть считает, что их надо осуществлять «снизу», опираясь на инициативных людей и здоровые силы внутри самого общества. Однако при этом способность государства успешно выполнить эту отводимую ему с учётом особенностей национальной культуры и сложившейся в стране «институциональной матрицы» роль вызывает у россиян глубокое сомнение. И главное, что мешает, по их мнению, успешной реализации им этой роли – это коррупция, получившая распространение среди государственных служащих и ведущая к неэффективности работы всей «государственной машины». А ведь именно от позиции государственных служащих, их понимания собственного группового интереса зависит, способны ли они стать акторами модернизации и по какому пути пойдёт (если пойдёт) реализация модернизационного проекта в стране.

В этой связи интересно проанализировать представления россиян о том, способны ли выступить госслужащие и средний класс в целом субъектами модернизации, и кого вообще, если говорить об отдельных социальных группах, видит население страны в качестве ключевых акторов прогрессивного развития России (см. рис. 1).

К сожалению, как видим, *хотя это и слабо сочетается с задачами модернизационного прорыва, бесспорные лидеры среди социальных групп, способствующих развитию России в глазах населения, – это рабочие и крестьяне*. При этом роль рабочих позитивно оценивается практически всеми возрастными, социально-профессиональными, доходными и т. д. группами, так что их восприятие как акторов прогресса уже не может рассматриваться как отголосок советской

¹ Данные общероссийского опроса Института социологии РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010 г.). Далее, если не оговорено иное, используются данные именно этого исследования.

В силу своей структурной неоднородности средний класс не готов выступать самостоятельной силой в рамках существующей институциональной матрицы как единый социальный субъект, и процессы защиты своих интересов в нём происходят обычно на индивидуальном, а не на групповом уровне и без использования формальных институтов.

Бесспорные лидеры среди социальных групп, способствующих развитию России в глазах населения, – это рабочие и крестьяне. Заметно отстают от них, но, тем не менее, выступают в глазах большинства населения опорой прогрессивного развития России также интеллигенция, молодёжь, предприниматели и средний класс.

эпохи, выступая скорее отражением характерного для индустриального этапа развития любой страны повышенного внимания именно к роли рабочего класса. Меньше единодушия в оценке крестьян как акторов развития России, хотя общая оценка их роли в этом процессе во всех группах всё же положительная. Заметно отстают от рабочих и крестьян, но, тем не менее, *выступают в глазах большинства населения опорой прогрессивного развития России также интеллигенция, молодёжь, предприниматели и средний класс*. Проблематична роль военных, а также руководителей предприятий и фирм – лишь около половины населения страны полагает, что эти группы способствуют развитию России. Ещё хуже ситуация с сотрудниками правоохранительных органов – доля рассматривающих их как способствующих развитию страны составляет лишь около трети населения и практически равна доле считающих, что они препятствуют этому. И, наконец, бесспорным тормозом развития России выступают в глазах её граждан государственные чиновники, которые в условиях отводимой россиянами государству ведущей роли в процессах модернизации должны были бы выступить главными акторами последней.

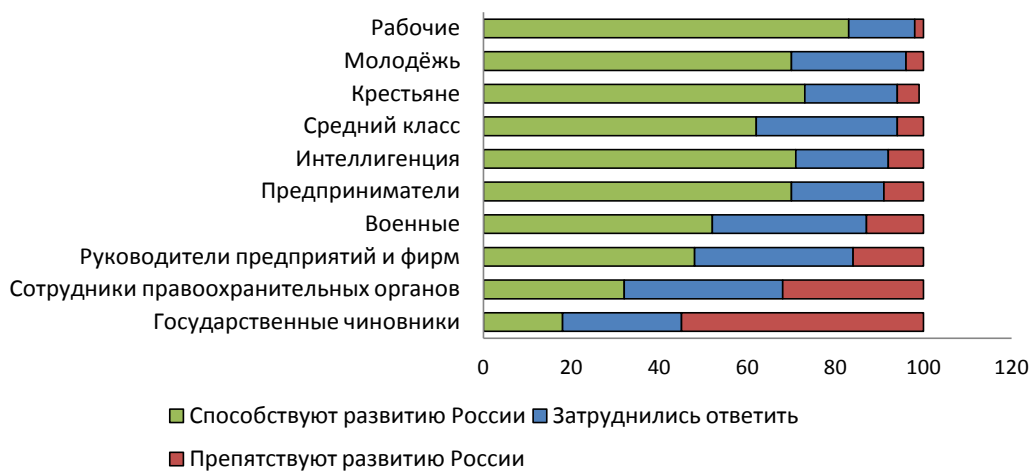

Рис. 1. Доля населения, оценивающего различные социальные группы как способствующие или препятствующие развитию России, %

Таким образом, в сознании населения существуют чёткие представления о ключевых субъектах прогрессивного развития страны. В то же время чёткость этих представлений не означает их неизменности – сдвиги, произошедшие в них в течение последних лет, весьма значительны (см. рис. 2). Общая тенденция при этом такова, что восприятие рабочих, крестьянства и интеллигенции как акторов прогресса за последние 12 лет характеризуется нисходящей динамикой, в то время как роль в развитии России таких групп, как молодёжь и предприниматели, в восприятии населения увеличилась.

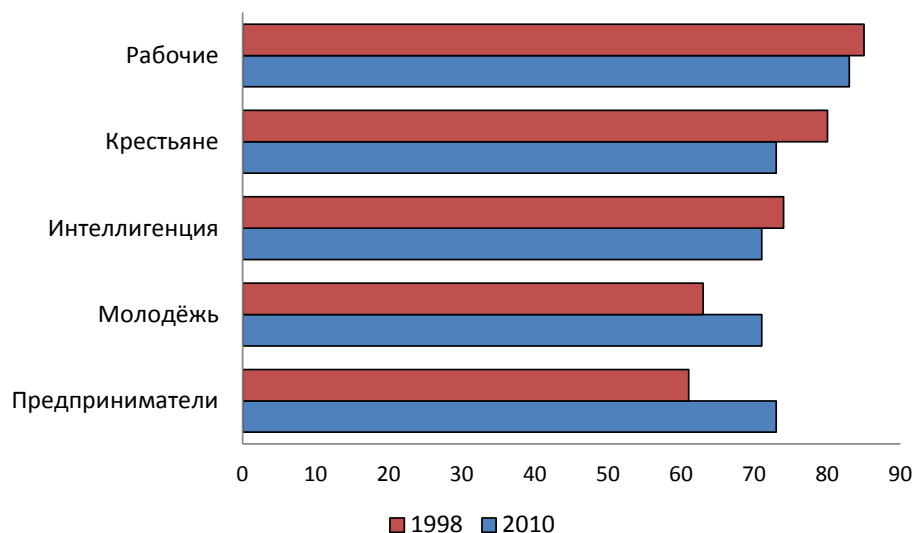

Рис. 2. Динамика доли населения, оценивающего как способствующие развитию России группы-лидеры в этом вопросе, 1998-2010 гг., %

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, как вообще выглядит картина социальных симпатий различных групп населения, где находятся «точки соприкосновения» высоких взаимооценок их роли, позволяющие составить своего рода «Атлас социальных симпатий и антипатий» (см. таблицу 1). Как видно из этого «Атласа», в современной России есть две пары социальных групп, одинаково высоко оценивающих роль друг друга, хотя представители других групп могут воспринимать эту роль по-разному. Первая пара – это рабочие и крестьяне, а вторая – предприниматели и руководители. Именно эти пары можно рассматривать как демонстрирующие чётко выраженную социальную близость. В то же время, по некоторым другим парам (например, руководители/рабочие) прослеживается скорее социальное напряжение.

Таблица 1

Атлас социальных симпатий и антипатий¹

Оцениваемые группы	Оценивающие группы					
	Рабочие	Служащие	Специалисты	Руководители	Предприниматели	Работники торговли
Рабочие	++	++	++	++	++	++
Крестьяне	++	+	0	++	++	+
Интеллигенция	0	++	++	++	+	+

¹ Обозначения: «-» конфликтные противоречия (согласие с тем, что соответствующая социальная группа способствует развитию России, выражает менее 50% россиян), «0» – толерантность (согласие выражает от 50% до двух третей), «+» социальная близость (от двух третей до трёх четвертей), «++» солидарность (более трёх четвертей). Светло-серым выделена зона наибольшего признания позитивной роли соответствующих социальных групп в развитии страны, штриховкой выделены совпадающие зоны такого признания. Темно-серым – зона, где доля негативно оценивающих роль соответствующей группы превышает долю оценивающих её позитивно.

Продолжение таблицы 1

Оцениваемые группы	Оценивающие группы					
	Рабочие	Служащие	Специалисты	Руководители	Предприниматели	Работники торговли
Молодёжь	+	+	+	++	+	++
Военные	+	0	0	0	-	0
Средний класс	0	+	+	0	0	0
Предприниматели	+	+	++	++	++	++
Руководители	-	0	0	0	++	0
Сотрудники правоохранительных органов	-	-	-	-	-	-
Государственные чиновники	-	-	-	-	-	-

Обозначения: «-» конфликтные противоречия (согласие с тем, что соответствующая социальная группа способствует развитию России, выражает менее 50% россиян), «0» – толерантность (согласие выражает от 50% до двух третей), «+» социальная близость (от двух третей до трёх четвертей), «++» солидарность (более трёх четвертей). Жёлтым выделена зона наибольшего признания позитивной роли соответствующих социальных групп в развитии страны, розовым выделены совпадающие зоны такого признания. Зелёным – зона, где доля негативно оценивающих роль соответствующей группы превышает долю оценивающих её позитивно.

Отдельно стоит упомянуть также о постепенном вхождении ранее непривычного для нашей страны концепта среднего класса в сознание населения. Понимание его роли как актора прогрессивных изменений характеризует, прежде всего, те группы, которые во всех странах мира являются базой формирования так называемого «нового среднего класса» – специалистов (т. е. профессионалов и полупрофессионалов по принятой в странах с развитой рыночной экономикой классификации) и служащих (офисный персонал). В этих группах около 70% их представителей говорят о том, что средний класс способствует развитию России. Это значит, что формирующийся российский средний класс начинает осознавать себя как актора прогрессивного развития страны. То же можно сказать и о «старом среднем классе» – предпринимателях. Подавляющее большинство их считает, что деятельность предпринимателей способствует развитию России, и в этом с ними согласны в большинстве своём представители всех социальных групп. Такое отношение к предпринимателям свидетельствует не просто о том, что россияне абсолютно толерантны к рыночной экономике и её основным агентам, но и о том, что предприниматели сегодня существуют в общественном сознании как часть «трудового народа» и противостоят в этом качестве государственным чиновникам и примыкающим скорее к чиновникам, нежели к остальному населению, работникам правоохранительных структур. В то же время предприниматели в России, видимо, ощущают себя скорее отдельной группой, чем частью среднего класса – во всяком случае, роль среднего

класса в развитии страны они оценивают заметно ниже, чем роль собственно предпринимателей. В этой связи стоит отметить также нейтральное (ни позитивное, ни негативное) восприятие среднего класса всеми группами, кроме специалистов и госслужащих. Это отражает особое место среднего класса в российском обществе, который, с одной стороны, противостоит рабочему классу и крестьянству, а с другой – руководителям и предпринимателям.

При этом полный консенсус в обществе в отношении их роли в прогрессивном развитии России существует сегодня всего по двум социальным группам – это однозначно высоко оцениваемые рабочие, с одной стороны, и также однозначно негативно оцениваемые госчиновники, с другой. Симптоматично, что о роли последних в обществе негативно отзываются даже они сами. Как говорится – «изнутри виднее».

Однако являются ли группы, выступающие ключевыми акторами развития страны в общественном сознании, реально таковыми? Или в этом качестве можно рассматривать в первую очередь представителей определённых мировоззренческих групп, как бы «растворённых» в населении страны в целом? В этой связи нужно, прежде всего, отметить, что в рамках модернизационной парадигмы существуют разные методики выделения групп, характеризующихся спецификой своих ценностных ориентаций. Практически все они разработаны в рамках западной психологической и социологической традиций и предполагают, что движение культуры нации от состояния домодерна к модерну совпадает с принятием норм, ценностей и т. д. западной культуры. Однако постулат о применимости к России концепции, отождествляющей прогрессивное развитие с движением от домодерна к классическому «западному» модерну, сам по себе не очевиден. Скорее наоборот – в неомодернизационной концепции движение к модерну отнюдь не означает копирования «западных образцов», особенно в такой тесно связанной с национальной самобытностью области, как культура.

Вот почему фундаментом анализа наличия и особенностей потенциальных акторов модернизации в составе населения России должно быть, прежде всего, выделение объективно существующих в России типов нормативно-ценностных систем, а не просто анализ тех или иных элементов взглядов и ценностей людей. Ведь в рамках другой, нежели характерные для западной цивилизации, системы отношений и культурной традиции те же самые по формулировке взгляды могут скрывать отличающиеся смыслы и быть индикатором совсем иных ценностей. В ходе специально проведённого нами с этой целью анализа нормативно-ценностных

Постулат о применимости к России концепции, отождествляющей прогрессивное развитие с движением от домодерна к классическому «западному» модерну, сам по себе не очевиден. Скорее, наоборот – в неомодернизационной концепции движение к модерну отнюдь не означает копирования «западных образцов», особенно в такой тесно связанной с национальной самобытностью области, как культура.

систем россиян¹ оказалось, что они действительно во многом не совпадают с теми, которые характеризовали переход к обществу модерна в странах западной культуры. Так, иной смысл, нежели это характерно для западной традиции, имеет в России понятие свободы. Отношение к модернизации, как выяснилось, диктуется в России не столько идеологическими предпочтениями, сколько неким общим внутренним динамизмом и связано в первую очередь с готовностью жить в непрерывно меняющемся мире, нонконформизмом и т. п. Отсутствие толерантности ко всем «чужим» – от приезжих до Евросоюза – определяется в первую очередь неуверенностью в собственных силах самостоятельно решить свои проблемы и самому обеспечить свою семью и т. д.

Если, учитывая особенности смыслов, стоящих за теми или иными нормами и ценностями, проанализировать системы взглядов россиян, состоящих из внутренне целостных «блоков», «кирпичиков» и включающих сразу несколько внутренне связанных друг с другом норм и ценностей, а затем, уже на этой основе, провести анализ локализации соответствующих взглядов, то, как показывают результаты наших исследований, существует, по меньшей мере, 7 крупных групп (кластеров), качественно различающихся между собой по своему мировоззрению и отражающих особенности транзита общественного сознания в современной России от норм и ценностей традиционалистского типа к тем, что характерны для “Modern Man”. Численно распространённость представителей этих мировоззренческих групп в российском обществе варьирует в диапазоне 11–20%² (см. рис. 3).

¹ Особый акцент при анализе этих систем был сделан в первую очередь на взглядах россиян на принципы взаимоотношений в системе «личность – общество – государство», а не нормах и ценностях, регулирующих межличностные отношений в семейной, дружеской, соседской и прочих сферах. Ведь именно этот аспект нормативно-ценностных систем россиян, как уже отмечалось нами в других публикациях, выступает главным отличием нормативной составляющей российской культуры. Кроме того, именно он позволяет глубже понять «коридор возможностей» при разработке программы модернизационных преобразований, который задаёт человеческий потенциал страны.

² Технически выделение этих групп осуществлялось следующим образом. Сначала из общего массива данных исследования «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010 г.) были выделены 65 переменных, характеризующих различные аспекты представлений россиян о должном, желаемом или эмоционально для них значимом во взаимоотношениях личности, общества и государства. Затем эти 65 переменных были запущены на кластеризацию для выделения относительно гомогенных по своему составу групп респондентов, что позволило «отбраковать» ряд переменных, не значимых для деления на кластеры. В результате для последующего анализа были отобраны 40 переменных. К 40 выделенным переменным был применён факторный анализ (метод Варимакс), позволивший выделить основные «блоки», из которых состоят нормативно-ценностные системы россиян в интересовавшем нас ракурсе. Результаты этого анализа объясняли 50,761% дисперсии и выделили 12 факторов («блоков»), которые, комбинируясь в разных вариациях, и формируют сегодня всё многообразие нормативно-ценностных систем россиян.

Сегодня в России нет чёткого доминирования каких-либо систем взглядов – скорее российское общество представляет собой в этом отношении некую мозаику.

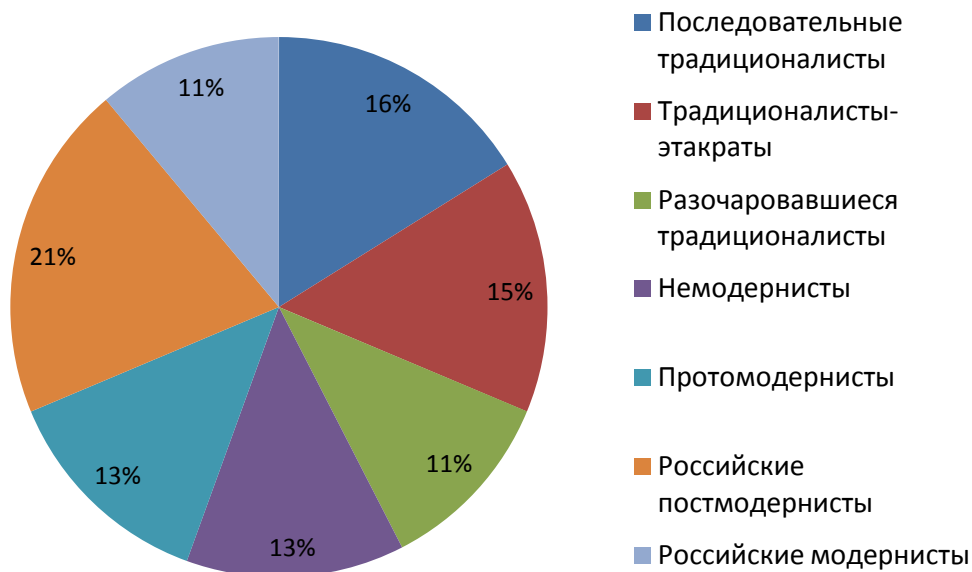

Рис. 3. Доли сторонников различных типов нормативно-ценностных систем в российском обществе, %

Первая, самая массовая (20% всех россиян), условно может быть названа «Российские постмодернисты». Вторая, численность которой составляет 11% населения страны, – «Российские модернисты». Представители обеих групп способны выступать субъектами модернизации. Но особенности их взглядов свидетельствуют о том, что это будет отнюдь не «западная» модель модернизационных преобразований.

Это означает, что *сегодня в России нет чёткого доминирования каких-либо систем взглядов – скорее российское общество представляет собой в этом отношении некую мозаику*¹. Если же учесть при этом как выделенных групп в целом, так и их ядра², то можно составить портреты 7 мировоззренческих кластеров, составляющих в совокупности некий прообраз мировоззренческого портрета современного российского общества, по крайней мере – в части рассматриваемых нами компонентов нормативно-ценностных систем россиян.

Начнём с характеристики групп, взгляды которых играют особую роль для оценки перспектив модернизации и выработки стратегии модернизационных преобразований – а именно с **групп, достаточно далеко продвинувшихся на пути формирования “Modern Man”**.

В современном российском обществе есть, по меньшей мере, две такие массовые группы. Первая, самая массовая (20% всех россиян), условно может быть названа «Российские постмодернисты». Вторая, численность которой составляет 11% населения страны, – «Российские модернисты».

¹ Этот вывод коррелирует с результатами других исследований, в частности проведённых под руководством Н. И. Лапина, В. С. Магуна, Н. М. Лебедевой и т. д.

² Ядра кластеров как устойчивые на персональном уровне даже при изменении параметров кластеризации (число кластеров, изменение используемых для кластеризации набора переменных на 1–2 и т. п.) группы, были выделены в ходе анализа ситуации с каждым респондентом в отдельности. То, что это именно ядра соответствующих групп, подтверждал также тот факт, что по большинству позиций, отражающих специфику того или иного кластера по отношению к остальным, число сторонников соответствующих взглядов в ядрах кластеров оказалось заметно больше, чем в этих же кластерах в целом. Это означает, что выделенные ядра кластеров действительно выполняют в них роль «ядер», воспроизводящих особенности групп в целом, и что именно взгляды членов «ядра» являются для соответствующего кластера своего рода «несущим каркасом» мировоззрения.

Прилагательное «российские» в обоих случаях подчёркивает тот факт, что эти группы имеют весьма существенные отличия и от классического «западного» постмодерна, и от классического модерна. *Представители обеих этих групп, составляющих в сумме практически треть российского населения, способны, с учётом их норм и ценностей, выступать субъектами модернизации. В то же время особенности их взглядов свидетельствуют о том, что это будет отнюдь не «западная» модель модернизационных преобразований.*

На чём основывается этот вывод? О том, что мировоззрение представителей этих групп несомненно относится по своему типу к сознанию модерна, свидетельствуют, в частности, такие общие особенности их членов, как ярко выраженный социальный динамизм (убеждение, что инициатива и поиск нового важнее следования традициям, позитивное восприятие перемен и т. д.), последовательная ориентация на собственные силы, нонконформизм и т. п. При этом, однако, каждая из двух этих групп имеет свои особенности, часть которых можно рассматривать как разные вариации мировоззрения “Modern Man”, а часть – не вписывается в его классический портрет, построенный на основе опыта модернизации в странах западной культуры.

К числу наиболее характерных особенностей «Российских постмодернистов», позволяющих наряду с перечисленными выше их отличительными чертами считать их носителями норм и ценностей не просто модерна, а даже постмодерна, относится прежде всего вторичность для них «материальной составляющей» их жизни. Так, свобода для них важнее материального благополучия, а «интересность» работы – размера заработной платы. Характерно для них также, в отличие от «Российских модернистов», и убеждение, что в защите своих интересов надо ориентироваться на коллективные, а не индивидуальные действия. В целом, можно сказать, что это *активистски и коллективистски настроенная группа с низкой значимостью для неё материалистических ценностей при приоритете ценностей свободы и самореализации.* В то же время, для её представителей характерны и многие нетипичные для мировоззрения классического модерна и постмодерна взгляды. Так, например, «Российские постмодернисты» в массе своей уверены, что не выживут без помощи государства. Кроме того, их характеризует слабая толерантность к тем, кто не такой как они, прежде всего – к «приезжим», пренебрежение к правам меньшинств и убеждение, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа, а не права отдельного человека. Наконец, при бесспорном признании ценности

демократии как таковой для них характерны типичные для России представления о том, как должна выглядеть эта демократия, весьма далёкие от классических представлений о ней¹.

Говоря о специфике мировоззрения другой модернистски ориентированной группы – «Российских модернистов», – надо отметить, что, в отличие от «Российских постмодернистов», они заметно толерантнее к тем, кто не такие, как они, и вообще меньшинствам. Кроме того, они более последовательные индивидуалисты. Это обуславливает в итоге тот факт, что в массе своей они выступают за приоритет прав отдельного человека, а не интересов абстрактного «народа». Однако это не означает автоматического принятия и в данной группе всех норм «западного модерна». Так, хотя среди её членов доминирует (70%) убеждение, что природные богатства могут принадлежать кому-то, кроме народа или государства (в остальных мировоззренческих группах доля сторонников этой точки зрения колеблется в диапазоне 3–14%), однако только 18% из них считают, что природные богатства должны принадлежать тем, кто является их официальным собственником «по документам». Основная же масса «Российских модернистов» убеждена, что собственниками природных богатств страны должны быть территориальные сообщества или производственные коллективы. Кроме того, в этом кластере даже чаще, чем у «Российских постмодернистов», встречается убеждение, что индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые россиянам не подходят, и для России важны чувство общности, коллективизм и жёстко управляемое государство. Из остальных особенностей этой группы стоит упомянуть также, что её члены в большей степени, нежели «Российские постмодернисты», связывают жизненный успех с везением, а не упорным трудом, и относительно чаще ориентированы на приспособление к реальности, а не борьбу за свои интересы. Наконец, для них характерна гораздо большая, чем для «Российских постмодернистов», значимость материального благополучия, хотя их материальное положение объективно лучше и уверенность в возможности прожить без помощи государства распространена среди них гораздо шире. Всё это позволяет утверждать, что, *хотя в плане формирования характерных для сознания модерна норм, ценностей и установок (нон-конформизм, индивидуализм, внутренний локус-контроль, ориентация на конкурентную рыночную экономику и т. д.) представители этой мировоззренческой группы продвинулись дальше других, однако это не привело их не только к признанию западной модели развития как эталонной, но даже к принятию ряда базовых норм и ценностей западных обществ.*

¹ Так, например, в рамках этих представлений предполагается, что оппозиция должна помогать правительству в его работе, а не критиковать его, и т. п. (подробнее см.: [2; 3]).

Тем не менее, всё вышесказанное позволяет утверждать, что *сегодня в российском обществе уже есть по крайней мере две разновидности сознания модерна*. Но характерные для их представителей нормы, ценности и установки существенно отличаются от ассоциируемых обычно с западной версией мировоззрения модерна. И в этом плане можно говорить о *формировании в России «альтернативного модерна», причём существующего по меньшей мере в двух разных формах*.

Что касается другого полюса – **традиционалистски ориентированных групп**, – то их сегодня в российском обществе, по меньшей мере, три, и каждая из них имеет своё достаточно чётко очерченное лицо. Первую из них мы условно назвали **«Последовательные традиционалисты»**. Наиболее характерными особенностями этого кластера на фоне остальных выступают убеждения, что *конкуренция вредна, что все переменны к худшему и нужно приспособливаться к реальности, а не бороться за свои права, им свойственны негативное отношение к демократии, модернизации и последовательная приверженность принципу уравнительности, и т. п.* Не удивительно, при таких взглядах, максимальная из всех кластеров распространённость среди его членов убеждения, что западный путь развития России не подходит.

Вторая из этих групп – **«Традиционалисты-этакраты»¹**. Этот кластер во многом близок к «Последовательным традиционалистам». Для него также характерно безоговорочное согласие с тем, что западный путь развития России не подходит. Согласно его члены в массе своей и с тем, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности. Для них типично негативное отношение к ЕС и индивидуализму. Как и «Последовательные традиционалисты», члены данного кластера – *убеждённые сторонники необходимости доминирования в России плановых, а не рыночных начал и хотели бы жить в обществе социального равенства, а не индивидуальной свободы. При этом к демократическим нормам жизни и кластер в целом, и, в ещё большей степени, представители его ядра, настроены даже скептически, чем «Последовательные традиционалисты»*. Так, они в большинстве своём не считают необходимой оппозицию, не согласны с тем, что каждый гражданин имеет право отстаивать свои интересы при помощи демонстраций и забастовок, хотя это обязательные компоненты характерных для россиян в целом норм. Ядро отличается от кластера ещё большей готовностью признать за государством право влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы. При этом, од-

¹ Об особенностях «неоэтакратических» или «позднеэтакратических» обществ (см.: [4; 5]).

нако, в отличие от «Последовательных традиционалистов», кластер характеризует *позитивное отношение к конкуренции и переменам*.

Видимо, эти отличия связаны с тем, что персональный состав этого кластера существенно иной, чем у «Последовательных традиционалистов». Так, например, если каждый четвертый среди «Последовательных традиционалистов» старше 60 лет, и лишь каждый десятый – моложе 30, то среди «Традиционалистов-этакратов» молодёжи больше, чем пожилого населения. Гораздо больше у его членов и культурный капитал – если среди «Последовательных традиционалистов» почти у двух третей родители имели образование не выше среднего общего, то среди «Традиционалистов-этакратов» – менее половины группы, а 26% имели даже родителей с высшим образованием (при 12% у «Последовательных традиционалистов»). Эти расхождения отражают наличие двух типов традиционализма в российском обществе. Один из них – это «настоящий» традиционализм пожилого населения с низкими показателями культурного капитала, а другой – «традиционализм по убеждению», который можно встретить и у представителей вполне образованных и благополучных слоёв. В итоге разложение ряда норм традиционалистского сознания на микроуровне (большая мобильность, толерантность к конкуренции и т. п.) сочетается у них с очень ярко выраженной убеждёностью в необходимости всевластия государства, составляющей костяк традиционалистского сознания в России.

Третий кластер, который мы отнесли к традиционалистски ориентированным группам, – «**Разочаровавшиеся традиционалисты**». Этот кластер, как и предыдущий, также демонстрирует сложность и неоднозначность протекания процессов разложения ранее характерной для России нормативно-ценностной системы. Однако в нём разложение этой системы начинается как бы «с другого конца» – не с развития на микроуровне толерантности к конкуренции и т. п. с одновременным сохранением лояльности к нормам, на которых строится этакратическая модель развития, а с разрушения в первую очередь именно этих норм. *Разочарование в традиционной модели взаимоотношений общества, личности и государства, разложение типичных для неё норм, происходит у членов этого кластера, однако, без одновременного формирования альтернативных им представлений, характерных для обществ модерна. При этом в сознании членов этого кластера остаётся очень много черт традиционалистского типа* – от ориентации на воспроизводство привычных образцов до отрицания права личности защищать свои интересы в противовес позиции большинства. Характерно для него и тяготение к плановой модели хозяйствования. Отличия во взглядах его ядра от взглядов кластера в целом также ярко демонстрируют, что это скорее

традиционалистский по своей природе кластер, нежели группа, занимающая промежуточное положение в транзите её нормативно-ценностных систем от домодерна к модерну. Понять, почему разложение старой модели не сопровождается у её членов формированием характерных для мировоззрения модерна взглядов, помогает анализ её состава – более половины группы проживает в сёлах и посёлках городского типа и лишь около четверти – в средних и крупных городах. При этом почти на 60% её члены – те, кому уже «за 40». При таких объективных характеристиках они практически неспособны даже при разочаровании в традиционной для них системе норм и ценностей сформировать конструктивную альтернативу. Это ведёт к развитию среди них массовой аномии.

Традиционалистски ориентированные группы:

- «Последовательные традиционалисты» (характерными особенностями выступают убеждения, что конкуренция вредна, что все перемены к худшему и нужно приспособливаться к реальности, а не бороться за свои права, им свойственны негативное отношение к демократии, модернизации и последовательная приверженность принципу уравнительности);
- «Традиционалисты-этакраты» (для них типично негативное отношение к ЕС и индивидуализму, они – убеждённые сторонники необходимости доминирования в России плановых, а не рыночных начал и хотели бы жить в обществе социального равенства, а не индивидуальной свободы);
- «Разочаровавшиеся традиционалисты» (разочарование в традиционной модели взаимоотношений общества, личности и государства, разложение типичных для неё норм без одновременного формирования альтернативных им представлений, характерных для обществ модерна).

Наконец, анализ специфики промежуточных кластеров позволяет точнее оценить и специфику протекания в России процессов социокультурной модернизации, и коридор возможностей для реализации модернизационного проекта, и перспективы последнего в целом.

Первый из этих кластеров был условно назван нами «Немодернисты». Этот кластер находится как бы «на перепутье» – нельзя сказать, что он настроен безусловно традиционалистски, но никакого отношения к сознанию модерна, по крайней мере в его классическом виде, его члены также не имеют. В целом для них характерны *пребывание в самом начале пути разложения традиционалистской модели сознания в вопросах поведения личности и, одновременно, довольно далеко зашедшее размывание норм этакратической модели*

Первый промежуточный кластер – «Немодернисты» (для них характерны пребывание в самом начале пути разложения традиционалистской модели сознания в вопросах поведения личности и, одновременно, довольно далеко зашедшее размывание норм этакратической модели развития общества. Однако на место этих норм приходит не аномия, а достаточно чёткая альтернативная система ценностей, где у человека есть право заявить о себе и своих проблемах, хотя и не в тех формах, как в западных моделях демократии).

развития общества. Однако на место этих норм приходит не аномия, как в кластере «Разочаровавшихся традиционалистов», а достаточно чёткая альтернативная система ценностей, где у человека есть право заявить о себе и своих проблемах, хотя и не в тех формах, как в западных моделях демократии. Так, члены этого кластера убеждены, что государство всегда должно отстаивать интересы народа перед интересами отдельной личности и что не так важно при этом, соответствует ли что-либо закону, или нет – главное, чтобы это было справедливо. Одновременно в кластере очень велика доля тех, кто считает, что каждый гражданин в любой ситуации вправе защищать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций и что каждый человек должен иметь право отстаивать своё мнение, даже если большинство придерживается иной точки зрения. К этому стоит добавить, что большинство в нём склонно ограничивать всевластие государства – почти 60% кластера и ещё большая доля его ядра не готовы признать безусловное право правительства влиять на правосудие, а также ограничивать свободу прессы, даже если этого требуют интересы государства. Всё это довольно мирно сосуществует в нём с отрицанием необходимости демократии, оппозиции, конкурентной среды и т. д. При этом члены данного кластера не уверены в собственных силах и ждут помощи в решении своих проблем от государства.

Второй промежуточный кластер, несколько дальше продвинувшийся по пути к формированию нормативно-ценностных систем обществ модерна – «Протомодернисты». К числу наиболее ярких его особенностей относятся прежде всего последовательная прагматическая ориентация (убеждение, что материальное благополучие важнее свободы, а зарплата – «интересности» работы), а также убеждение, что чего-то добиться можно только действуя сообща. Характерны для его членов также негативное отношение к индивидуализму, убеждение, что следование традициям важнее инициативности и поиска нового, а также что хорошие руководители для России важнее хороших законов. Яркой особенностью кластера выступает и отсутствие в нём толерантности к другим, тем, кто «не-Мы» – возможно в силу очень ярко выраженной в нём уверенности, что согласовать интересы разных групп общества невозможно. Однако, в отличие от «Немодернистов» и традиционалистски настроенных кластеров, его члены в массе своей являются сторонниками общества равных возможностей, а не равенства доходов; положительно относятся к модернизации и демократии; признают пользу конкуренции; убеждены в праве человека отстаивать своё мнение, даже если большинство придерживается другого мнения; не согласны с признанием права государства влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы. Ядро этого кластера ещё

Второй промежуточный кластер – «Протомодернисты» (к числу наиболее ярких его особенностей относятся последовательная прагматическая ориентация, а также убеждение, что чего-то добиться можно только действуя сообща; негативное отношение к индивидуализму, убеждение, что следование традициям важнее инициативности и поиска нового. Но его члены в массе своей являются сторонниками общества равных возможностей, а не равенства доходов; положительно относятся к модернизации и демократии; признают пользу конкуренции и др.).

толерантнее, чем кластер в целом, относится к неравенствам, при этом в нём ярче выражено убеждение, что успех в жизни – это результат упорного труда, а не простого везения. Всё это позволяет отнести данный кластер к промежуточным, характеризующимся *весьма противоречивыми нормативно-ценностными системами, общий вектор развития которых направлен всё же в сторону особенностей сознания, характерного для эпохи модерна.*

Сравнивая между собой два промежуточных кластера, нужно прежде всего отметить, что во многом (признание необходимости главенства традиций, установка на конформизм, неуверенность в своих силах, отсутствие толерантности к «не-Мы», согласие с тем, что каждый человек должен иметь право отстаивать своё мнение независимо от позиции большинства и т. д.) они похожи. Однако при этом «Протомодернисты», в отличие от «Немодернистов», настроены скорее на доминирование в российской экономике рыночных начал, среди них заметно меньше распространены уравнилельные настроения и больше – убеждение в необходимости активности «снизу» как факторе перемен в обществе. Характерны для них и отведение гораздо меньшей роли государству в обществе в целом и в экономике в частности, а также признание необходимости оппозиции.

Говоря о локализации всех семи выделенных групп, надо подчеркнуть, что нет ни одной социально-профессиональной, образовательной, поселенческой, возрастной или доходной группы, в составе которой не присутствовали представители всех семи этих групп. С другой стороны, среди вышеперечисленных нет ни одной группы, в составе которой представители сознания модерна составляли бы большинство. В то же время, ряд факторов повышают сегодня в России вероятность попадания в состав модернистски ориентированных групп. Среди этих факторов, прежде всего, условия социализации и возраст (см. рис. 4), а также социально-профессиональный статус (наиболее высока доля модернистски ориентированных россиян среди гуманитарной интеллигенции – 45%; такова же их доля среди специалистов), место жительства (в городах доля модернистов составляет 35%, доходя в мегаполисах до 40%, в то время как в сёлах и посёлках городского типа она около 20%), образование (свыше 40% лиц с высшим образованием относится к модернистски ориентированным группам) и др.

Следует подчеркнуть, что нет ни одной социально-профессиональной, образовательной, поселенческой, возрастной или доходной группы, в составе которой не присутствовали представители всех семи этих групп. С другой стороны, нет ни одной группы, в составе которой представители сознания модерна составляли бы большинство.

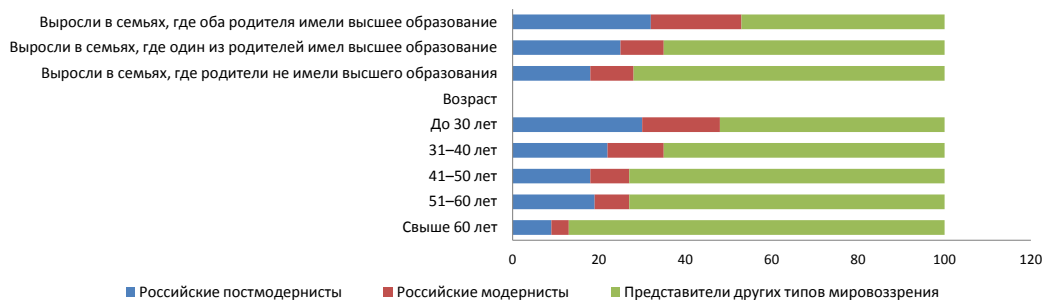

Рис. 4. Доля модернистски ориентированных кластеров в зависимости от уровня образования родителей и возраста респондентов, %

Таким образом, *типичный представитель модернистски ориентированных групп – это городской житель в возрасте до 40 лет, имеющий высшее образование и выросший в образованной семье.* Однако наличие даже всех этих характеристик не предопределяет однозначно мировоззрения человека – так, среди тех, кто обладает всеми этими признаками, модернисты составляют лишь 60%. При этом 10% всех модернистски ориентированных россиян не имеют ни одного из этих признаков. Что же касается среднего класса¹, то в нём доля групп, отнесённых нами к модернистам, – 43%. Однако если рассмотреть состав модернистски ориентированных кластеров, то половина из них – это представители среднего класса (в том числе среди «Российских модернистов» их 50%, а среди «Российских постмодернистов» – 48%).

Всё сказанное выше означает, что *модернистски ориентированные группы как бы «распылены» по населению страны в целом.* Для перспектив модернизационных преобразований в России такая «распылённость» – это и хорошо, и плохо. Хорошо – так как это означает, что *субъектные предпосылки для модернизационных преобразований существуют во всех «порах» российского общества,* и для успешности этих преобразований нужно лишь, чтобы российские носители сознания модерна поверили в эти преобразования и почувствовали реальную поддержку собственных усилий по утверждению в России той модели общества и «правил игры», которые являются для них «нормальными». Плохо – так как *в силу этой «распылённости» субъектов модернизации к ним сложно апеллировать как к единой социальной группе, и тем большее значение приобретают институциональные преобразования,* в ходе которых должен быть учтён и опыт модернизации других стран.

¹ Для выделения среднего класса использовались следующие критерии: нефизический характер труда; наличие как минимум среднего специального образования; показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже медианного значения по населению в целом; интегральная самооценка индивидом своего положения в обществе по десятибалльной шкале не ниже 4 баллов включительно.

Субъектные предпосылки для модернизационных преобразований существуют во всех «порах» российского общества. Однако к ним сложно апеллировать как к единой социальной группе. Тем большее значение приобретают институциональные преобразования.

В этой связи особое значение приобретает вопрос о том, опыт модернизации каких стран, с учётом особенностей менталитета россиян, может оказаться наиболее полезен для России?

Фактически речь идёт о постепенном смещении в сторону стран западной культуры с одновременным смягчением уникальности ментальности россиян. Однако процесс этот займёт, видимо, не одно десятилетие. Более того – даже находящиеся ближе всего к странам западной культуры «Российские модернисты» сохраняют яркую национальную самобытность, оставаясь вне группы этих стран, сосредоточенных в правой нижней четверти рисунка.

Подведём итоги

1. В России сегодня уже есть реальные массовые субъекты модернизационных преобразований. Однако социальные группы, выступающие таковыми в глазах населения, и те, кто реально способен выполнять эту роль, – это разные группы. Более того – те, кто способны выступить акторами модернизации, не сосредоточены в каких-то конкретных профессиональных, демографических или поселенческих группах, а «распылены» по обществу в целом. В наибольшей степени они представлены, однако, в формирующемся среднем классе России, и, особенно, в его ядре – профессионалах, происходящих из образованных городских семей.

2. Идущее быстрыми темпами разложение традиционно существовавших в России нормативно-ценностных систем не приводит и не приведёт в обозримом будущем к массовому принятию традиционных для западной культуры норм и ценностей. Напротив – в ходе этого процесса формируются альтернативные модели “Modern Man”, которые нельзя рассматривать просто как переходные. Это говорит о том, что процессы социокультурной модернизации протекают в России совсем не так, как они происходили в странах западной культуры.

3. Без существенного улучшения ситуации в стране и сближения модернистского проекта с базовыми нормами и ценностями россиян (в частности, без реализации на практике, а не только на словах, всех норм, связанных с «повседневными» свободами и правами, включая право озвучивать и отстаивать свои интересы; без эффективной борьбы с коррупцией в государственном аппарате и правоохранительных органах и т. д.) невозможно рассчитывать на длительную поддержку этого проекта не только на словах, но и на деле, даже со стороны модернистски ориентированных групп населения.

Библиографический список

1. Мареева С. В., Тихонова Н. Е. Средний класс: теория и реальность. – М.: Альфа-М, 2009.
2. Тихонова Н. Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // *Общественные науки и современность*. 2005. № 6.
3. Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) // *Общественные науки и современность*. 2008. №№ 2; 3.
4. Шкаратан О. Становление постсоветского неозакратизма // *Общественные науки и современность*. 2009. № 1.
5. Тихонова Н. Е. Наследие империи в общественном сознании россиян // *Наследие империй и будущее России* / Под ред. А. И. Миллера. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2008.

К методологии научных исследований

Социокультурное: от нерасчленённого понятия к дуальным оппозициям

Темницкий Александр Лазаревич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии МГИМО (У) МИД РФ, старший научный сотрудник ИС РАН

E-mail: taleksandr@list.ru

Социокультурное: от нерасчленённого понятия к дуальным оппозициям

Аннотация

В статье на основе различных подходов к интерпретации понятия «социокультурное» раскрывается его аналитический потенциал. Выделяются конкретные аспекты социального и культурного, образующие дуальные оппозиции, пригодные для разработки социологического инструмента измерения.

Abstract

The article discusses the potential of the term “sociocultural” and its different interpretations. It dwells on specific aspects of “social” and “cultural” form dual oppositions and explores their potential usage as a tool of measuring.

Ключевые слова: социокультурное, социальное, культурное, дуальные оппозиции

Keywords: sociocultural, social, cultural, dual oppositions

Постановка проблемы

Понятие «социокультурное» в его различных вариациях – социокультурные процессы, факторы, явления и т. п. – уже более 20 лет является одним из наиболее популярных у отечественных социологов. Оно находит массовое применение в заглавиях статей, монографий и диссертаций. Категория «социокультурное» адекватна российской истории, культуре, социальности и используется в нерасчленённом виде намного чаще, чем в западных работах. Однако за таким слитным, идущим от П. Сорокина написанием и содержательным использованием понятия социокультурного скрываются не только его сильные стороны, предполагающими единство и соответствие между представлениями субъекта и его действиями, но и слабости, затрудняющие возможности операционализа-

ции, включения в социологический инструментарий. Очень важно идущее от П. Сорокина указание на паритетность социального и культурного, т. е. когда не допускается ни ясного, ни косвенного намека на преобладание одного над другим, когда ни культура не выводится из социального, ни социальное из культурного, и они не сводятся друг к другу (см.: [1, с. 219]). Не менее важно в каждом случае использования данного понятия содержательно уточнять, что конкретно скрывается за социальным, а что за культурным.

Известно, что по степени распространённости лидируют такие вариации социокультурного, как социокультурные процессы, факторы, явления. Однако широкое использование в социологических работах постсоветского периода различных модификаций данного понятия, как правило, не сопровождается интерпретацией смысла социокультурного, попытками его операционализации. Напротив, складывается впечатление, что выбор понятия «социокультурное» в качестве ключевого по раскрываемой теме рассматривается авторами как удобный способ ухода от необходимости проводить расчленение между социальным и культурным, как предопределяющее указание читателям на укоренённость, неизменчивость и фундаментальность того или иного социального явления или процесса, обусловленного ментальностью, культурными традициями. В такой логике понятие «социокультурное» теряет свой исследовательский потенциал, превращается в общее место.

Более очевидной причиной обращения к данному понятию является вполне объяснимое в 1990-е гг. желание исследователей уйти от давления парадигмы экономического детерминизма К. Маркса. Актуальным и продуктивным представляется выбор социокультурного в качестве эффективного понятийного средства для раскрытия особенностей трансформаций в постсоветском обществе.

Подходы к интерпретации

Широкое использование в социологических работах постсоветского периода различных модификаций этой категории требуют внесения некоторой ясности в её содержание, обобщения подходов, сложившихся за постсоветский период, и обоснования адекватной дефиниции «социокультурного» для разработки на этой основе авторского подхода к теоретической и эмпирической интерпретации данного понятия.

Основными источниками информации для выявления направленности авторских интерпретаций анализируемого понятия послужили статьи из журнала «Социологические исследования», в названии которых фигурировал термин «социокультурное». Всего за 1994-2010 гг. было выявлено 25 по-

Категория «социокультурное» адекватна российской истории, культуре, социальности и используется в нерасчленённом виде намного чаще, чем в западных работах.

Одной из причин обращения к понятию социокультурного является вполне объяснимое в 1990-е гг. желание исследователей уйти от давления парадигмы экономического детерминизма К. Маркса. Актуальным и продуктивным представляется выбор социокультурного в качестве эффективного понятийного средства для раскрытия особенностей трансформаций в постсоветском обществе.

добных статей. Кроме этого, использовались статьи из других отечественных журналов социологического профиля, научные монографии, диссертации.

Обращение к выделенным статьям преследовало задачи: выявить смысл и содержание, вкладываемые авторами в это понятие; определить ограничивался ли автор включением анализируемого понятия только в название работы или использовал его и в тексте; выяснить, проводилась ли в работе попытка соотнести ключевое понятие с какой-либо научной школой, парадигмой, другими смежными или более широкими по содержанию понятиями. Кроме этих задач ставились аналитические попытки: определить, какой могла бы быть цель интерпретации, каковы содержательные и инструментальные (для последующей операционализации) возможности такого рода интерпретационных усилий.

Прежде всего, из отобранного списка публикаций были выделены, а затем исключены те, в которых авторы ограничились лишь включением термина «социокультурное» в заголовки работы, а в тексте его уже не использовали. Так, к примеру, в статье «Кинотеатр как социокультурный полигон досуга» предлагается читателю самому додуматься: почему кинотеатр – социокультурный полигон (см.: [2, с. 88–91]). Можно, конечно предположить, что кино рассматривается как элемент культуры, а зрители как социальная группа, но ничто не мешает сделать и противоположный вывод. В другом подобном случае, когда анализируемое понятие вовсе не используется в тексте статьи, а говорится о представлениях, мировоззрении, образе жизни, жизненных ценностях молодёжи, то по соотношению с названием статьи можно сделать вывод, что всё это проявления социокультурной идентификации, но с не меньшим основанием, можно сделать и другие обобщения (см.: [3, с. 89–93]). В одной из последних статей с использованием анализируемого понятия предметное содержание статьи в большей мере располагает, чтобы обозначить его как глобальные аспекты изучения адаптации к климатическим изменениям (раскрывается роль международных сообществ, межгосударственных институтов), но автор без какого-либо пояснения называет эти аспекты социокультурными (см.: [4, с. 137–139]). Нередко, используя в названии статьи термин социокультурное, авторы далее не включают его в число основных понятий и не дают каких-либо содержательных пояснений в тексте статьи (см.: [5, с. 57–65]). Несомненно, что это дело автора – давать или не давать пояснения обозначенным в названии статьи понятиям, по этому поводу в том же «Социсе» нет методических указаний в отличие от требований к обоснованию выборки, инструментария, валидности данных. И всё же за использованием вводимых в оборот понятий, их определённой интерпретацией скрывается актуальная для

За использованием вводимых в оборот понятий, их определённой интерпретацией скрывается актуальная для сегодняшнего дня проблема повышения методической культуры работы автора, «забота о категориях, понятиях и терминах социологии».

сегодняшнего дня проблема повышения методической культуры работы автора, «забота о категориях, понятиях и терминах социологии» [6, с. 3].

По другим работам, в которых можно было обнаружить разные смыслы, вкладываемые авторами в понятие «социокультурное», были условно выделены как относительно самостоятельные восемь различающихся трактовок.

Сведение социокультурного к другим не менее фундаментальным понятиям

К числу таких понятий следует отнести: ментальность, национальный характер, культурные традиции, коды, генотипы, архетипы и т. п. Употребление понятия «социокультурное» в таком случае часто связывается с желанием подчеркнуть укоренённость, неизменчивость того или иного социального явления или процесса. Тогда, в широком смысле слова социокультурное отождествляется с глубоко укоренёнными в обществе культурными традициями, в основе которых лежат универсальные базовые ценности, определяющие целостность нации, отдельных групп общества, их «социокультурные коды» (см.: [7, с. 12–122]). Например, в логике такого подхода утверждения, что сила социокультурных обусловленностей трудовой деятельности заключается в том, что «с устранением их современных проявлений: коллективизма, патернализма оживают, выходят на поверхность более фундаментальные и архаичные уровни (общинность, артельность)» [8, с. 39]. Кроме того, что при таком подходе совершается формально-логическая ошибка (подмена одного сложного по содержанию понятия ещё более сложным), в результате подобной интерпретации «социокультурность» теряет качества, пусть и фундаментальной, но всё же переменной (в социологическом смысле), приобретает черты константы, постоянно действующего универсального фактора. Возможности проведения социологического исследования при таких представлениях ничтожны.

Интерпретация социокультурного на основе культурологии

Социальное при такой интерпретации «утопает» в культурном, поскольку само функционирование культуры рассматривается как социальный процесс, а социальное – как производная функция культуры (см.: [9, с. 338–342]). Объяснительные возможности культурологии представля-

В широком смысле слова социокультурное отождествляется с глубоко укоренёнными в обществе культурными традициями, в основе которых лежат универсальные базовые ценности, определяющие целостность нации, отдельных групп общества, их «социокультурные коды».

Социальное при интерпретации на основе культурологии «утопает» в культурном, поскольку само функционирование культуры рассматривается как социальный процесс, а социальное – как производная функция культуры.

ются достаточными для анализа социокультурных процессов в обществе, например, для объяснения проблемы управления сквозь призму культуры многонационального города (см.: [10, с. 132]). Итогом возвышения культурного над социальным становятся методологические принципы, согласно которым социокультурное можно рассматривать как «культурное измерение туризма и складываемого на этом фоне культурного туризма» [11, с. 292].

В настоящее время всё чаще отмечается происходящая «своего рода «культурализация» социальных наук, а также различных сфер социальной практики. Эта тенденция прослеживается и в «cultural studies», и в «культурной социологии» Джеффри Александера и его сотрудников из возглавляемого им «Центра культурной социологии» (см.: [12, с. 134]). Такой поворот к культурному, совершающаяся экспансия культурологии приводит, на наш взгляд, к подмене социального культурным, к усилению однобокой культурологической интерпретации, укреплению принципа культурного детерминизма и ослаблению инструментальных возможностей анализируемого понятия.

Интерпретация социокультурного на основе подхода М. Вебера

М. Вебер, определяя в качестве центральной исследовательской задачи выявление источников «духа капитализма», принципиально размежёвывается с подходом К. Маркса, поставив на первое место роль идеи, культуры, религиозного влияния. «Мы стремимся установить лишь следующее: играло ли также и религиозное влияние – и в какой степени – определённую роль в качественном формировании и количественной экспансии “капиталистического духа”...» [13, с. 106]. Последователи М. Вебера видят эвристический потенциал социокультурного как способность с его помощью преодолевать влияние экономического детерминизма при объяснении социально-экономических процессов в обществе. Согласно такому подходу социокультурным считается всё, что связано не с непосредственной экономической деятельностью, а с её духовными аспектами: «ценностными, мотивационными, идейными факторами...» [14, с. 242] или ценностным образом человеческих качеств, не измеряемым деньгами (талант, отношения «мать – дитя», подвиг, умение видеть и чувствовать прекрасное) (см.: [15, с. 20–21]). Применительно к сфере труда в этом случае социокультурным следует называть всё то, что связано не с самим трудом, а с внешним по отноше-

В настоящее время всё чаще отмечается происходящая своего рода «культурализация» социальных наук, а также различных сфер социальной практики.

М. Вебер, определяя в качестве центральной исследовательской задачи выявление источников «духа капитализма», принципиально размежёвывается с подходом К. Маркса, поставив на первое место роль идеи, культуры, религиозного влияния.

нию к нему контекстом или смыслами, которыми человек объясняет своё поведение, используя не характеристики самой ситуации, а культурные нормы и ценности.

При всей значимости положений М. Вебера о роли внешних по отношению к непосредственной хозяйственной деятельности факторов, прежде всего, религиозных норм и ценностей, содержание анализируемого понятия при данном подходе существенно обедняется, т. к. слабо учитываются противоречия и согласования между реальными социальными практиками и культурными факторами. Добросовестное использование веберовской методологии при разработке инструментария исследования несомненно уводит от экономического детерминизма, но приводит к детерминизму культурному.

Интерпретация социокультурного на основе подхода П. Сорокина

Согласно П. Сорокину, социокультурное явление становится возможным при наличии значимого взаимодействия двух и более индивидов, в котором выделяется три необходимых компонента: субъекты взаимодействия; значения, ценности и нормы, благодаря им индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими; открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с их помощью объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы [1, с.193]. Складывающийся на основе значимых для индивидов взаимодействий, социальный порядок носит неразделимый характер. Из него нельзя вырвать социальные отношения, не затронув культуру, точно также, как нельзя отдельно, без учёта значимых для личности взаимодействий в обществе рассматривать культуру и оставаться при этом социологом. Любая организованная группа неизбежно обладает культурой, т. к. вынуждена придерживаться определённых норм права и морали. Ни социальная группа, ни индивид не могут существовать без компонентов значений и носителей, т. е. без культуры (см.: [1, с. 191]). Такая трактовка социокультурного и его дальнейшее развитие в теории имманентных социокультурных изменений в силу наличных и потенциальных собственных ресурсов (см.: [16, с. 732–736]) позволили П. Сорокину уйти от однофакторного подхода к объяснению изменений в социальной реальности, будь то экономический детерминизм К. Маркса или культурный детерминизм М. Вебера.

Вместе с тем модель П. Сорокина для объяснения трансформационных процессов в обществе, на наш взгляд, не вполне адекватна в силу его акцента на неразделимости и паритетности социального и культурного по отношению друг к другу.

Добросовестное использование веберовской методологии при разработке инструментария исследования несомненно уводит от экономического детерминизма, но приводит к детерминизму культурному.

Согласно П. Сорокину, социокультурное явление становится возможным при наличии значимого взаимодействия индивидов, в котором выделяется три необходимых компонента: субъекты взаимодействия, значения, ценности и нормы, благодаря им индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими; открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с их помощью объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы.

Вопросы возможных противоречий, борьбы между составляющими социокультурную реальность не получили достаточно и ясного ответа в работах П. Сорокина. Однако именно ответы на эти вопросы представляются важными в исследованиях трансформирующихся обществ.

Интерпретация социокультурного на основе подхода Т. Парсонса

Классический вклад в развёртывание социокультурного подхода на основе парадигмы структурного функционализма внёс Т. Парсонс. Он не только не отрицает различия между культурой и социальной системой, но указывает, что это стало уже общим местом. По его мнению, это различные системы, при помощи которых абстрагируются или отбираются аналитически отличные ряды компонентов из одних и тех же конкретных явлений. Ни одна из этих систем не может быть полностью переведена на язык другой, т. е. порядок отношений внутри одной не зависит от порядка отношений в другой. Очень важно, что различие между культурой и социальной системой является по Т. Парсонсу, прежде всего, аналитическим приёмом, постоянно действующим методологическим принципом, который намного важнее, чем предубеждения, заключённые в вопросах о том, что более важно, правильно и фундаментально (см.: [17, с. 689–690]). Стремясь уточнить эти различия, Т. Парсонс подчёркивает, что фокус социальной системы – это условие взаимодействия человеческих существ, которые составляют конкретные коллективы с определённым членством, а фокус культурной системы, напротив, заключается в смысловых моделях, моделях ценностей, норм, организованного знания и верований, экспрессивных форм (см.: [17, с. 555]). Однако Т. Парсонс исключает возможность конструктивных противоречий между социальным и культурным, подчёркивая, что система остаётся жизнеспособной пока между ними сохраняются отношения взаимодействия, а не противоборства. Пагубной для жизнеспособности социальной системы Т. Парсонс считает и радикальную смену ценностей, которая приводит общество к глубокому кризису, так как она предполагает его повсеместное переструктурирование (см.: [17, с. 734]).

К числу отечественных последователей подхода Т. Парсонса с некоторыми оговорками можно отнести известного российского социолога Н. Лапина. Разрабатывая принципы социокультурного подхода, автор представляет общество как большую самодостаточную социокультурную систему, в которой сохраняется динамичный баланс между культурными и социальными компонентами, на системной

Т. Парсонс исключает возможность конструктивных противоречий между социальным и культурным, подчёркивая, что система остаётся жизнеспособной пока между ними сохраняются отношения взаимодействия, а не противоборства. Пагубной для жизнеспособности социальной системы он считает и радикальную смену ценностей, которая приводит общество к глубокому кризису, так как она предполагает его повсеместное переструктурирование.

основе сочетаются принципы: человека активного, взаимопроникновения культуры и социальности, антропосоциетального соответствия, социокультурного баланса, симметрии и взаимобратимости социетальных процессов, необратимости эволюции социокультурной системы (см.: [18, с. 5–6]).

Идеи Т. Парсонса можно рассматривать как конструктивные, потому что социальное и культурное достаточно чётко различаются, и как неконструктивные применительно к исследованиям трансформирующихся обществ, где не только допускается, но и выявляется потенциал возможных противоречий между социальным и культурным.

Интерпретация социокультурного на основе подхода А. Ахиезера

На противоречивость социокультурных процессов как их фундаментальную атрибутивную характеристику обращает внимание А. Ахиезер. В обществе постоянно возникают противоречия между социальными отношениями и культурой, т. е. социокультурные противоречия. Их источниками становятся культурные программы, которые смещают производственную деятельность таким образом, что в результате разрушаются, становятся нефункциональными жизненно важные социальные отношения [19, с. 56]. В упрощённом виде А. Ахиезер предлагает выразить социокультурное противоречие так: «оно возникает у человека, который думает как Паскаль, а живёт как обходчик Штукин, в противоположность человеку, который живёт как эскимос и думает как эскимос» [20, с. 481].

Именно культуре, а не социальным отношениям автор придаёт большие возможности для свободного выхода за собственные рамки. Культура рассматривается как сфера творчества и фантазии, а социальные отношения всегда должны оставаться функциональными уже в силу самой своей воплощённости в массовый производственный процесс (см.: [20, с. 243–244]). Приданию культуре человека преобразующих, а не консервативных функций способствует новая формирующаяся с конца XX в. социокультурная реальность. Происходит переориентация социокультурной истории. На передний план исследовательских интересов выходит проблема реализации субъективных представлений, мыслей, способностей, интенций индивидов в пространстве возможностей, ограниченных объективными условиями (см.: [21, с. 8]). Рассмотрение социального и культурного в их напряжённой соотносимости и латентной противоречивости друг с другом позволяет обнаружить «глубинные регуляторы действительно противоречивого поведения членов определённой социально-профессиональной группы» [22, с. 113]. Как пример адек-

Культура рассматривается как сфера творчества и фантазии, а социальные отношения всегда должны оставаться функциональными уже в силу самой своей воплощённости в массовый производственный процесс.

Рассмотрение социального и культурного в их напряжённой соотносимости и латентной противоречивости друг с другом позволяет обнаружить «глубинные регуляторы действительно противоречивого поведения членов определённой социально-профессиональной группы».

ватности природе социокультурного можно рассматривать выявляемые исследователями противоречия между требованиями к системе образования с позиций постиндустриального общества (культурное) и аутсайдерским статусом учителя в обществе (социальное) (см.: [23, с. 102]). Весьма образно о содержании противоречия между социальным и культурным выразился политолог Д. Орешкин: «Если я родился в чукчанском чуме и я гений, то максимум, что я могу сделать, это изобрести новый узел для закрепления гарпуна или новый метод починки байдарки (культурное). Среда (социальное) мне ставит рамки. Для того чтобы я стал Эйнштейном, мне нужны университет, столичный город, иностранный язык, хорошая библиотека» [24], т. е. новая социальная среда, не препятствующая, а генерирующая и поддерживающая культурные инновации.

Социокультурные противоречия могут возникать и на основе, исходящих от личности парадоксального сочетания нормативных ожиданий по отношению к отвлечённому от повседневной жизни социальному и личностной культурной неготовностью следовать ему в реальной жизни. Отражением такого может быть подмеченный эмпирический факт, когда «абсолютное большинство (95%) считает, что государство обязано быть всегда честным со своими гражданами, при этом почти половина (47%) согласна, что врать государству не зазорно» [25, с. 104].

В выявлении соотношения социального и культурного возможно как обнаружение определяющего влияния первого на второе, так и наоборот, а также их гармоничного сочетания. Например, в закрытом обществе цензура (*социальное*) подавляет культурное, в цивилизованном – они гармонично сочетаются (см.: [26, с. 88]). Однако невозможно полное подавление, исчезновение культурного под влиянием социального, также как и наоборот. Так, какие бы сверхправильные законы (*социальное*) не спускали российскому работнику «сверху», он всё приемлет смиренно и безропотно, но делает и поступает по своему (*культурное*). «Все законы и установленные сверху нормы исчезают сразу же с уходом первого государственного лица, общественной системы или даже непосредственного начальника» [27, с. 78].

В качестве первичной клетки культуры и воспроизводственной жизни общества А. Ахиезер рассматривал дуальную оппозицию, которая является необходимым принципом объяснения социальной реальности и основой для формирования альтернатив (см.: [20, с. 160–161]). Её структурными и динамическими элементами являются: а) амбивалентность полюсов как диалектический процесс, механизм единства исключаящих друг друга полюсов, их

взаимного изменения, дополнения, проникновения (в формах медиации или инверсии), б) взаимопроникновение как постижение смысла одного полюса дуальной оппозиции через смысл другого полюса, в) вектор конструктивной напряжённости как указатель ценностной ориентации, встроенной в любую воспроизводственную деятельность.

Метод построения дуальных оппозиций следует отличать от выделения антиномий, которые также, как и дуальные оппозиции, основываются на возможности совместного сосуществования противостоящих, взаимоисключающих друг друга утверждений. Однако дуальные оппозиции не содержат в себе столь явно выраженного конфликтного потенциала, чёткой направленности на устранение одной из сторон, не обязательно связываются с кризисным состоянием в обществе и не являются как обозначенные антиномии современного российского общественного сознания предвестником возможных социальных потрясений (см.: [28, с. 17]).

Дуальные оппозиции, выводимые А. Ахиезером, связываются, как правило, с макроуровнем социокультурных противоречий (см. таблицу 1).

Таблица 1

Основные дуальные оппозиции по А. Ахиезеру

Культура	Социальные отношения
Внешнее	Внутреннее
Взаимопроникновение	Раскол
Прошлое	Будущее
Народ	Власть
Абстрактное	Конкретное
Диалог	Монолог
Авторитарность	Соборность
Всеобщность	Единичность
Традиционная суперцивилизация	Либеральная суперцивилизация
Гиперцентр	Гипоцентр
Партиципация (приобщение)	Отпадение
Организация	Дезорганизация
Бюрократия	Гражданское общество

Представляется, что именно в постановке А. Ахиезера содержание категории социокультурное выражено наиболее явно: культура – способ реализации субъективных представлений, мыслей, способностей, интенций индивидов, а социальное отражает объективные условия, рамки, границы, структу-

ру в целом. Всё же инструментальные возможности «социокультурного» здесь снижены, т. к. объектом исследования по Ахиезеру является макроуровень социокультурного.

Максимально расширительная трактовка социокультурного

Иногда понятию социокультурного придают максимально всеобъемлющий характер и используют, включая в него все социально-материальные, социально-демографические и социально-психологические тенденции, наблюдаемые в обществе. При таких расширительных трактовках стирается предметность социокультурного, ибо из него даже экономическое не исключается.

Иногда понятию социокультурного придают максимально всеобъемлющий характер и используют, включая в него все социально-материальные, социально-демографические и социально-психологические тенденции, наблюдаемые в обществе (см.: [29, с. 56–63]). В ряде случаев вводят понятие «социокультурные предпочтения», а в них всю систему ценностей населения, религиозные взгляды и убеждения, предпочтения в сфере экономического поведения, т. е., по сути, всё то, что связано с субъективными факторами, влияющими на сознание и поведение индивида (см.: [30, с. 104–105]). Или вот ещё один пример, когда социокультурное с позиций расширительной точки зрения применительно к рабочему классу рассматривается в качестве обобщённой характеристики пролетариата как класса, включая такие параметры, как политические взгляды, психология, мораль, экономическая характеристика, трудовой облик, культурный быт и уклад (см.: [31, с. 5]).

При таких расширительных трактовках стирается предметность социокультурного, ибо из него даже экономическое не исключается.

Интерпретация социокультурного как латентного свойства социальных систем или институтов

Согласно такому подходу, социокультурным может быть названо всё то, что выходит за пределы прямых функций социальной системы, либо какие-то её скрытые неафишируемые свойства и качества. Так, например, вводится понятие «социокультурная ориентация правового порядка», которая предполагает снижение силовой составляющей деятельности в пользу ненасильственных методов (см.: [32, с. 51–54]). Получается, что социокультурным объявляется всё то, что является второстепенным по отношению к прямым функциям системы правового порядка. К подобного рода объяснениям социокультурного примыкают интерпретации с экстравагантными, уникальными определениями. Оказывается, что социокультурным может быть объявлено всё, что связано с «инновационным подхо-

Иногда понятию социокультурного придают максимально всеобъемлющий характер и используют, включая в него все социально-материальные, социально-демографические и социально-психологические тенденции, наблюдаемые в обществе. При таких расширительных трактовках стирается предметность социокультурного, ибо из него даже экономическое не исключается.

Согласно такому подходу, социокультурным может быть названо всё то, что выходит за пределы прямых функций социальной системы, либо какие-то её скрытые неафишируемые свойства и качества.

дом к обучению (необходимости сотворчества учителя и ученика)» (см.: [33, с. 91]), либо с жанром этюда как метода в преподавании социологии (см.: [34, с. 112–116]).

Структурные компоненты социального и культурного

Анализ выделенных подходов к интерпретации социокультурного показывает, что использование этого понятия в нерасчленённом виде способствует усилению традиционной для России проблемы синкретиза как «слитного первоначального состояния социокультурного организма, в котором те или иные феномены не вычленяются из исходного целого» (см.: [35, с. 34]). Для синкретиза характерна жёстко понимаемая абсолютная картина мира, экстраполяция её структур на эмпирический мир, стремление вернуться к прошлому, к тотему, к вождю, к социальному порядку, происходящее, в частности, под результатом влиянием страха перед отпадением от целого (см.: [20, с. 445]). Реальными следствиями синкретиза в российском обществе по-прежнему выступают такие феномены, как сращение власти и собственности (см.: [35, с. 36]), сословного капитализма (см.: [36]), государственного патернализма (см.: [37]).

В связи с вышесказанным представляется актуальным выделение в любом социокультурном явлении, процессе, факте качественных характеристик социального и культурного с последующим их измерением, выявлением особенностей взаимосвязи. Такое выделение можно рассматривать как мысленный аналитический приём, направленный на обнаружение специфических свойств социального и культурного применительно к той или иной изучаемой ситуации. При этом предполагается, что не все стороны социального и культурного участвуют в образовании качеств социокультурного.

Так, вслед за П. Сорокиным, учитывая, что любая логически интегрированная система культуры имеет внутреннее и внешние аспекты, можно выделить её следующие структурные компоненты (см.: [16, с. 40]) (см. таблицу 2).

Таблица 2

Основные внутренние и внешние аспекты логически интегрированной системы культуры

Культура			
Внутренние аспекты		Внешние аспекты	
Неупорядоченные	Упорядоченные	Духовные	Материальные
Хаотические образы	Сфера разума	Традиции	Архитектура

Продолжение таблицы 2

Культура			
Внутренние аспекты		Внешние аспекты	
Ощущения	Смыслы	Обычаи	Музыка
Эмоции	Ценности	Обряды	Живопись
Стремления	Позиции	Ритуалы	Скульптура
Идеи	Убеждения	Нормы	Здания. Инструменты

Представляется, что из всего многообразия выделяемых элементов, только упорядоченные внутренние аспекты культуры могут быть использованы в социологическом измерении их взаимосвязи с проявлениями социального, поскольку неупорядоченные элементы окажутся трудноуловимыми при попытках их операционализации; духовные внешние аспекты, будучи надличностными образованиями, выполняют роль социального, регламентирующего взаимодействия людей, а материальные аспекты могут рассматриваться лишь как фон, контекст любой социокультурной ситуации. О преобладающей и направляющей роли внутренней стороны интегрированной культуры по отношению к её внешним феноменам указывает и П. Сорокин: «внешние феномены относятся к системе культуры лишь постольку, поскольку они суть проявления её внутренней стороны», поясняя этот вывод доходчивыми примерами: «лишённая своего внутреннего смысла Венера Милосская превращается в обыкновенный кусок мрамора...» [16, с. 40]. Ведущая функция социального (социальности), отмечаемая большинством исследователей, связывается с воспроизводственной деятельностью: «воспроизводство человека как общественного существа» [38, с. 111]. Суть социального в том, что это особый тип, форма регуляции поведения на основе опережающего прогноза поведения окружающих (в том числе по отношению к самому субъекту действия), который возможен благодаря взаимным обязательствам, договорённостям (см.: [9, с. 106]).

Итак, вычлняя социальное в противовес культурному, мы подчёркиваем в первом случае определяющую роль рамочного регулятора человеческих взаимодействий и отношений, а во втором – творческого созидания, стремящегося вырваться за установленные рамки.

В структуре интегрированного социального, как и культурного, также можно выделить внутренние и внешние аспекты. В качестве внутреннего аспекта можно рассматривать проявления социального в отношении личности – регуляторы, ориентированные преимущественно на личность, её взаимодействия и отношения с другими, а внешнего – регуляторы их надындивидуальных ролей, ориентированные на инсти-

Вычлняя социальное в противовес культурному, мы подчёркиваем в первом случае определяющую роль рамочного регулятора человеческих взаимодействий и отношений, а во втором – творческого созидания, стремящегося вырваться за установленные рамки.

туты и общество. В первом случае допускаются, а во втором ограничиваются возможности личности по коррекции сложившихся правил взаимодействия. С учётом данных допущений структуру социального, его основных элементов можно представить следующим образом (см. таблицу 3).

Таблица 3

Основные внутренние и внешние аспекты логически интегрированной системы социального

Социальное			
Личностно-ориентированные регуляторы		Общественно-ориентированные регуляторы	
Социальные действия и взаимодействия	Социальные отношения	Социальные институты	Общество
Взаимные ожидания	Взаимные обязанности	Правила	Система деятельностного взаимодействия
Причинная зависимость	Статусно-ролевые предписания	Механизмы принуждения	Объединяющая культура
Сопряжённые системы действия	Воспроизводимая деятельность	Социальная организация	Признание единой власти

Концентрированным выражением сути социального во взаимодействии с культурным являются социальные отношения, основывающиеся в современном обществе на «представлениях о законе, на рынке, товарно-денежных отношениях, на массовых коммуникациях, на ответственности людей, которых можно лично не знать» [20, с. 478].

В исследованиях взаимодействия социального и культурного, образующих во взаимосвязи различные социокультурные феномены, нельзя учесть всевозможные характеристики и проявления того и другого. Как и во многих других случаях социологических изысканий, приходится действовать схематично, модельно. В этой связи важно как можно чётче, аналитически противопоставить социальное и культурное по их наиболее расходящимся характеристикам (см. таблицу 4).

Таблица 4

Фокусированные характеристики социального и культурного, образующие феномены социокультурного

Социальное	Культурное
Рамочное	Выходящее за рамки реальности
Воспроизводимое	Творческое созидание
Институциональное	Символическое
Неуправляемое со стороны личности	Личностно-управляемое
Малое число степеней свободы	Большое число степеней свободы

В качестве ведущей фундаментальной атрибутивной характеристики социокультурного (процессов, явлений и т. п.) предполагается аналитически рассматривать противоречия между проявлениями социального и культурного. Представляется, что социокультурные противоречия, которые можно обнаружить на любом уровне социальных взаимодействий (от индивидуальных до глобальных), не могут иметь полного разрешения. Противоречивое соединение культуры и социальных отношений в этом не нуждается, потому как именно в реальных взаимодействиях культурных программ и их носителей (индивидов и групп) с постоянно воспроизводимыми рамками социальных отношений – источник постоянной активности социальных действий, в противном случае имело бы место стабильное, раз и навсегда упорядоченное общество.

Диалектические формы взаимосвязи социального и культурного

Для раскрытия богатства возможных форм взаимосвязей социального и культурного в синхронной и диахронной перспективе актуально и эффективно использование диалектического видения и вырабатываемого на его основе методологического подхода. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что использование диалектического подхода к интерпретации понятия «социокультурное» предполагает учёт следующих положений:

- социальное не может существовать без культурного, а культурное без социального;
- возможно гармоничное либо вынужденное единение социального и культурного;
- предполагается потенциальная противоречивость между социальным и культурным;
- возможно относительное доминирование социального над культурным и культурного над социальным, но невозможно полное подавление одного другим;
- возможно образование новых гибридных феноменов на основе противоречивого слияния социального и культурного;
- возможна «оборачиваемость» социального в культурное и культурного в социальное.

Если первые четыре положения уже были достаточно нами раскрыты, то два последующих требуют дополнительных пояснений.

Именно в реальных взаимодействиях культурных программ и их носителей (индивидов и групп) с постоянно воспроизводимыми рамками социальных отношений – источник постоянной активности социальных действий, в противном случае имело бы место стабильное, раз и навсегда упорядоченное общество.

Возможность образования новых гибридных феноменов на основе противоречивого слияния социального и культурного выразилась в массовом формировании парадоксальных явлений, тенденций, структурных композиций в трансформирующемся российском обществе. Возникли такие парадоксальные образования, как народный капитализм, олигархическая демократия, поддержка рыночных преобразований и негативное отношение к их субъектам: банкирам, предпринимателям (см.: [39, с. 142]). Причиной их образования, по мнению Ж. Тощенко, является нарушение чёткой взаимосвязи ценностей и ориентаций с социальной структурой общества, т. е. парадоксы в таком случае являются результатом отклонений от нормального и желаемого процесса развития. С позиций социокультурного анализа эти и другие, казалось бы, парадоксальные социальные явления трансформирующегося общества отражают наличие базового социокультурного противоречия, которое не может иметь полного разрешения. Напряжённое соотношение между проявлениями культурного (скажем, ценностных ориентаций на продолжение рыночных преобразований) и социального (определённое, пусть и парадоксальное статусное закрепление таких преобразований в новых социальных отношениях) является необходимым, а может быть единственно возможным для данной ситуации. Было бы, напротив парадоксальным, если бы в условиях трансформации новые социокультурные образования гибридного характера и связанные с ними противоречия не возникали. Исследователи всё чаще отмечают не только новые парадоксы сознания и поведения, но и проявляющуюся при этом примерную равнозначность двух противоположных тенденций; например, когда в ответах на вопрос «В каких условиях Вы предпочли бы работать: при жёстком государственном регулировании или при полной экономической свободе?» половина директоров опрошенных оборонных предприятий выбирает первый вариант, а другая половина – второй (см.: [40, с. 97]); или когда делают вывод, что либеральный и этатистский комплексы практически одинаково представлены в сознании россиян (см.: [25, с. 152]).

Возможная «оборачиваемость» социального в культурное и культурного в социальное, на наш взгляд, проявляется в том, что старое социальное после радикальных трансформаций перестает выполнять производственные функции и превращается в культурное, и при этом может как активно защищаться (например, социальная справедливость), так и не защищаться (уравнительность в труде, коллективизм), становиться редким культурным качеством. Также можно утверждать, что на Западе незрелое культурное качество (модель экономического человека) в силу роста предпочтений, которые каждый отдаёт самому себе (превалирование индивидуальных ценностей над коллективными, жажда приобретений, нежелание

Возможность образования новых гибридных феноменов на основе противоречивого слияния социального и культурного выразилась в массовом формировании парадоксальных явлений, тенденций, структурных композиций в трансформирующемся российском обществе.

Возможная «оборачиваемость» социального в культурное и культурного в социальное проявляется в том, что старое социальное после радикальных трансформаций перестает выполнять производственные функции и превращается в культурное, и при этом может как активно защищаться (например, социальная справедливость), так и не защищаться (уравнительность в труде, коллективизм).

делиться с другими, отсутствие благодарности), в настоящее время утвердилось как безусловная данность человечества, выполняющая функцию воспроизводства образца (см.: [41, с. 17–18]).

Предполагается, что в условиях трансформирующегося общества, в динамичных, бифуркационных и экстремальных средах возможно и необходимо использование социокультурного подхода с выделением измеряемых дуальных оппозиций на микроуровне, например, в сфере труда на промышленных предприятиях. Одной из ведущих дуальных оппозиций, адекватной для понимания особенностей трудового поведения наёмных российских работников, является соотношение социальных традиций и культурных инноваций.

Мы предполагаем, что к традиционным в сфере труда относятся те социальные ценности и нормы, а также сложившиеся практики и устойчивые типы поведения, которые были характерны для крестьянских общин, трудовых артелей и предприятий дореволюционной России, предприятий советского типа и остаются значимыми в настоящее время. К ним по праву можно отнести преобладание коллективного над индивидуальным, патерналистского типа взаимоотношений с управляющими над партнерским, принципов социальной справедливости и уравнительности над конкуренцией, личностного доверия над безличностным, неформальных договорённостей над формальным договором (контрактом), гарантированной занятости над мобильностью на рынке труда, ценности невысокой, но стабильной заработной платы над неограниченной по размеру, но без определённых гарантий, преданности своему предприятию над желанием сменить его при всяком удобном случае.

К инновационным здесь могут быть отнесены те социальные ценности и нормы, а также сложившиеся практики и устойчивые типы поведения, которые были незначимы по их распространённости и влиянию на социальные процессы в прошлом, но стали заметными, состоялись как социокультурные феномены на российских предприятиях в 1990-е гг. XX в. К ним можно причислить страх потери работы и связанные с ним притязания на гарантии занятости, свободу труда и связанную с ней ориентацию на предпринимательство, риск, мобильность занятости, вторичную занятость, партнерство в отношениях с руководством и связанные с ним ценности контракта, равноправного сотрудничества, освобождение от неформальной зависимости в выполняемой работе и трудовых отношениях, индивидуализм в труде и связанные с ним ценности конкуренции и личной выгоды.

Их проявления на примере обращения к рабочим промышленных предприятий рассмотрены в ряде работ автора (см.: [42–46]).

Разработка дуальных социокультурных оппозиций возможна при постановке и решении современных целевых задач. Например, при выявлении социокультурной модели работника рыночного типа. Основанием для определения качеств социального и культурного в локальной ситуации могут выступать сложившиеся эмпирические факты.

Будем исходить из простой эмпирической предпосылки: то, что является наиболее распространённым, ставшим данностью для большинства (устойчивой практикой) и выполняющим воспроизводственные и регулятивные функции, то и «социальное». Напротив, то, что является редким качеством, противостоящим сложившимся практикам и представляющим для них угрозу, желаемым проектом изменений, либо согласующимся с общепринятыми практиками, подкрепляющим их, то и «культурное».

При таком подходе исследовательская разработка и направление интерпретации понятия «социокультурного» может исходить из предварительно заданных моделей, например «социокультурной модели наёмного работника рыночного типа». Так, применительно к наёмным работникам большинства современных российских промышленных предприятий в качестве проявлений культурного, соотносимых с либеральными принципами моделей рыночного поведения, можно рассматривать ценности профессионализма, конкурентоспособности на рынке труда, партнёрства в отношениях с руководством и стремление повышать интенсивность и качество труда. Тогда проявлениями социального будут выступать противостоящие им в идеальной модели: лояльность в отношениях с руководством, преданность предприятию, патерналистские отношения и практики использования имеющихся возможностей для сохранения достигнутого результата.

Выделенные проявления культурного являются редкими по степени распространённости среди российских наёмных работников, но весьма желательными для реализации модернизационных проектов, а проявления социального отражают укоренившиеся с советского времени устои, продолжают и сегодня выполнять консервативную функцию сдерживания развития желаемых качеств работника (см. таблицу 5).

Таблица 5

Социокультурная модель наёмного работника рыночного типа: признаки социального и культурного

Социальное	Культурное
Лояльность в отношениях с руководством	Ценности профессионализма
Преданность предприятию	Конкурентоспособность на рынке труда

То, что является наиболее распространённым, ставшим данностью для большинства (устойчивой практикой) и выполняющим воспроизводственные и регулятивные функции, то и «социальное». Напротив, то, что является редким качеством, противостоящим сложившимся практикам и представляющим для них угрозу, желаемым проектом изменений, либо согласующимся с общепринятыми практиками, подкрепляющим их, то и «культурное».

Продолжение таблицы 5

Социальное	Культурное
Ориентации на патерналистские отношения	Ориентации на партнерство в отношениях с руководством
Сохранение достигнутого результата	Стремление повышать интенсивность и качество труда

Предполагается, что операциональные конструкты диагностики заданных качеств на уровне отдельного промышленного предприятия с учётом российской социокультурной специфики трудовых отношений должны учитывать корректирующую роль «отношенческого» фактора, а не только ценностные ориентации, оценки производственной ситуации и элементы трудового поведения работника. Под «отношенческим» фактором понимаются всевозможные формы трудовых взаимоотношений работников с их непосредственными руководителями в повседневной трудовой деятельности, как правило, неформальные, которые могут оказывать и оказывают возмущающее влияние на происходившие в прошлом и проектируемые в настоящем линии модернизации.

Так, в результате анализа данных исследований на двух машиностроительных предприятиях¹ было выявлено, что по номинальным индикаторам (не отражающим признаки динамики под влиянием той или иной проектируемой ситуации) рыночные принципы нового для России, культурно значимого, представлены паритетно старыми, сохранившимися с советского времени, устоявшимися социально значимыми характеристиками трудового поведения. В проективных ситуациях, прежде всего, раскрывающих роль отношенческих факторов взаимодействия с руководством, все тестируемые культурно значимые рыночные принципы, показали свою «податливость» социальным и привычным практикам, прежде всего, определяющей роли администрирования и патернализма.

Подводя итоги

Выявленные подходы к интерпретации понятия «социокультурное» показали, что его применение может быть не только указанием на роль нематериальных факторов при объяснении разного рода социальных процессов и феноменов, но и аналитической переменной, раскрывающей особенности соотношения социальной и культурной компонент в том или

¹ Исследования проводились в 2007 г. в г. Электросталь (объём выборки 500 человек – 355 рабочих и 145 инженеров) и в 2008 г. в г. Очер Пермской области (объём выборки 149 человек) – под руководством автора в рамках академической программы ИС РАН.

инном пространственном и временном контексте. В качестве эффективного инструмента для формирования альтернатив и объяснения социальной реальности может быть использован метод дуальных оппозиций, применимый как на макро-, так и на микроуровнях познания.

Показано, что с позиций социологического видения, нацеленного на доведение интерпретации до операциональных определений, не все стороны социального и культурного, участвующие в процессе образования качеств социокультурного, могут быть взяты для разработки инструментария, а только те из них, которые окажутся уловимыми и измеряемыми в конкретных социологических исследованиях. Поэтому из всего многообразия внешних и внутренних аспектов культуры таковыми, прежде всего, являются упорядоченные внутренние аспекты (смыслы, ценности, позиции, убеждения), а из социального – регуляторы, ориентированные преимущественно на личность, её взаимодействия и отношения с другими и поддающиеся определённой коррекции со стороны личности (социальные отношения).

Подчёркивается, что за социальным и культурным нет раз и навсегда заданной области реальных проявлений. Под влиянием времени, конкретной ситуации то, что вчера было социальным, сегодня может оказаться культурным. В качестве одного из решающих факторов отнесения к социальному может рассматриваться закрепившийся в данном сообществе в определённый момент времени социальный факт, выполняющий воспроизводственные и регулятивные функции по отношению к большинству, идентифицирующему себя с этим сообществом; а культурного – все формы противостояния сложившимся практикам и образцам поведения, представляющие для них угрозу, являющиеся желаемым проектом изменений, либо согласующиеся с общепринятыми практиками, подкрепляющие их, характерные, как правило, для меньшинства из данного сообщества.

Библиографический список

1. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Изд-во Политической литературы, 1992.
2. Богданов А. Л., Провоторов В. А. Кинотеатр как социокультурный полигон досуга // Социологические исследования. 1995. № 3.
3. Карпухин О. И. Самооценки молодёжи как индикатор её социокультурной идентификации // Социологические исследования. 1998. № 12.

4. Рыбакова М. В. Социокультурные аспекты изучения адаптации к климатическим изменениям. 2010 // Социологические исследования. № 5.
5. Шабает Ю. П., Садохин А. П., Шилов Н. В. Этнонациональные движения в новой социокультурной реальности // Социологические исследования. 2009. № 10.
6. Тощенко Ж. Т. К читателю // Социологические исследования. 2011. № 1.
7. Бызов Л. Г. Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // Мир России. 2002. № 1.
8. Сарно А. А. Поддержка и регулирование мотивационных процессов в сфере трудовых отношений. СПб., 1997.
9. Общая социология. Учебное пособие. Под общей ред. А. Г. Эфендиева. М.: ИНФРА-М, 2004.
10. Колесин И. Д. Подходы к изучению социокультурных процессов // Социологические исследования. 1999. № 1.
11. Табатадзе И. А. Социокультурные аспекты туристической деятельности // Доклады Второму Всероссийскому конгрессу. Т. 1. М., 2004.
12. Гофман А. Б. Социальное – культурное – культурное. Историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» // Социологический ежегодник 2010. Сборник научных трудов. – М.: ИНИОН РАН; НИУ–ВШЭ, 2010.
13. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
14. Зарубина Н. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1998.
15. Зарубина Н. Н. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности. 2005. № 7.
16. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного Института, 2000.
17. Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002.
18. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7.
19. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997.

20. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. Теория и методология. Словарь. – Новосибирск, 1998.
21. Чубарьян А. О. Современные тенденции социальной истории // Социальная история. Ежегодник. М., 1997.
22. Захаров Н. Л. Социокультурные и профессиональные регуляторы поведения российского чиновника // Социологические исследования. 2004 № 3.
23. Железнякова С. И. Социокультурные ориентации учителей // Социологические исследования. 2001. № 4.
24. Орешкин Д. Б. Надо выйти из социокультурного чума. Электронное издание. 2010. URL: http://www.ryzkov.ru/print_new.php?id=10543 (2.12.2011).
25. Базовые ценности россиян: социальные установки, жизненные стратегии, символы, мифы / Отв. ред. Рябов А. В., Курбангалеева Е. Ш. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
26. Левченко И. Е. Цензура как социокультурный феномен // Социологические исследования. 1996. № 8.
27. Кравченко А. И. «Классики социологии менеджмента». СПб.: РХГИ, 1998.
28. Тощенко Ж. Т. Антиномия – новая характеристика общественного сознания в современной России // Социологические исследования. 2010. № 12.
29. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Студент 90-х: социокультурная динамика // Социологические исследования. 2000. № 12.
30. Цукерман В. С. Социокультурные предпочтения в Челябинской области // Социологические исследования. 1997. № 10.
31. Коробков Ю. Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Изд-во «Слово», 2003.
32. Артемов В. М. Социально-культурная ориентация правоохранительных органов // Социологические исследования. 2000. № 1.
33. Сиволапов А. В. К новой модели обучения: социокультурный подход // Социологические исследования 1994. № 3.
34. Тюгашев Е. А. Социокультурный подход в преподавании социологии: жанр этюда // Социологические исследования. 1997. № 5.
35. Яковенко И. Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М.: Прогресс-Традиция, 2006.

36. Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Фонд «Общественное мнение», 2008.
37. Кара-Мурза С. Г. Государственный патернализм – цивилизационное измерение. URL: <http://www.orossii.ru/content/view/170>.
38. Попова И. М. «Социальность» как основание социологической интерпретации // Социология: теория, методы, маркетинг. 2002. № 4.
39. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001.
40. Оборонные предприятия России: 1995-2001 гг. М., 2002.
41. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
42. Темницкий А. Л. Дилеммы индивидуализма – коллективизма и патернализма – партнёрства в сфере трудовых отношений // Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ). Под ред. Р. М. Нуреева. М., 2000.
43. Темницкий А. Л. Советские и постсоветские ориентации рабочих в трудовом поведении в 1990-е годы // Общество и социология: новые реалии и новые идеи. Труды Первого Всероссийского социологического конгресса. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2002.
44. Темницкий А. Л. Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социологические исследования. 2004. № 6.
45. Темницкий А. Л. Традиции и инновации в трудовой культуре российских рабочих // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. Под ред. А. Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008.
46. Темницкий А. Л. Социокультурные проявления и прорывы традиции патернализма в трудовой среде рабочих России // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы. Материалы V Международной конференции. Отв. ред., сост. А. М. Белов. В 2-х ч. – Кострома, КГУ им. Н. А. Некрасова. 2010. Ч. I.

Социология села

Институциональная динамика российского села: историко-социологический взгляд

Жвитиашвили Анатолий Шалвович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела социальной структуры ИС РАН

E-mail: zhvitiashvili-a@mail.ru

Институциональная динамика российского села: историко-социологический взгляд¹

Аннотация

В статье рассматривается эволюция основных российских аграрных институтов, их влияние на процессы социальной стратификации на российском селе. Институциональная динамика носит циклический характер. Она отмечена противоборством коллективистских и частных форм собственности.

Abstract

The article analyzes changing trends in the main Russian agrarian institutions and their influence on social stratification in rural area. Institutional change is portrayed as a cyclical phenomenon characterized by a perennial struggle between collectivistic and private forms of ownership.

Ключевые слова: институты, социальная стратификация, сельская община, крестьянское хозяйство, государство, ценности

Keywords: institutions, social stratification, rural community, rustic holding, state, values

Цель работы состоит в том, чтобы показать процессы социальной стратификации на селе через призму институциональных изменений в аграрной сфере. Решение этой исследовательской задачи совмещает исторический и институциональный подходы к анализу заявленной темы. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, «институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт» [1, с. 92]. С позиций новой институциональной теории Д. Норта, «институты являются правилами игры в обществе или... изобретёнными человеком

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта РГНФ «Российское село: социально-структурные процессы», № проекта 10-03-00188а.

ограничениями, формирующими межчеловеческие взаимодействия» [2, с. 5]. Жизнедеятельность российского села – это и исторически сформировавшиеся институты, и совокупность процессов, изменяющих его социальный облик.

По словам А. Аузана, «самодержавие и крепостничество – несущие конструкции нашей институциональной системы» [3, с. 57]. В этой диаде определяющей институциональной конструкцией является государство. Его специфику описал В. Ключевский. Разъясняя суть идеи «народного русского государства», он писал: «...Эта идея, ...отрицавшая вотчину, выражалась в прежней вотчинной схеме, заставлявшей мыслить государя... не как верховного правителя русского народа, а только как наследственного хозяина, территориального владельца Русской земли... Государство понимали не как союз народный, управляемый верховной властью, а как государево хозяйство, в состав которого входили... и классы населения, обитавшего на территории государевой вотчины. Поэтому народное благо, цель государства, подчинялось династическому интересу хозяина земли и самый закон носил характер хозяйственного распоряжения, исходившего из... кремлевской усадьбы и устанавливающего... всего чаще – порядок отбывания государственных повинностей обывателями» [4, с. 16]. Именно государство стало инициатором закрепощения некогда вольных сословий (от дружинников до землепашцев), связав право на получение земли со службой царю. Институт крестьянского хозяйства также вошел в исходную институциональную матрицу русского аграрного сообщества. Как отмечает И. Ильин, «“вольно-вольное” землепашество... привело, в конечном счёте, к образованию Российского государства» [5, с. 46]. Государство и крестьянское хозяйство образуют первичные институты русской аграрной экономики. При этом крестьянство соглашалось с законностью принадлежности земли государству (см.: [6, с. 81]). В эпоху русского самодержавного социального порядка структура основных акторов в системе аграрных отношений включала в себя кроме государства и крестьянского хозяйства сельскую общину и поместье (см.: [6, с. 76–77]). Если по вопросу о том, когда возник институт поместья как частной формы собственности на землю, у учёных нет острых разногласий, то в отношении генезиса института сельской общины они не выработали единого мнения. Одни считают, что община «возникла в результате возрождения древнейших форм экономических отношений», является «позднейшим ответом древних форм жизни на возникшую ограниченность земельных ресурсов», другие полагают, что община есть «совершенно новый продукт самостоятельного процесса» [7, с. 279; 8, с. 80–81]. В русской общественной мысли XIX в. первую точку зрения представлял А. Герцен, вторую – Б. Чичерин (см.: [9]).

Община характеризовалась такими признаками, как обязательная уравнительность и передел наделов; сословный характер общины; круговая порука; прикрепление крестьян к земле; запрет на выход крестьян из общины и подчинение интересов отдельного крестьянина интересам общины (см.: [6, с. 78]). Приватизация помещного хозяйства обнаружила кризис служилого государства, вызванный изменениями в социальной структуре общества: превращением дворянства из служилого сословия во владетельный класс. Изменения, инициировавшие переход от моноцентрического типа социальной стратификации к плюралистической модели социальной дифференциации, начались с Петра III и Екатерины II и были легитимированы философией Просвещения. Она заменяла магические представления о земле секулярным, утилитарным подходом в сфере аграрного управления. В соответствии с этим подходом центральное место в помещичьей идеологии заняла идея «повышения доходов», где «собственный интерес помещика... побуждает его заботиться о благосостоянии своих крестьян» [6, с. 83; 8, с. 187]. Появление же общины стало реакцией властей на сопротивление крестьянства усилению крепостной зависимости. Поместное хозяйство как частное хозяйство и община как коллективный и принудительно-закрытый тип социальной организации образуют вторичный слой русской аграрной институциональной системы.

Подчеркнём, что вторичность этих институтов здесь вовсе не означает их второстепенность. Для поземельного строя общины были свойственны не только общинное владение землей, обязательная уравнительность наделов, сословность, круговая порука, распределение земли в принудительном порядке в соответствии с рабочими и податными возможностями крестьян (см.: [6, с. 78]). Крестьянская община, по словам Т. Шанина, функционировала «в качестве основной ячейки самоидентификации» и выполняла функцию рынка труда, но рынка докапиталистического типа [10, с. 276]. Наём работника производится «без... формальной оценки результатов его деятельности. Широкое распространение имеет наём людей по знакомству или благодаря родственным связям» [11, с. 101]. Несмотря на царившую в общине уравнительность, в ней тоже имело место социальное расслоение на зажиточных крестьян, середняков и бедняков. Зажиточные крестьяне «нередко прибегали к найму ... батраков из бедных семей» [11, с. 101].

Для взаимоотношений институтов государства, крестьянского хозяйства, сельской общины, помещного землевладения характерна сложная историческая динамика. Она выражалась в длительном процессе закрепощения крестьян и превращения верхнего сословия из служилого во владетельное и праздное сословие. Сначала крестьянин был свободным землепашцем, выходил из сельского общества и даже

из крестьянства (см.: [6, с. 78]). А помещная земля представляла собой участок казённой земли, отданной в личное владение служилому человеку в качестве вознаграждения за службу государю (см.: [6, с. 78]). «В этом служении и только в нём – отмечает В. Ефимов – русские крестьяне видели правомерность помещичьего землевладения» [6, с. 81]. Подчеркнём, что в условиях служилого государства помещичье землевладение представляло собой не частную собственность, а условное владение – институт, свойственный этакратическим системам. По словам В. Ключевского, «классы... не были устойчивыми... и... обязательными состояниями. Лица могли переходить из одного класса или чина в другой, свободные по своей или государевой воле... служилый человек мог торговать в городе, крестьянин – ...заниматься городским промыслом» [4, с. 155]. Переход от условного владения к частной собственности был тяжёлым социально-структурным процессом. Соборное уложение 1649 г., принятое при царе Алексее Михайловиче, и Жалованная грамота дворянству времен Екатерины II (конец XVIII в.) обозначили исторические рамки, в которых шли процессы закрепощения крестьянского сословия и приватизации помещного хозяйства. Оба эти процесса «породили утрату легитимности русского аграрного строя помещного землевладения в глазах крестьянства» [6, с. 82].

Таким образом, исходная институциональная матрица, обеспечивавшая согласие и, стало быть, равновесие сторон в системе аграрных отношений, т. е. принцип принадлежности земли государству, что позволяло крестьянам считать землю ничьей, была разрушена. Это определило протестные настроения крестьянства, выливавшиеся в восстания, бунты и крестьянские войны. В русском самодержавном социальном порядке возникли дисфункциональные последствия, угрожавшие его существованию.

Государство пыталось снять возникшее социальное напряжение между ним и крестьянством сначала политическими средствами. Силовые меры не решали сути аграрной проблемы, нависавшей над Россией, словно дамоклов меч. В 1861 г. правительство впервые (не считая закона о хлебопашцах времен императора Александра I, освободившего от крепостной зависимости 0,5% крестьян, и попыток императора Николая I освободить крестьян) обратилось к экономическим методам решения аграрного вопроса. Но, судя по реакции крестьян, которые «враждебно встретили реформу», и социальным последствиям отмены крепостного права, реформа 1861 г. только снизила функциональность самодержавного социального порядка (см.: [6, с. 84]). Земли, отведённые крестьянам после отмены крепостной зависимости, не были их собственностью, а находились «как бы в залоге у государства» [12, с. 92]. Крестьяне должны были ежегодно в течение 49 лет выплачивать в казну

«выкупные платежи». В 1881 г. правительство уменьшило на четверть причитающуюся ему сумму, а в 1907 г. оно вообще отменило выкупные платежи и аннулировало недоимки (см.: [13, с. 229]). При императоре Александре III, которого называли крестьянским царём, был учреждён Крестьянский банк, выдававший крестьянам ссуды для покупки земли. И всё же принятые меры не вели к росту экономической независимости крестьян и их благосостояния.

Здесь сказалось действие ряда факторов. Традиция поземельного прикрепления крестьян, передача государством крестьянской земли в собственность сельских обществ только укрепляли роль крестьянской общины, которая «вдобавок к своим традиционным полномочиям (...праву перекраивать земельные наделы) приобрела часть власти, прежде принадлежавшей помещику» [13, с. 227–228]. Отмена крепостничества сама по себе ещё не означала роста производительности труда. Основная часть земельной собственности стекалась в сельскую общину, где практиковались традиционные, а не инновационные формы трудовой деятельности. Кроме того, использование принудительного труда может быть экономически обоснованным и не всегда превращаться, говоря словами К. Маркса, в «оковы» развития производительных сил. Известный русский экономист, философ и общественный деятель П. Струве пришёл в 1898 г. к выводу о том, что крепостничество накануне своей отмены в 1861 г. достигло «высшей точки экономической эффективности» [14]. При этом в 1850-е гг. товарное земледелие в европейской части России составляло 18% (см.: [15, с. 46]). Освобождение крестьян не привело и к росту их потребления хлеба. Возможность экспорта зерна находила объяснение в девизе, выраженном в словах министра финансов при Александре III И. Вышнеградского «Не доедим, но вывезем» [16, с. 46]. Недоедание было спутником ухудшения материального положения крестьянина в пореформенной России (см.: [8, с. 287]). Оно проявилось и в сокращении размеров крестьянских наделов, «малоземелье». В 1860-е гг. приходилось 4,8 десятины на душу, в 1880-е гг. надел уменьшился до 3,5 десятины, а в 1900 г. он составлял всего лишь 2,6 десятины (см.: [8, с. 287]). В 1900 г. крестьянин стал беднее даже по сравнению с 1800 г. (см.: [13, с. 228]). Всё это заставляло крестьянина держаться общины. Сами крестьяне говорили: «Если нарушить общину, нам и милостыню не у кого попросить будет» [10, с. 313]. В результате выше указанных причин сельская община становилась влиятельной силой.

К началу XX в. крестьянство владело свыше 80% земли и арендовало часть остальных земель (см.: [17]). В отличие от западноевропейских крестьян, которые были частными собственниками, русский крестьянин был коллективным владельцем. Хотя земля была дана ему в постоянное пользование, её хозяином крестьянин считал себя, а не помещика.

К началу XX в. крестьянство владело свыше 80% земли. В отличие от западноевропейских крестьян, которые были частными собственниками, русский крестьянин был коллективным владельцем.

В период революции 1905-1907 гг., как отмечает Т. Шанин, «русские крестьяне в основном следовали своим собственным склонностям, а не убеждениям радикальной интеллигенции или пролетариата» [10, с. 273–274].

Начатые в период революции 1905-1907 гг. реформы П. Столыпина стали признанием экономической и «политической опасности» крестьянской общины (см.: [10, с. 279]). Правительство пыталось её расколоть, создав слой сельских собственников, верных самодержавию, и тем самым сокрушить могущество крестьянской корпорации.

Во времена столыпинской реформы в России впервые на массовом уровне столкнулись две идеологии – частного собственника земли и корпоративной солидарности общинных крестьян, – выявив дихотомный характер российского аграрного социума.

Столыпинская аграрная реформа встретила ожесточенное сопротивление со стороны общинного крестьянства. Только в немногих случаях община разрешала выход из неё или сельский сход разрешал приватизацию земли (см.: [10, с. 313]). К началу 1916 г. из общины выделились около 2 млн домохозяйств или примерно 21% общинного крестьянства (см.: [16, с. 43–44]). За годы реформы были созданы около 200 тыс. хуторов и 163 млн отрубков, которыми владели приблизительно 10% крестьянских хозяйств, т. е. менее половины всех вышедших из общины крестьян (см.: [16, с. 44]).

П. Столыпину не удалось разрушить крестьянскую общину и создать массовый слой сельских частных собственников. Вместо этого царское правительство получило открыто антагонистическую силу, свергнувшую его.

Крестьянско-общинный характер русской революции был предсказан ещё К. Марксом, внимательно следившим за социально-экономическими процессами в России. За несколько десятилетий до Октябрьской революции 1917 г. он писал: «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция» [18, с. 410]. Октябрьская революция стала таким «спасением» для русской сельской общины. Ленинский Декрет о земле по своей идеологической направленности был не большевистским, а эсеровским.

«Период между Октябрьской революцией и коллективизацией, – отмечает В. Ефимов, – является совершенно особенным в эволюции русской аграрной институциональной системы. Октябрьская революция дала русским крестьянам то, что они требовали в течение веков» [6, с. 89]. К 1927 г. крестьянская община охватывала 95,5% крестьянских земель (см.: [6, с. 89]). К 1920 г. бедняцко-батрацкая группа русского крестьянства составляла 30–35% крестьян, середняки – 55–66%, а группа кулацких хозяйств – чуть больше 3% (см.: [16, с. 45]). Большевистская революция сделала серед-

Во времена столыпинской реформы в России столкнулись две идеологии – частного собственника земли и корпоративной солидарности общинных крестьян, – выявив дихотомный характер российского аграрного социума.

няка, а не бедняка или, по выражению В. Ленина, «полупролетариат», господствующим социальным слоем в аграрном секторе. Средняк был амбивалентной социальной фигурой: он имел своё хозяйство, но не прибегал к найму рабочей силы. Ориентация середняка не на рынок, а на собственное потребление обуславливалась его приверженностью традиционным действиям в смысле Вебера. Преобладание середняка, олицетворявшего не рыночное, а натуральное хозяйство, сдерживало процессы социального расслоения в деревне.

Однако социальные результаты революции в деревне противоречили исходным идеологическим устремлениям большевиков. Идеология большевизма совмещала идеи пролетарского социализма, включающего идею полного обобществления, в том числе крестьянской экономики, и технократизма. Вслед за Марксом большевики полагали, что крестьянство – уходящий с авансцены истории социальный класс.

Идеология большевизма была идеологией глобализма, идеология крестьянского мира была идеологией локализма.

Идеология большевизма предусматривала не только социальное, но и научно-техническое преобразование общества. Идеология общины удерживала крестьян в рамках традиционного образа жизни.

Рано или поздно две идеологии должны были вступить в непримиримую борьбу. Она, как и в период самодержавия, вновь разразилась между государством и общиной. Первый раунд этой борьбы выиграла крестьянская община. Во втором раунде ей было суждено проиграть.

Это произошло в период индустриализации и коллективизации, которые являются двумя сторонами одного и того же социально-экономического процесса. Программа модернизации (индустриализации) страны, спрос на сырьё и рабочую силу для развития промышленности, рост городского населения, возрастающая потребность в зерне для производства хлеба и в других продуктах питания для города требовали перестройки сельского хозяйства, в котором преобладали середняцкие крестьянские хозяйства. Они были небольшими и технически слабо оснащёнными, так как работали на собственное потребление, а не на рынок (см.: [6, с. 90–91; 19, с. 397]). Индивидуальные хозяйства крестьян и община, будучи продуктом традиционного общества, не были рассчитаны на функционирование в условиях формировавшейся индустриально-урбанистической цивилизации. Смена целей правящей элиты predetermined иная статус общины и крестьянских хозяйств. Октябрьская революция не только сохранила, но и усилила оба института с их нетоварным производством, тогда как в период индустриализации-коллективизации они превратились в помеху дальнейшего развития. Другими словами, в зависимости от целеполагания тот или иной институт может играть функ-

Идеология большевизма была идеологией глобализма, идеология крестьянского мира была идеологией локализма.

циональную или дисфункциональную роль. Если в первом случае деятельность общины и имманентное ей традиционное действие в смысле Вебера имели функциональные последствия, то во втором случае вызванные ими последствия носили дисфункциональный характер.

Процесс коллективизации показал двойственное отношение крестьян к предлагавшейся им советским государством программе перестройки сельского хозяйства. С одной стороны, крестьяне приняли колхозно-совхозную систему, в которой они видели немало общих черт с традиционным строем аграрных отношений. С другой – они отчаянно сопротивлялись попыткам обобществления всех элементов крестьянских хозяйств (см.: [6, с. 91]). Опасаясь утраты советской властью контроля над деревней, И. Сталин опубликовал в 1930 г. «Головокружение от успехов», где осуждались нарушение принципа добровольности при организации колхозов и «чиновничье декретирование колхозного движения». В течение месяца после выхода этой публикации колхозы покинули около 5 млн человек (см.: [19, с. 411]). Сопротивление коллективизации оказывали не только зажиточные крестьяне (кулаки), но и многие середняки (см.: [19, с. 397–398]). Коллективизация в Советском Союзе в чём-то сопоставима с огораживанием в Англии. В обоих случаях разрушение социальной структуры традиционного общества начиналось с устранения крестьянства как основной производительной силы. В обоих случаях отъём земли у крестьян осуществлялся сверху (землевладельцами в Англии и государством в СССР). В обоих случаях применялись силовые методы решения аграрного вопроса.

В обществах начинающейся индустриализации крестьянство не случайно становится жертвой промышленного переворота. Но эта закономерность воплощается по-разному. Огораживание и коллективизация задали разный вектор социального развития. Огораживание привело к образованию свободной рабочей силы, открыв путь к появлению более производительной экономической системы (капитализма), а коллективизация породила новую систему закрепощения крестьян. Как и крепостным, обладавшим статусом поземельно прикрепленных работников, колхозникам запрещалось покидать колхозы.

Политика коллективизации стала определённым компромиссом между идеологией государства, строившейся на принципе полной социализации всех средств производства, и традиционными устоями крестьянского хозяйства. Итогом этого компромисса было появление колхозного строя. Отказавшись от пролетаризации крестьянства, ленинской идеи «товариществ рабочих», И. Сталин остановился на модели «колхоз-артель» (см.: [6, с. 88, 91]). В рамках этой модели

обобществлению подлежали только полевые наделы крестьян, приусадебные участки оставались в пользовании крестьян, а в их собственности находились жилые постройки, скот и птица (см.: [6, с. 91–92]). Под видом личных подсобных хозяйств (ЛПХ) скрывался всё тот же институт крестьянского хозяйства – традиционный институт русской аграрной институциональной системы. Однако в конце своего правления Сталин вынашивал идею упразднить кооперативно-колхозную собственность и превратить её в общенародную (см.: [20, с. 119]).

Компромиссный характер советской аграрной системы ставит вопрос о правомерности отождествления колхоза и крестьянской общины. Среди исследователей нет единодушия в этом вопросе. И. Буздалов называет колхоз «советской разновидностью» общины [21, с. 148]. А. Ахиезер писал, что «природа общины и природа колхоза тождественны» [8, с. 507]. Он исходил из принудительного характера производственного цикла в общине, подчинения общинника решениям большинства. «Общинник, – подчеркивал Ахиезер, – скорее арендатор, чем хозяин» [8, с. 508]. Традиция вмешательства в хозяйственную жизнь рядового крестьянина со стороны общины, государства и помещика была унаследована колхозами. Только субъектом вмешательства в хозяйственную жизнь колхозника вместо общины и помещиков был первый секретарь райкома компартии, «объединивший в себе функции и наместника центральной власти, и управляющего государственным районным предприятием» [6, с. 93]. Полагая, что колхоз, с одной стороны, унаследовал черты института поместья, с другой – выполнял функции общины (координация пользования общественными сенокосами и пастбищами), В. Ефимов склоняется к выводу о том, что колхоз «является прямым институциональным преемником русской сельской общины» [6, с. 93]. В. Данилов считает, что крестьянская община прекратила своё существование ещё во времена коллективизации в начале 1930-х гг., а вместе с ней исчезло мелкое крестьянское хозяйство (см.: [6, с. 93]).

При сравнении колхоза и общины следует учитывать конкретный социально-исторический контекст, в котором они функционировали. Колхозы были инкорпорированы в плановую систему экономики, их деятельность регулировалась плановыми заданиями, спущенными сверху государством, т. е. они действовали в условиях жёсткого централизованного руководства сельским хозяйством (см.: [20, с. 117]). Встроенность колхозов в систему государственного управления экономикой привела к тому, что начиная с 1960-х гг. разница между колхозами и совхозами практически исчезла (см.: [6, с. 93]). Община такой степени государственного вмешательства не знала, так как была наделена большей автономией от государства. Следует также иметь в виду, что колхоз лишён одной из важнейших

функций общины – функции перераспределения земельных наделов. К тому же председатель колхоза лишь формально избирался на общем собрании, а на деле назначался райкомом партии и исполкомом местного Совета (см.: [19, с. 399]). В отличие от председателя колхоза староста в общине был не назначенным, а выбранным руководителем.

Кроме того, в отличие от общины колхозы со временем стали частью уже не аграрного, а индустриально-урбанистического общества. Тогда многие крестьяне потянулись в города в поисках более комфортабельной жизни, тем самым порывая со своими исконными ценностями, основанными на тяге к земле. В 1961 г. численность городского населения впервые превысила численность сельского населения, составив 51% против 49% (см.: [22]). В 1964 г. это соотношение составляло 53% против 47% в пользу городского населения, а в 1986 г. городское население составило уже 65% (см.: [22; 23, с. 117]). Крестьянство, некогда представлявшее подавляющее большинство населения страны (в 1926 г. оно насчитывало 82% населения страны), превратилось в советский период своего развития в социальное меньшинство (см.: [8, с. 505]).

Отношение к нему со стороны правящей элиты начало меняться после Сталина. Во времена Н. Хрущева к крестьянам уже не относились как к враждебной массе (см.: [6, с. 94]). В 1950-е гг. налоги на индивидуальные хозяйства крестьян были уменьшены вдвое, а все долги по прежним выплатам списаны (см.: [19, с. 400–401]). Однако при Хрущеве произошло сокращение числа колхозов и рост числа совхозов – государственных предприятий, а самые маломощные колхозы были объединены и преобразованы в совхозы (см.: [19, с. 401]). В этих процессах слышался отзвук идеи Сталина превратить колхозы в общенародную собственность. Хрущев не отказался и от идеи ликвидации ЛПХ (см.: [6, с. 96]). Если при И. Сталине и Н. Хрущеве институты крестьянской экономики всё ещё не обладали полной легитимностью в представлении правящей элиты, которая стремилась превратить колхозы в общенародную собственность и ликвидировать личные подсобные хозяйства, то при Л. Брежневем происходит легитимация институтов крестьянского уклада. Так, ЛПХ партийно-государственным руководством страны перестало рассматриваться как нечто такое, чему суждено исчезнуть в ближайшей перспективе (см.: [6, с. 97]). На это было несколько причин. С крестьянскими хозяйствами заставляла считаться их экономическая весомость: на долю ЛПХ приходилось $\frac{1}{2}$ молока и мяса, более 50% картофеля и плодов (см.: [24, с. 3]). Ликвидация индивидуальных хозяйств в обстановке дефицита продуктов питания только обострила бы продовольственную проблему в стране и вызвала бы социальное напряжение, которое высшее партийное руководство, на-

пуганное беспорядками в Новочеркасске в 1962 г., не могло допустить. Кроме того, с начала 1960-х гг. СССР впервые превратился в импортёра зерна и с тех пор уже не смог освободиться от зависимости от зернового импорта.

Во времена С. Горбачёва колхозы и совхозы получили право на свободную продажу своей продукции, оставшейся после выполнения обязательных поставок государству (см.: [6, с. 98]). Тем самым был открыт доступ к формированию свободного рынка сельскохозяйственной продукции, которое сдерживалось продажей государству сельхозпродукции по фиксированным (заниженным) ценам и культурой самопотребления самих крестьян. Кроме того, советское руководство разрешило деятельность частных сельскохозяйственных предприятий в виде кооперативов (см.: [6, с. 99]). Так, впервые со времен столыпинской аграрной реформы существованию коллективных начал в русской аграрной институциональной системе был брошен вызов частными сельскими собственниками. Эту тенденцию продолжили аграрные реформы 1990-х гг., ставшие частью перехода от советского строя к постсоветской системе. В ходе аграрных преобразований многие колхозы и совхозы реорганизовывались в кооперативные, акционерные и другие формы сельскохозяйственных предприятий. Однако, по словам В. Ефимова, «юридически формально преобразовавшись из колхозов и совхозов в кооперативы, акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью, сельхозпредприятия мало изменились с институциональной точки зрения, т. е. правил своего функционирования» [6, с. 103]. По мнению российского исследователя, перспективы развития крестьянских фермерских хозяйств (КФХ), появившихся на гребне аграрных реформ, не стоит переоценивать. Во второй половине первого десятилетия 2000-х гг. доля КФХ в сельскохозяйственном производстве составила всего лишь 6,5%, тогда как доли сельскохозяйственных предприятий и ЛПХ, – соответственно, 41,2% и 52,3% (см.: [6, с. 113]). Я. Рощина и А. Сухова показывают очевидный рост доли фермерских хозяйств в структуре производства сельхозпродукции: если в 1992 г. продукция фермерских хозяйств составляла 1,1%, то в 2007 г. – 7% (см.: [24, с. 4]). Однако доля фермерских хозяйств в производстве продукции сельского хозяйства продолжает существенно отставать от доли хозяйств населения, на которые в 2007 г. приходилось 90% картофеля, 78% овощей, 86% плодов и ягод (см.: [24, с. 4]). Позиции хозяйств населения не подорвали даже более низкие темпы роста сельхозугодий ЛПХ. За период с 1992 по 2006 гг. площадь личных подсобных хозяйств увеличилась с 6,4 млн га до 8,1 млн га, тогда как сельскохозяйственные угодья фермерских хозяйств за тот же период выросли с 6,5 млн га до

21,6 млн га (см.: [24, с. 4]). В то же время сравнение типов фермерских хозяйств и хозяйств населения показывает более высокую товарность фермерских хозяйств.

В хозяйствах населения различают три категории домохозяйств: 1) население, производящее продукцию и для собственного потребления и на продажу; 2) собственников дач, садов, огородов, производящих продукцию в основном для своего потребления и 3) дачников, садоводов, владельцев коттеджей, либо производящих продукцию для себя, либо вообще не занимающихся агропроизводством (см.: [24, с. 18]).

Фермерское хозяйство образуют четыре типа домохозяйств: 1) крупные фермы-колхозы во главе с представителями бывшей колхозной верхушки, работающие на рынок; 2) средние фермерские хозяйства с высоко товарным производством; 3) семейные фермы с плохо оснащённой сельскохозяйственной техникой; 4) мнимые фермеры с невысокой товарностью (см.: [24, с. 18]).

Налицо парадокс: крупные и средние высокотоварные фермы дают гораздо меньше сельхозпродукции, чем небольшие и менее товарные ЛПХ, которые в соответствии с Федеральным законом № 112-ФЗ от 2003 г. «О личном подсобном хозяйстве» определяются как «форма предпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции» (см.: [24, с. 10]).

Не демонстрируют большее преимущество по сравнению с ЛПХ и агрохолдинги – крупномасштабные сельхозпредприятия. Ко второй половине первого десятилетия текущего столетия насчитывалось 413 государственных и муниципальных и 318 негосударственных агрохолдингов. На долю агрохолдингов приходилось 26,5% товарной продукции сельхозорганизаций (см.: [6, с. 111]). Распространение агрохолдингов как крупных частных сельскохозяйственных предприятий кажется не типичным для исконно русской аграрной институциональной системы. Однако Ефимов усматривает в агрохолдингах возврат к частному поместью-вотчине – важнейшему аграрному институту со времен Екатерины II до Октябрьской революции 1917 г. (см.: [6, с. 111]).

Признание некоторой аналогии между двумя аграрными институтами не должно упускать из виду существенные различия между ними. Во-первых, в большинстве случаев, как признает Ефимов, предприятия агрохолдингов арендуют земли у крестьян (см.: [6, с. 111]). Во-вторых, агрохолдинги работают на рынок и прибыль, будучи капиталистическими предприятиями, т. е. в отличие от многих дворянских поместий агрохолдинги являются носителями целерациональных действий в смысле Вебера.

Более скромные результаты развития крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ) Ефимов объясняет историческими причинами, так как КФХ не было места в исходной русской аграрной институциональной системе (см.: [6, с. 114]). Иначе историческое место КФХ характеризовал С. Кузьмин. Он считал, что «пореформенную земельную политику нельзя расценивать иначе, как попытку через мелкоземельное фермерство вернуть крестьянина к его прежнему, “традиционному”, типу» [25, с. 10]. Оба исследователя единодушны в негативной оценке реформ. Отрицательным фактором пореформенного развития аграрного сектора Кузьмин считал резкое сокращение его материально-технической базы по всем показателям – сельхозтехнике, использованию удобрений, наличию энергетических мощностей (см.: [25, с. 10]). По оценке В. Ефимова, реформы 1990-х гг. подорвали сельское хозяйство страны, привели к обвальному падению объёмов производства сельскохозяйственной продукции, его сокращению вдвое (см.: [6, с. 103]). В начале XXI в. производство зерна составило около 20% ниже дореформенного, снижается поголовье коров – с 20,5 млн голов в 1990 г. до 9,4 млн голов в 2006 г., уменьшается производство кормов, растёт импорт молока и мяса, и только по таким продуктам растениеводства, как масличные, сахарная свекла и овощи перекрыт дореформенный уровень (см.: [6, с. 112–113]). Отсутствие широкой социальной базы реформ в деревне Ефимов объясняет устойчивостью традиционных ценностей крестьянства – неприятием купли-продажи земли, т. е. частной собственности на землю. Одним из немногих положительных результатов аграрных преобразований в России исследователи считают формирование многоукладной аграрной экономики. Так, З. Калугина и О. Фадеева подчеркивают, что «многоукладность, а не гипертрофированное развитие какой-либо одной хозяйственной формы, будь то крестьянские (фермерские хозяйства) или крупные агропромышленные холдинги, может обеспечить аграрному сектору России устойчивое развитие» (см.: [26, с. 45]).

Эволюция аграрных институциональных форм в России носит колебательный характер, воспроизводя логику «аграрных циклов», где «векторное движение» предстает «не как направленное в историческое будущее, а как периодически совершающаяся смена поколений» [27, с. 109].

Устойчивость воспроизводства основных аграрных институтов в ходе их исторического развития оказалась неодинаковой. Наиболее прочными институциональными формами зарекомендовали себя государство и крестьянское хозяйство, хотя и они менялись.

Цикл изменений института государства состоял из следующих фаз. Сначала государство из служилого с условным владением верхних страт превратилось в сословное с частной собственностью на землю помещиков и кулаков. Затем последнее трансформировалось в советскую разновидность служилого

Одним из немногих положительных результатов аграрных преобразований в современной России исследователи считают формирование многоукладной аграрной экономики.

Цикл изменений института государства состоял из следующих фаз. Сначала государство из служилого с условным владением верхних страт превратилось в сословное с частной собственностью на землю помещиков и кулаков. Затем последнее трансформировалось в советскую разновидность служилого государства, которая в постсоветский период перешла в государство, напоминающее то, которое существовало накануне большевистской революции.

государства, которая в постсоветский период перешла в государство, напоминающее то, которое существовало накануне большевистской революции. Так, П. Милюков подметил, что русская история XX в. ближе к истории XVII и XVIII вв., чем XIX в. (см.: [28, с. 75]).

Изменение облика другого аграрного института – крестьянского хозяйства – тоже прошло ряд этапов. От вольного землепашества к использованию земельного надела на основе принудительных уравнительных переделов в рамках общинного владения землей, от хуторов и отрубов во времена реформы Столыпина к ЛПХ в советское время и к фермерским хозяйствам и хозяйствам населения в постсоветский период. Итогом этой эволюции стало появление фиксированного крестьянского хозяйства, т. е. такого хозяйства, в котором крестьянин получил в своё распоряжение не отчуждаемую от него (в результате принудительных переделов, конфискаций и прочих мер экспроприации) землю. Однако доминирование традиционных действий над целерациональными в смысле Вебера остаётся характерной чертой крестьянского хозяйства. В условиях российского сельского хозяйства его нерыночные или частично рыночные секторы (хозяйства населения) более производительны, чем высоко товарные фермерские хозяйства, объяснение чему надо искать в специфике ценностей русского крестьянина. Эта специфика ценностных ориентаций сдерживает рост товарности сельхозпроизводства и модернизацию аграрной институциональной системы.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Academia – Центр, Медиум, 1995. – С. 92.
2. North, D. Transaction costs, Institutions, and economic performance. – San Francisco, California: An International Center for Economic Growth Publication, 1992, p. 5.
3. Аузан А. А. «Колея» русской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 54–60.
4. Ключевский В. О. Курс русской истории в 8-и тт. – М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. – С. 16, 155.
5. Ильин И. Е. Аграрная реформа в России на рубеже XX-XXI вв. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2005. – С. 46.
6. Ефимов В. М. Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // Мир России. 2009. № 1. С. 74–116.

Изменение крестьянского хозяйства тоже прошло ряд этапов. От вольного землепашества к использованию земельного надела на основе принудительных уравнительных переделов в рамках общинного владения землей, от хуторов и отрубов во времена реформы Столыпина к ЛПХ в советское время и к фермерским хозяйствам и хозяйствам населения в постсоветский период.

7. Российское село в XXI веке: проблемы и перспективы. Первая Всероссийская конференция по социологии села (ноябрь 2004) /Отв. ред. Хагуров А. А. – М., Краснодар: Институт социологии РАН, Кубанский государственный аграрный университет, Академия социальных наук России, 2004. Вып. III. – С. 279.
8. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. – С. 80–81, 187, 287, 507, 508, 505.
9. Сборник документов и материалов «Сословный характер и хозяйство России в первой половине XIX в.». Глава 4. Крестьянская община и сельское общество. URL: http://ido.tsu.ru/other_res/hischool/soslov/tema4.htm.
10. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. 1917-1922 гг. – М.: Весь мир, 1997. – С. 276, 313, 273–274, 279.
11. Социальная структура российского общества /Отв. ред. Голенкова З. Т. – М.: Летний сад, 2003. – С. 101.
12. Проблемы формирования гражданского общества / Отв. ред. Голенкова З. Т. – М.: Институт социологии РАН, 1993. – С. 92.
13. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Захаров, 2004. – С. 229, 227–228.
14. Русская деревня в пореформенный период. URL: <http://rus-history.ru/russkaya-derevnya-v-poreformen.php>.
15. Супоницкая И. М. Успех и удача: отношение к труду в американском и российском обществе // Вопросы философии. 2003. № 5. – С. 44–56.
16. Медведев А. В. Социальное развитие деревни (1917-1920) и эволюция концепций кооперирования крестьян // Социологические исследования. 1999. № 12. – С. 43–49.
17. Гайдар Е. Т. Особость России. XI-XX вв. Вестник Европы. 2005. № 15.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 410.
19. Голос крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах /Сост. Ковалев Е. М. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 397, 411, 398, 399, 400–401.
20. Денисов Ю. Аграрная политика Н. Хрущева: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1996. № 1. – С. 115–122.

21. Буздалов И. Аграрная теория: концептуальные основы и современные представления // Общество и экономика. 2003. № 2. – С. 146–159.
22. Зеленин И. Е. Характерная страница аграрной истории России (как решалась зерновая проблема при Н. С. Хрущеве). // Куда идёт Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. Под ред. Т. И. Заславской. М.: Логос, 1999. С. 90.
23. Лейн Д. Подъём и упадок государственного социализма. Индустриальное общество и социалистическое государство. – Киев: Институт социологии НАНУ, 2006. – С. 117.
24. Рощина Я. М., Сухова А. С. Типологический анализ поведения российских домохозяйств в сфере частного сельскохозяйственного производства. – М.: Издательский дом ГУ – ВШЭ, 2009. – С. 3, 4, 18, 10, 103.
25. Кузьмин С. А. О трансформации деревенского уклада и судьбах сельскохозяйственного производства в России // Мир России. 2007. № 1. – С. 3–16.
26. Калугина З. И., Фадеева О.П. Новая парадигма сельского развития // Мир России. 2009. № 2. – С. 34–49.
27. Щукин В. Г. «Семейная разладица» или непримиримая распря? Западничество и славянофильство в культурологической перспективе // Вопросы философии. 2003. № 5. – С. 103–123.
28. Медушевский А. Н. Аграрные реформы в России: проекты и реализации // Мир России. 2007. № 1. – С. 59–98.

Социология села

Структура сельского расселения: тенденции и проблемы развития

Хагуров Айтч Аюбович – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра исследований социальной структуры, руководитель сектора социологии села (Краснодар) ИС РАН

E-mail: khagurov@mail.ru

Структура сельского расселения: тенденции и проблемы развития

Аннотация

Автор изучает в динамике распределение сельского населения на территории России, исследует причины его неравномерного расселения, включая влияние климатических условий, урбанизации; а также проблемы местного самоуправления в сельской местности, в том числе его экономические основы.

Abstract

The author studies in dynamics the practices of rural population's distribution on the territory of Russia, examines the reasons of its irregular settlement, including such ones as climatic conditions and urbanization; as well as the problems of the local self-government in rural areas and its economic bases.

Ключевые слова: структура сельского населения, местное самоуправление, урбанизация, климатические условия

Keywords: structure of the rural population, local self-government, urbanization, climatic conditions

Предисловие

В прошлые столетия сельское хозяйство почти везде было ведущей отраслью национальной экономики. В настоящее время в развитых странах оно производит лишь 1–2% ВВП. Тем не менее, в этих странах сельскому хозяйству уделяется усиленное внимание, непропорциональное его экономической доле.

В США объяснение этому обстоятельству мы находим в программе поддержки фермеров, которая ориентирована на фундаментальные вопросы: «как помочь сохранить национальную аграрную традицию, создавая больше сельских экономических возможностей вне зависимости от того, находятся ли они в рамках сельского хозяйства, розничной торговли, туризма или создания новых Internet-компаний». Выступая с речью на востоке Франции в 2009 г. президент

Саркози заявил о решении своего правительства выделить французским фермерам почти полтора млрд евро. При этом он отметил, что это «исключительная» мера. Оговорка не случайная: Франция получает около 10 млрд евро в год на поддержку фермеров из фондов Евросоюза в рамках Единой сельскохозяйственной политики. Обращает на себя внимание мотивация французского руководителя. Он заявил, что не позволит, чтобы сельское хозяйство было разрушено в результате кризиса, ибо оно – составная часть французской идентичности.

Подобное требование в той или иной форме мы встречаем в аграрных программах почти всех стран мира и нигде оно не является проявлением косности и консерватизма. В нем отражено понимание того, что село – важнейшая подсистема социальной жизни, а также проявляется забота о сохранении социокультурных основ общества. Для того чтобы воздать селу должное, надо соблюдать паритет интересов селян и остальных социальных слоев и групп. Нарушение его ведет к дисгармонии всего общества. Например, если не помогать селу в воспроизводстве и сохранении его человеческого капитала, то под угрозой окажется всё национальное сельскохозяйственное производство с вытекающими отсюда последствиями.

В самых экономически развитых странах, например США, сельское хозяйство дотируется в таком образом, что оно в большей степени становится бюджетной отраслью, чем рыночной. В России, с её климатическими особенностями, в ещё большей мере требуется бюджетная поддержка села и сельского хозяйства.

Таблица 1

Затраты на сельскохозяйственное производство по странам

Страна	Долларов на 1 га в среднем за 2000-2003 гг.	% от максимальной суммы, т. е. от затрат Японии
Япония	473	100
США	324	68,5
Евросоюз	298	63
Россия	10	2,1

Россия в предстоящие 2008-2012 гг. значительно увеличит свой показатель поддержки сельского хозяйства: предполагается за это время потратить 560 млрд руб., что в три раза больше, чем в предыдущее пятилетие.

Новая аграрная политика России (НАП), представленная в Государственной программе «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 годы», в первую очередь, предусматривает устойчивое развитие сельских территорий, другими словами, решение социальных проблем села. В связи с этим у социологии села появляется возмож-

Новая аграрная политика России, в первую очередь, предусматривает устойчивое развитие сельских территорий, другими словами, решение социальных проблем села.

ность изучать не только системный кризис (чем она вынуждена была заниматься все 90-е гг. XX в.), но и отслеживать пути и способы выхода из него.

За период реформ, с 1991 г. и по настоящее время, было предложено немало проектов и принято нормативных актов, направленных на развитие АПК, сельской экономики и самого села. Однако эффективных последствий они пока не имеют. Очевидно, настало время перейти от частных прагматических вопросов развития аграрной экономики к более общим и фундаментальным вопросам бытия крестьянства и села, от которых зависит сама сельская экономика.

Размещение населения в России

Размещение сельского населения в России сильно коррелирует с распределением всего населения на территории страны – уникальным по неравномерности. Это обусловлено тем, что в четырёх округах к Западу от Урала сосредоточено 74,2% населения страны; в трёх округах к Востоку от Урала – 25,8%¹. В то же время из 17 млн кв. км территории страны на восточные округа приходится 13 млн кв. км. (см. рис 1).

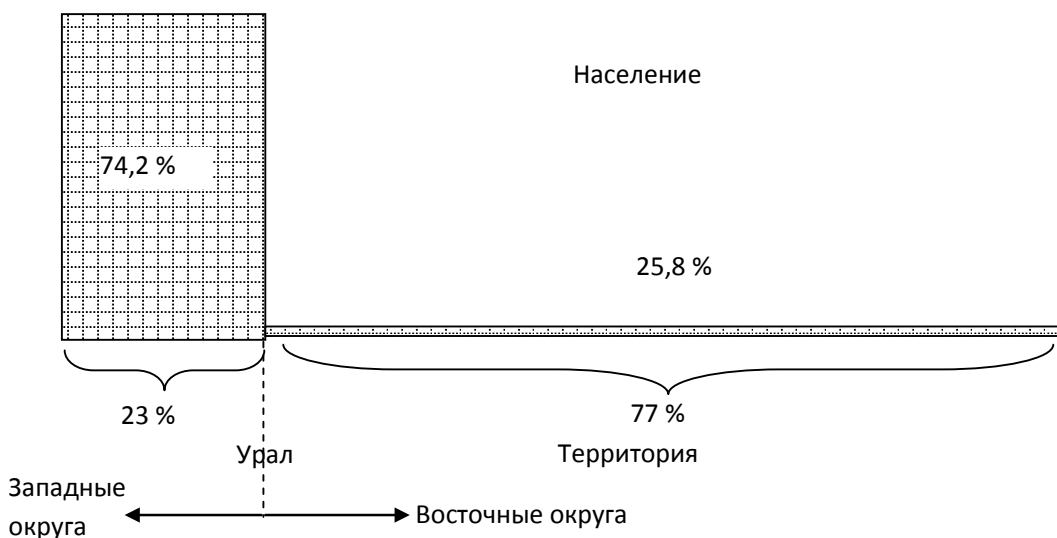

Рис. 1. График распределения территории округов и населения

Эти соотношения населения и территории обуславливают размещение сельского населения и сельских населённых пунктов на территории России.

¹ Автор опирается на данные, полученные до формирования восьмого, Северо-Кавказского, округа.

Распределение сельских населенных пунктов в России

В энциклопедиях и справочниках сельское поселение определяется, как:

- населённый пункт, большинство жителей которого занято в сельском хозяйстве;
- расположенное в сельской местности несельскохозяйственное поселение, не соответствующее по численности населения городу, связанное с лесным хозяйством (лесхозы и кордоны), обслуживанием транспорта вне городов (малые станции, разъезды, пристани);
- поселения, при отдельных промышленных предприятиях, карьерах, курортах, зонах отдыха, поселки поисковиков, население смешанного типа (агроиндустриальные посёлки).

Общее число сельских поселений во всём мире, даже постоянных, не поддается учёту, т. к. в разных странах по разному определяется понятие отдельного населённого пункта. Так, в США примерно 1/5 сельского населения (1970 г.) – жители официально зарегистрированных сельских поселений. Остальное фермерское население учитывается в целом по территориальным единицам.

Во многих странах, особенно с высокой плотностью населения, при соседстве крупных сельских поселений, отдельных ферм и поместий, все поселения (коммуны во Франции, Бельгии, общины в ГДР) учитываются как одно целое.

Различают:

1. Постоянные и сезонно-обитаемые (временные) сельские поселения;
2. Групповые и рассеянные сельские поселения.

Групповая (деревенская) форма преобладает в России, в зарубежной Европе, Китае, Японии, в большинстве развивающихся стран. В России это – сёла, станицы, деревни, хутора, кишлаки, аулы, стойбища, заимки¹ и др.

Рассеянная фермерская форма расселения преобладает в США, Австралии, странах Прибалтики.

В экономически развитых странах с ростом сети городов и несельскохозяйственного использования земель увеличивается число несельскохозяйственных и смешанных сельских поселений, а также сельских поселений – спален (большая часть жителей которых работает в городах).

¹ Заимки – в Сибири однодворные поселения с прилегающим земельным участком, вдали от освоенных территорий. Ещё выделяют «починок», он означает возникающее сельское поселение.

Часто используется следующая классификация:

- малое сельское поселение – менее 200 жителей;
- среднее сельское поселение – от 200 до 1000;
- крупные – свыше 5000.

Только в данном параграфе мы используем понятие «поселение» в качестве единицы сельского расселения (как отмечается в энциклопедиях и справочниках). В дальнейшем «поселение» будет означать низовой административный центр на селе (каким был ранее сельсовет), в соответствии с современными реформами местного самоуправления.

Результаты переписи населённых пунктов России в 2002 г. представлены на официальном сайте Росстат [1].

Печальной реальностью стали сельские населённые пункты без населения: их по переписи – 13 032. Основная часть их – 12 178 пустующих сёл – расположена в густонаселённой западной части страны – в Центральном, Северо-Западном и Приволжском федеральных округах. В них преобладают населённые пункты с численностью населения от 11 до 50 человек. В Центральном федеральном округе из 60 357 сельских населённых пунктов 35 531 является малонаселённым. В Восточных округах доля малых сёл уменьшается и возрастает доля сёл с населением свыше ста человек. В Уральском Федеральном округе из 5891 сёл 3822 имеют население свыше 100 человек; в Сибирском из 11 831 – 8432; в Дальневосточном из 2788 – 1 951.

Очевидно, в этих местах суровые природные условия и огромные расстояния делают невозможным существование совсем малых сёл.

Таблица 2

Населённые пункты России

Субъекты Российской Федерации	Всего городских поселений	В т. ч. 100 тыс. человек и меньше	Всего сельских населённых пунктов	В том числе				
				Без населения	До 10 чел.	От 11 до 50 чел.	От 51 до 100 чел.	Свыше 100 чел.
Российская Федерация	2938	2770	155 290	13 032	34 803	37 337	14 804	55 314
Центральный федеральный округ	749	708	60 357	6094	17 128	18 403	5589	13 143
Северо-Западный федеральный округ	323	310	29 763	3983	10 960	8743	2040	4037

Продолжение таблицы 2

Субъекты Российской Федерации	Всего городских поселений	В т. ч. 100 тыс. человек и меньше	Всего сельских населённых пунктов	В том числе				
				Без населения	До 10 чел.	От 11 до 50 чел.	От 51 до 100 чел.	Свыше 100 чел.
Южный федеральный округ	267	238	9637	223	285	783	850	7496
Приволжский федеральный округ	583	846	35 023	2091	5090	7132	4277	16 433
Уральский федеральный округ	288	274	5891	223	430	771	645	3822
Сибирский федеральный округ	423	398	11 831	255	740	1253	1171	8432
Дальневосточный федеральный округ	305	296	2788	163	190	252	232	1951

Абсолютное большинство сельских населённых пунктов сосредоточено в Европейской части России: в её четырех округах находятся 134 780 сельских населённых пунктов, т. е. 87%. В этой части преобладают сельские населённые пункты Центрального федерального округа: здесь их 60 357, что соответствует 44% от числа населённых пунктов Европейской части (см. рис 2–4).

В Восточной части России более половины населённых пунктов находятся в Сибирском федеральном округе – 11 831, или 57% от их общего числа в трёх федеральных округах Восточной части страны.

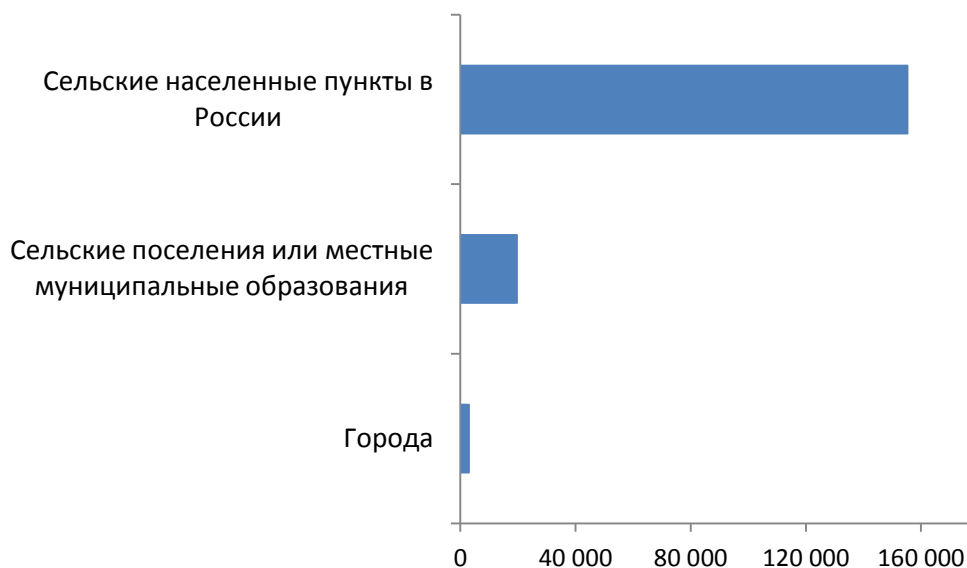

Рис. 2. График распределения населённых пунктов в России

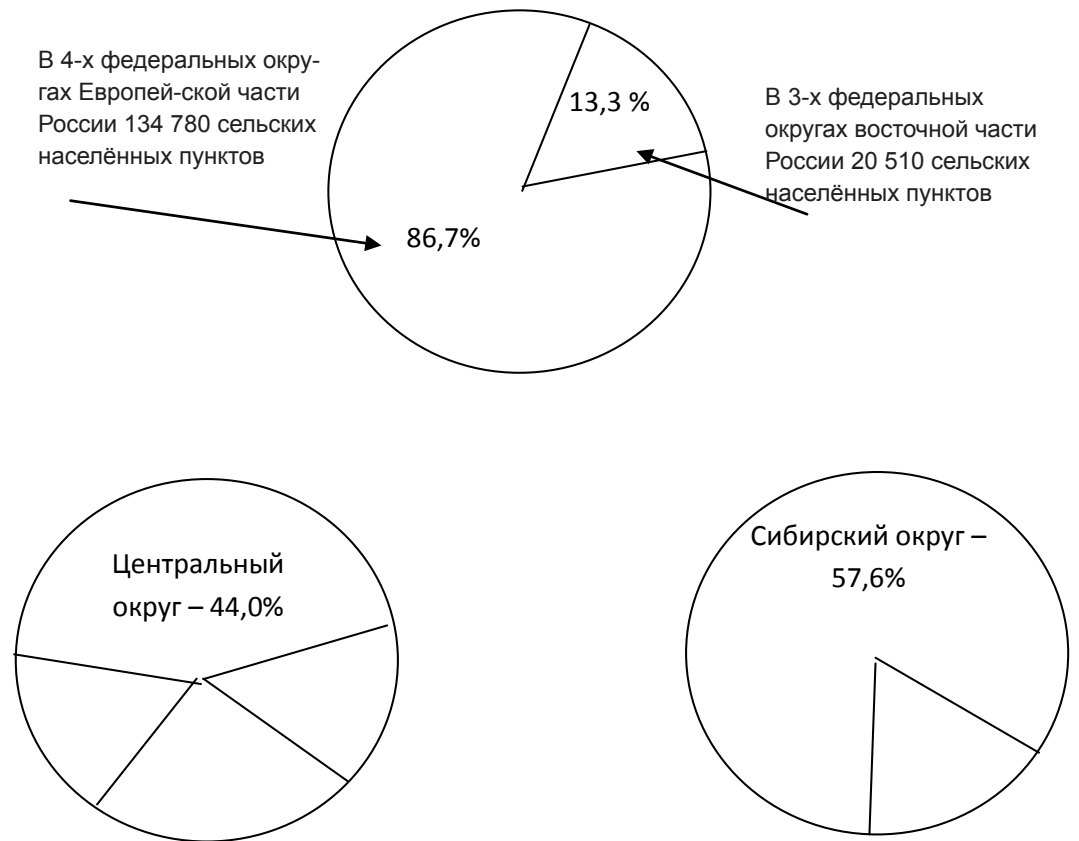

Рис. 3. Сельские населённые пункты

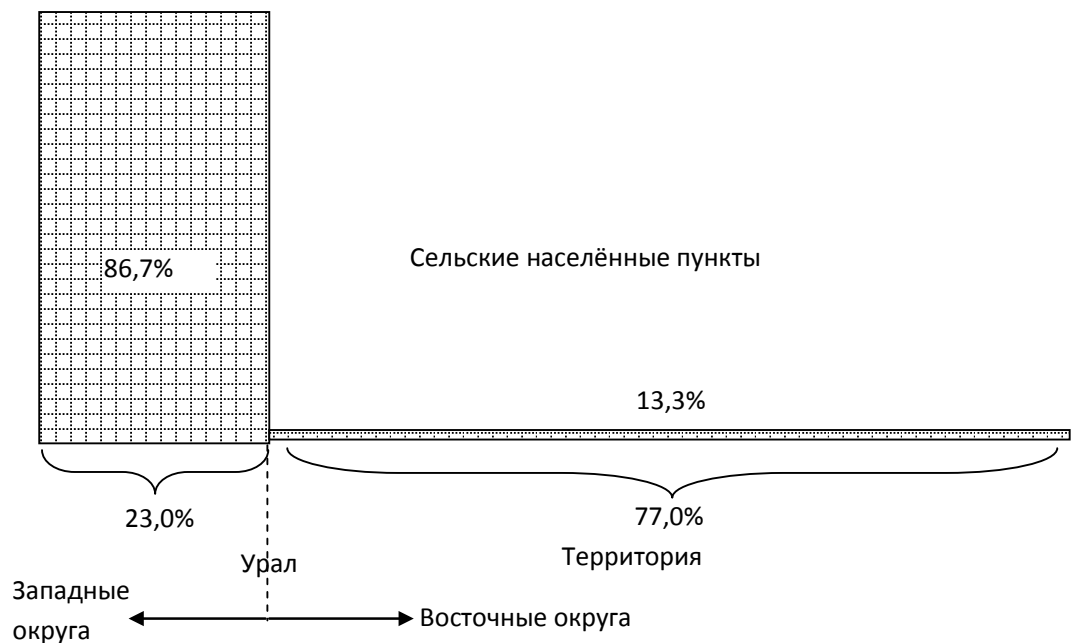

Рис. 4. График распределения территории федеральных округов и сельских населённых пунктов в России

Динамика сельского расселения

В период между переписями 1989 и 2002 гг. в целом по стране общее число сельских населённых пунктов, по данным Росстата увеличилось на 2367, или на 1,5%; почти удвоилось

число населённых пунктов, в которых проживает не более 6 человек: с 16 925 до 32 997, включая поселения, в которых никто не проживает на начало переписи 2002 г. Число сельских населённых пунктов, в которых проживает от 6 до 10 человек увеличилось на 6,4%: с 13 245 до 14 029. Число сельских населённых пунктов, в которых проживает от 3000 человек, снизилось, но более всего снизилось число населённых пунктов с числом жителей от 26 до 50 человек – на 21%. Возросло число крупных сельских населённых пунктов: на 8,7% - с числом жителей до 5 тыс. человек (с 803 до 873) и на 34,3% с числом жителей более 5 тыс. человек (с 601 до 807).

На момент переписи 2002 г. 30,3% от общего числа сельских населённых пунктов составили мелкие поселения – с числом жителей не более 10 человек, 34,1% – с числом жителей от 11 до 100; 35,6% – с числом жителей свыше 100 человек (см. рис 5).

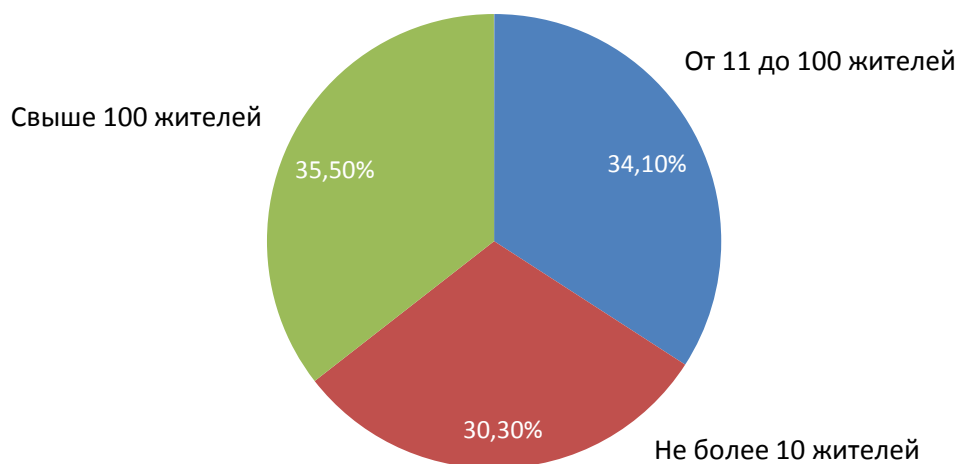

Рис. 5. Распределение сельских населённых пунктов по численности населения

Больше всего безлюдных и малолюдных (не более 10 жителей) деревень в Северо-Западном (13,4% и 36,1%) и Центральном (10,1% и 28,4%) федеральных округах, меньше всего в Южном (2,3% и 2,9%) и Сибирском (2,2% и 6,1%).

В Южном федеральном округе почти 80% сельских населённых пунктов насчитывает более 100 жителей, в Сибири и на Дальнем Востоке – 70%.

Рост числа крупных сельских поселений и сокращение числа средних и малых привели к усилению концентрации людей в крупнейших населённых пунктах. Судя по предыдущим переписям, это явление представляет собой долговременную тенденцию сельского расселения. Доля сельских жителей, проживающих в крупных населённых пунктах, – с числом жителей свыше 5000 – увеличилась с 5,3% в 1959 г. до 17,4% в 2002 г., а с числом жителей более 1000 человек – с 32,2% до 51,8%. Одновременно с этим сократи-

Больше всего безлюдных и малолюдных (не более 10 жителей) деревень в Северо-Западном (13,4% и 36,1%) и Центральном (10,1% и 28,4%) федеральных округах, меньше всего в Южном (2,3% и 2,9%) и Сибирском (2,2% и 6,1%).

Рост числа крупных сельских поселений и сокращение числа средних и малых привели к усилению концентрации людей в крупнейших населённых пунктах. Эти тенденции сильно повлияли на трудозанятость селян. Большой населённый пункт создает много рабочих мест вне сельского хозяйства. По разнообразию эти рабочие места приближаются к городским.

лась и доля сельского населения, проживающего в небольших деревнях с числом жителей не более 100 человек, с 12,0% до 5,7% (см.: [2]).

Эти тенденции сильно повлияли на трудозанятость селян. Большой населённый пункт создает много рабочих мест вне сельского хозяйства. По разнообразию эти рабочие места приближаются к городским.

После переписи 2002 г. число сельских населённых пунктов увеличилось за счёт административно-территориальных преобразований. Чаще всего в сельские поселения преобразуются посёлки городского типа или часть городских поселений. Например, в 2008 г. из части территории г. Бийска было образовано село Дыгульбей, подчинённое администрации города, в котором на начало 2009 г. проживало 20 912 человек. В 2009 г. было образовано (восстановлено) 29 сельских населённых пунктов. Самый крупный из них – посёлок Нагорный (7475 жителей) был образован из части г. Бийска.

Другая тенденция – в утрате статуса села после включения его в город. Так в черту г. Грозного были включены аулы Албан-Чурт (5778 жителей) и Старая Сунжа (8205).

Обратимся к причинам, обуславливающие неравномерное распределение сельского населения на территории страны.

В книге А. Паршева «Почему Россия не Америка» представлен убедительный материал о том, что по сравнению с Западной Европой россияне расселены на малопригодных для жизни территориях. Из всех индустриальных стран мира в России самый суровый климат. В Западной Европе почти не бывает заморозков. Изотермы в Европе идут в меридиональном направлении, что уравнивает по суровости зимнего климата юг Швеции с Северной Грецией. В Хельсинки зимой теплее, чем в Орле, хотя Хельсинки на тысячу километров севернее. Общая причина – Гольфстрим. Экономические последствия этих обстоятельств не утешительные: северный климат и географическое положение делают нашу промышленность и сельское хозяйство неконкурентоспособными.

На Севере государство в основном занималось добычей полезных ископаемых и минимально необходимым производством. Всё необходимое туда завозят. После краха СССР наш Север обезлюдел, а его производство обеспечивается рабочей силой в основном вахтовым методом.

В России 2938 государств («городских населений»). Большинство их – 65,4% – находятся в европейской части страны. Преобладают города с численностью населения сто тысяч человек и менее. Таких городов 2770, т. е. 94,2%. Во всех федеральных округах превалирует удельный вес малых городов. В Европейской России 1802 города с населением 100 тыс. человек и менее, что соответствует 93,7% от общего количества городов в этой части страны. Среди этих городов

превалируют агрогорода – административные центры сельских районов, органически связанные с сельскими населёнными пунктами.

Глубокие исследования влияния природных и урбанистских фактов на сельское расселение ведутся в Институте географии РАН. Специалист этого института Т. Г. Нефедова выделяет три фактора, играющих главную роль в пространственной организации сельской местности: а) природные различия (с севера на юг и с запада на восток); б) крупные города; в) национальный состав населения.

«В разных местах превалируют разные составляющие этой триады. Из-за стабильности природно-урбанистического каркаса пространственные различия сельской местности и хозяйства очень устойчивы. Они сложились вопреки основным задачам хозяйственной политики государства и его специальным программам, направленным на выравнивание условий и производительности агропроизводства в разных районах (включая программу «Нечерноземье»). По существу, ни организационные, ни текущие экономические меры никак не могли повлиять на воздействие этих факторов. Введение в 1990-х гг. элементов рыночного хозяйства лишь произвело существовавшие различия на новом уровне... В Нечерноземье плотность сельского населения вблизи региональных столиц в среднем в 12 раз больше, чем в наиболее удалённых, окраинных районах. На Юге – всего в три раза. И жизнеспособность сельского населения, и продуктивность сельского хозяйства пространственно ориентированы по всем тем же трём факторам: по природным условиям, по удалённости от городов, и национальным особенностям» [3, с. 2; 6].

В целом картина сельского расселения в России представляет пёструю мозаику, густую в западной части и очень разреженную в Восточной. Обширные плотные ареалы сёл наблюдаются вокруг крупных городов, по мере удаления от которых плотность расположения сёл уменьшается.

Конец урбанизации специалисты по географии расселения называют поляризационным разворотом. Он характеризуется спадом привлекательности крупных городов и ростом привлекательности малых. За этой стадией следует контр- или дезурбанизация, при которой происходит явный рост малых городских и сельских поселений. Проведённый ими анализ паспортов городов Российской Федерации показал, что в 2007 г. страна не была готова к классической дезурбанизации. Скорее всего, она тогда возвращалась к стадии поляризационного разворота, на которой находилась в конце 1980-х гг. (см.: [4]). От этой общей тенденции могут существенно отличаться показатели отдельных регионов. Конечный вывод фактов: отток из села замедляется существенно, однако, хоть и медленно, но он продолжается.

В целом картина сельского расселения в России представляет пёструю мозаику, густую в западной части и очень разреженную в Восточной. Обширные плотные ареалы сёл наблюдаются вокруг крупных городов, по мере удаления от которых плотность расположения сёл уменьшается.

Состояние сельской местности обуславливается степенью её депопуляции в XX в. и оставшимся человеческим потенциалом. В Европейской части России наибольшая депопуляция охватывает Московскую область полукольцом с запада на север и северо-восток и занимает всё пространство между Московской и Ленинградской областями. Сами Московская и Ленинградская области и пригородные административные центры представляют собой полусельский – полугородской мир. В пределах остальных субъектов РФ по мере удаления от их центра плотность населения падает, а в Нечерноземье её градиент между пригородами областного центра и периферией области увеличивается в 8–10 раз (см.: [3, с. 2; 6]).

Сельские поселения: самоуправление в сельской местности

В состав муниципального образования (городского и сельского поселения, а также городского округа) могут входить один или несколько населённых пунктов. Следовательно, понятие сельское поселение (муниципальное образование) и населённый пункт не являются тождественными.

Сельское поселение является типом муниципальных образований в России. Оно представляет собой один или несколько объединённых общей территорией сельских населённых пунктов – посёлков, сёл, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и др.), в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные органы самоуправления. Сельское поселение входит в состав муниципального района. Этот тип муниципального образования был предусмотрен в законе 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и создан в ходе муниципальной реформы. Часто сельское поселение соответствует сельсовету советских времён. В некоторых областях понятие «сельсовет» сохраняется как синоним сельского поселения или используется в названиях, например, сельское поселение Новинский сельсовет в Богородском районе Нижегородской области.

В состав территории сельского поселения могут входить, как правило, один сельский населённый пункт или посёлок с численностью населения более 1000 человек (для территории с высокой плотностью населения – более 3000 человек) и (или) объединённые общей территорией несколько сельских населённых пунктов с численностью населения менее 1000 человек каждый.

Административный центр сельского поселения размещается с учётом местных традиций и сложившейся социальной инфраструктуры, расстояние до которого определяется, исходя из пешеходной доступности до него и обратно в течение рабочего дня для жителей всех населённых пунктов, входящих в это поселение. Данное требование не выполняется для территорий с низкой плотностью населения, а также для отдалённых и труднодоступных мест. В общем, условия нашей страны определяют численность жителей сельских поселений в широких пределах: от нескольких десятков человек до 15–20 тысяч.

Таблица 3

**Численность и зарплата работников местного самоуправления по федеральным округам, 2009 г.
(см.: [5, с. 53–54])**

Регионы	Численность работников в органах местного самоуправления	Среднемесячная заработная плата работников в органах местного самоуправления
Российская Федерация	513 123	20 203
Центральный Федеральный округ	117 072	19 164
Северо-Западный Федеральный округ	41 308	24 621
Южный Федеральный округ	74 185	17 001
Приволжский Федеральный округ	110 839	15 845
Уральский Федеральный округ	47 796	30 177
Сибирский Федеральный округ	91 265	18 747
Дальневосточный Федеральный округ	3058	30 347

На фоне огромной армии чиновников во всех ветвях государственной власти, общая численность работников в органах местного самоуправления – 513 123 – выглядит достаточно скромно. И зарплата их, по сравнению с зарплатой госслужащих, невелика – от 17 до 30 тыс. рублей.

Модель взаимодействия региональной государственной власти с органами местного самоуправления напоминает воронку (см. рис 6). Эта метафора хорошо отражает реальный статус проблем местного самоуправления. Верхи могут не обращать внимания на эти проблемы или их обходить, но чем дальше это делается, тем вероятнее становится для них опасность быть затянутыми этой воронкой. Нерешаемость местных проблем

есть прямое следствие невнимания к проблемам местного самоуправления. Не один губернатор уже был и ещё будет жертвой своего халатного отношения к этим проблемам.

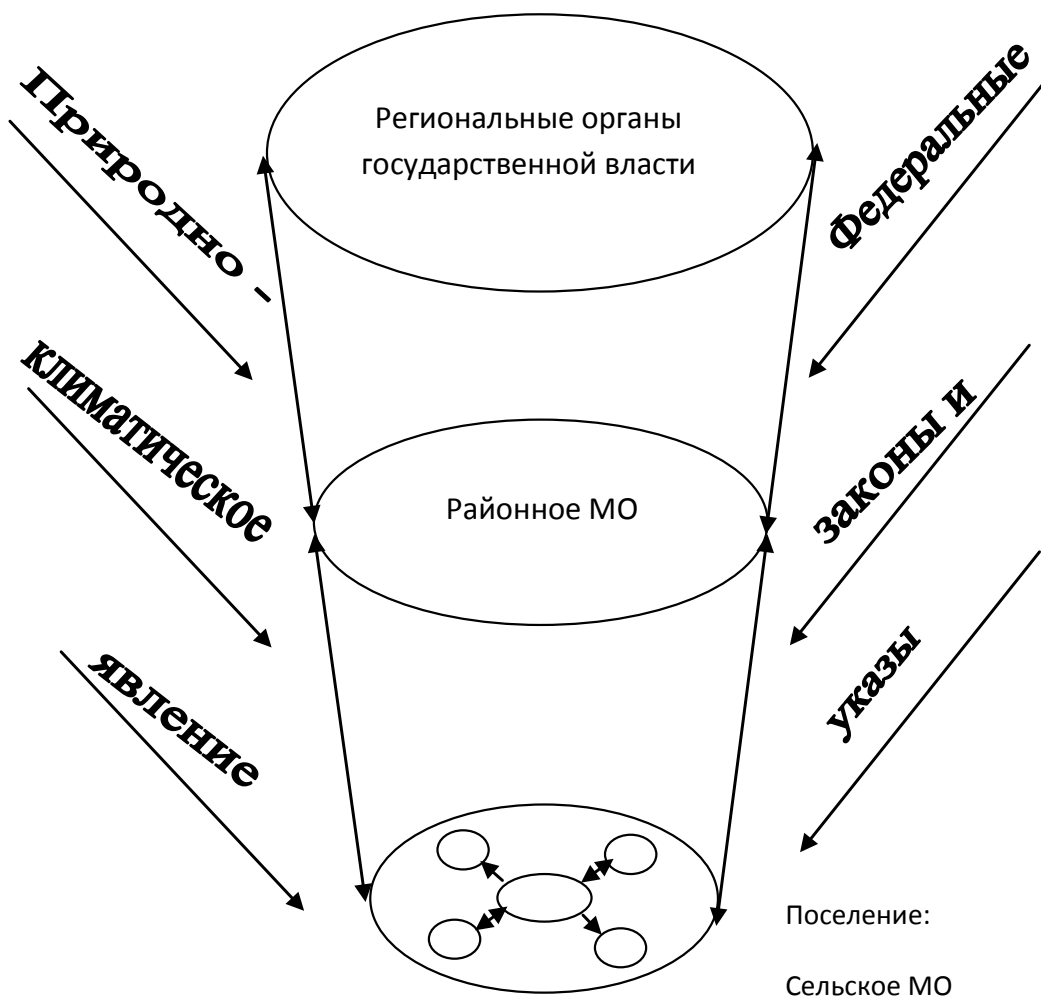

Рис. 6. Модель взаимодействия региональной власти и местного самоуправления

Во всех развитых странах понимают, что благополучие нации начинается с эффективной работы органов местного самоуправления. Поэтому создают все условия, при которых они могут проявлять исключительность и полноту своих управленческих прав.

В Конституции РФ 1993 г. в статье 12 (гл. 1) местное самоуправление впервые объявлено одной из основ конституционного строя России. Из этого следует, что состояние местного самоуправления свидетельствует о том, насколько конституционным является функционирующая система управления в стране. Существующие недостатки местного самоуправления, о которых будет идти речь ниже, говорят о важных юридических просчётах в нынешней форме осуществления народом своей власти и конституционности всей системы государственного управления.

Конституция РФ также установила, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, но являются частью системы органов публичной власти.

Управленческие отношения по предметам ведения и в объёме полномочий органов местного самоуправления регламентирует муниципальное право; как комплексная отрасль права оно использует правовые нормы других отраслей права, особенно административного. Однако, сложность, комплексность и объёмность норм административного законодательства негативно влияет на эффективность органов местного самоуправления из-за отсутствия законодательно закреплённых административных процедур. Все эти проблемы активизировались с 2003 г., когда стал осуществляться 131 Федеральный закон о местном самоуправлении.

На одно сельское поселение приходится в среднем 7,9 населённых пункта.

Таблица 4

**Число муниципальных образований по типам на
1 января 2010 г. (см.: [5, с. 38–39])**

Округа	Всего	Поселения, в том числе:	
		городские	сельские
Российская Федерация	21 330	1739	19 591
Центральный Федеральный округ	4705	502	4203
Северо-Западный Федеральный округ	1497	225	1272
Южный Федеральный округ	3127	136	2991
Приволжский Федеральный округ	5833	369	5464
Уральский Федеральный округ	1148	78	1070
Сибирский Федеральный округ	3489	259	3530
Дальневосточный Федеральный округ	1232	170	1066

Таблица 4 показывает, что среди всех видов поселений городские составляют абсолютное меньшинство (менее 10%). Самой распространённой формой власти является сельско-поселенческая, на которую ложится основная «территориальная нагрузка». Если учесть размеры территорий федеральных

округов, то можно установить среднюю по округам территориальную (пространственную) нагрузку на местную власть каждого поселения.

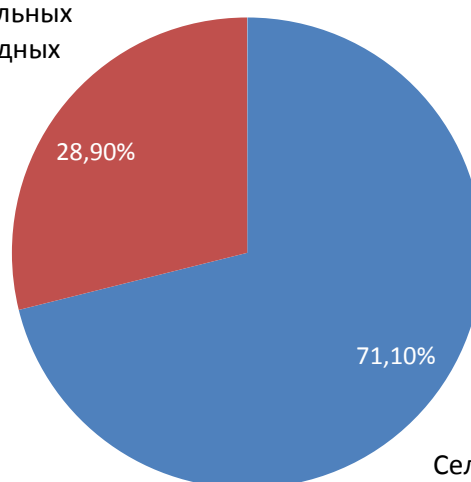
Средняя территориальная нагрузка на одно поселение (см. таблицу 5) колеблется от 138 км² до 5011 км² по округам: минимальная – в Центральном, максимальная – в Дальневосточном округе. Большие территории восточных федеральных округов обусловили большее количество сельских поселений, непропорциональное числу сельских населённых пунктов. Если на восточные округа приходится 13% сельских населённых пунктов страны, то сельских поселений, т. е. местной власти, на эти округа приходится 28,9% (см. рис 7).

Таблица 5

Территориальная нагрузка

Округа	Территория на одно муниципальное поселение, км ²
Центральный Федеральный округ	138,19
Северо-Западный Федеральный округ	1126,9
Южный Федеральный округ	189,09
Приволжский Федеральный округ	177,78
Уральский Федеральный округ	158,40
Сибирский Федеральный округ	1357,8
Дальневосточный Федеральный округ	5011,6

Сельских муниципальных образований в западных округах 13 930

Сельских муниципальных образований в восточных

Рис. 7. Распределение муниципальных образований по округам

По направлениям к Северу и Востоку увеличивается экстремальность почвенно-климатических и других географических условий жизнедеятельности, создающих дополнительные проблемы сельским муниципальным образованиям. Но

самой важной и общей проблемой для них является сельская бедность, особенностью которой в том, что это бедность и работающих людей. Хотя сельское население составляет 27% от общего числа жителей страны, на село приходится 42% бедных в стране людей (см. рис 8).

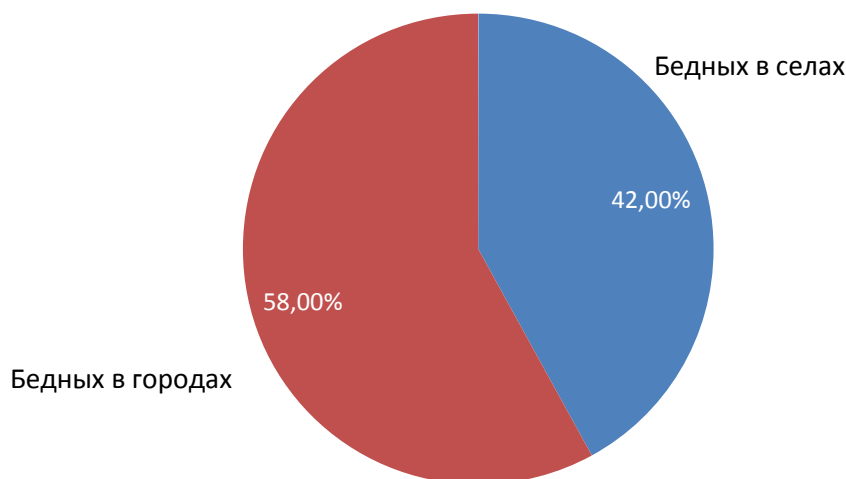

Рис. 8. Бедность в городах и сёлах

Аналитики, подводя первые итоги реформы, отмечают, что муниципальному сообществу была предложена модель преобразований, игнорирующая региональные особенности. Но ещё важнее было то, что предусмотренные реформой новации не получили достаточного экономического обеспечения. В результате возможности муниципальной реформы разбились об отказ передать местным бюджетам гарантированные доходные источники (см.: [6, с. 38–41]). Этим самым ещё более усилилась зависимость местных бюджетов от дотационной помощи.

Конечный результат исполнения местных бюджетов показывает следующая таблица.

Таблица 6

Местный бюджет на 2010 г., млн рублей (см. [5, с. 40])

Территория	Доходы	Расходы	Дефицит продукции
Российская Федерация	2 125 902	2 204 659	-78 757
Муниципальные районы	872 656	893 437	-20 781
Городские округа	1 050 898	1 103 366	-52 468
Города Федерального значения	10 366	10 751	-385
Городские поселения	86 688	86 044	-2356
Сельские поселения	112 586	114 789	-2204

Самой важной и общей проблемой является сельская бедность, особенностью которой в том, что это бедность и работающих людей. Хотя сельское население составляет 27% от общего числа жителей страны, на село приходится 42% бедных в стране людей.

В этой таблице обращают на себя внимание малые суммы местных бюджетов. Так, доходы 19 591 сельских поселений в России составляют 112 586 млн рублей. В среднем на одно поселение приходится 5,71 млн рублей. Как из такой суммы покрывать текущие и капитальные расходы – не понять даже авторам реформ.

Если судить по повсеместному дефициту местных бюджетов, то проект доходной части бюджетов на данный момент нигде не исполняется.

Значительный опыт по формированию экономических основ сельского самоуправления накоплен в Краснодарском крае. Много мероприятий в этом отношении проводит Законодательное собрание края.

Ситуацию в крае ярко характеризует фрагмент доклада вице-губернатора Краснодарского края по финансам И. А. Перонко (из материалов конференции в Черноерковском сельском поселении Славянского района Краснодарского края «Формирование экономических основ местного самоуправления», март 2010 г.): *«Доля собственных налоговых и неналоговых доходов в общем объёме поступлений в бюджеты поселений составила в 2010 году в среднем по краю 61,1%. На долю межбюджетных трансфертов соответственно пришлось 38,9%. Вы видите, что независимость местных бюджетов – пока что достаточно условное понятие. Основной задачей на 2011 год в поселениях края является принятие исчерпывающих мер по компенсации выпадающих доходов по земельному налогу и налогу на имущество физических лиц в связи с изменением налогового законодательства (Федеральный Закон от 27 июля 2010 года 229-ФЗ).*

В целом по краю потери муниципальных образований составят порядка 1,5 млрд рублей, в том числе по поселениям около 1 млрд рублей.

Частично данные потери будут компенсированы бюджетам муниципальных образований за счёт краевого бюджета. На эти цели в 2011 году уже выделено 396 млн рублей.

Конечно же, этих средств не достаточно...».

Все эти факты пока свидетельствуют не о формировании местного самоуправления, а о создании очередного исполнительного-распорядительного звена в нашей крепкой бюрократической цепи.

Выводы

1. В России село наряду с сельскохозяйственными функциями выполняет ряд важнейших социальных функций: осуществляет социальный контроль над территориями, со-

храняет народные культуры, решает вопросы рационального размещения населения в регионах, решает проблемы продовольственной безопасности страны и т. д.

2. Сложившееся в России неравномерное размещение населения на ее огромной территории обуславливает и неравномерное распределение сельских населенных пунктов на территории страны; в восточных округах (от Урала), занимающих 77% территории России находятся 13,3% сельских населенных пунктов, в то время как 86,7% их числа находятся в западных округах (23% территории). Эта уникальная ситуация определяет особенности жизнедеятельности сел на Западе и на Востоке страны. В густонаселенных западных округах растет доля малонаселенных и безлюдных сел.

3. Эффективное решение проблем села ученые и практики возлагают на муниципальную реформу, призванную дать простор развитию муниципального (не государственного!), т. е. местного самоуправления. Однако, пока региональные органы государственной власти выстраивают свои отношения с местным самоуправлением как со своей административной подсистемой.

4. Необходимо так изменить социально-экономическую методологию муниципальной реформы, чтобы она могла создать экономическую базу сельского самоуправления.

Библиографический список

1. Всероссийская перепись населения 2002 года // URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13>.
2. Демоскоп Weekly № 43, 4 - 17 окт. 2010 г. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/baromou.php>.
3. Нефедова Т. Г., Географические вариации сельского хозяйства. М., Институт географии РАН, 2009.
4. Нефедова Т. Г. Трейвиш А. И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования 2010 № 2.
5. Впервые понятие публичной власти было сформулировано постановлением конституционного Суда России от 15.01.1988. № 3-17.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. М.: Росстат, 2010.
7. Валентей С. Д., Основные проблемы муниципальной реформы (России) // Муниципальная реформа в России. М.: ИЭРАН, 2009.

Социология села

Социальный капитал польского села (в контексте процессов интеграции Польши в ЕС)

Кристина Шафранец – доктор наук, профессор
Института развития села и сельского хозяйства
Польской академии наук, Варшава

E-mail: krystyna.szafraniec@umk.pl

Социальный капитал польского села (в контексте процессов интеграции Польши в ЕС)¹

Kapitał społeczny Polskiej wsi (W kontekście procesów integracyjnych z UE)

Аннотация

Процесс интеграции Польши в европейское общество ставит вопросы о степени готовности самого общества к восприятию перемен, сопутствующих вступлению в ЕС. Первая часть статьи посвящена анализу теорий социального капитала как важнейшего показателя уровня готовности общества к интеграционным процессам. Во второй части приведены результаты эмпирических исследований социальных ресурсов современного польского села и их интерпретация с привлечением категорий социального капитала.

Abstract

This text has two aims – to relate the results of research carried out in IRWiR PAN (Institute for Rural and Agricultural Development Polish Academy of Sciences) on rural social capital and achieve a useful social interpretation of those results referring to the theory of social capital. Nowadays social capital is becoming a very important element in academic and political discourse. It is seen as having the potential for greater efficiency in levelling social differences, improving the opportunities of rural inhabitants. No matter how popular and positive, social capital can be understood in various ways due to its various theoretical sources, it is also possible to point out its negative aspects. This text is an attempt at showing the nuances of how social capital works. The first part presents the basic understanding of the category discussed here. The second part is a presentation of the results of empirical research where interpretation was carried out in the light of earlier outlined concepts.

Ключевые слова: интеграция, социальный капитал, развитие сельских сообществ, инновационный потенциал, гражданское общество

Keywords: social capital, rural development potential, civic society

¹ Текст публикуется впервые. Перевод с польского выполнен кандидатом исторических наук Е. Д. Вознесенской (Центр социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН).

Вызовы, стоящие перед сельскими территориями в Польше, носят двойкий характер. Во-первых, в них отражается ряд положений, которые расцениваются как позитивные, целенаправленные, что выражается в рассчитанной на долгосрочную перспективу концепции развития сельских территорий в Европе (изменения социальной и аграрной структур, технологии сельского производства, качества рабочей силы, уровня жизни сельских жителей, состояния инфраструктуры села и т. д.). В основе этой концепции лежит идея многофункционального, сбалансированного, нео-эндогенного развития, регенерации села, а, следовательно, эффективного соединения элементов современности с традицией, перемен – с непрерывностью, сельскохозяйственного производства – с сохранением природных ресурсов и т. д. Во-вторых, вызовы, о которых идёт речь, подразумевают также готовность сельских общин к эффективному использованию механизмов, применяемых в сельскохозяйственной политике в процессе приспособления сельского хозяйства некоторых стран-членов к стандартам ЕС. Имеются в виду такие механизмы (и связанные с ними возможности), как непосредственные выплаты, структурные пособия, фонды и институции, программы по активизации развития села и т. д. Они становятся важным капиталом развития польского села, далеко выходящим за рамки чисто финансовой поддержки. Как известно, для того, чтобы воспользоваться возможностями, которые создает единая сельскохозяйственная политика Европейского Союза (WPR), необходимо уметь не только изыскивать средства, но также разумно их использовать и, главным образом, капитализировать.

Сегодня трудно найти исследование, где не подчеркивалась бы огромная роль, которую играет в этих процессах *социальный капитал*. Однако каждый, кто оперирует этим понятием, считает своим долгом выдвинуть серьёзные возражения, связанные с его использованием. Так, утверждается, что это модное, а потому малостоящее понятие, что оно многозначно и в качестве такового приводит к мало вразумительным интерпретациям, что оно понятие-«отмычка», т. е. не является понятием вообще, и потому лучше было бы его не использовать. Между тем поток литературы по этой тематике возрастает, а теоретические расхождения между по-разному определяемыми социальными капиталами становятся всё более изощёнными, и – что важнее всего – эти теоретические расхождения имеют чрезвычайно важные практические последствия.

Представленная ниже статья преследует две цели – сопоставить результаты исследований, которые были проведены Институтом развития села и сельского хозяйства ПАН по проблемам социальных ресурсов села, а также дать приемлемую для социальной практики интерпретацию этих результатов,

обратившись к теории социальных капиталов. Тема исследований, о которых здесь идёт речь, сформировалась из указанных практических целей. Это годы, непосредственно предшествовавшие нашему присоединению к ЕС. В Польше были запущены крупные программы, предназначенные для сельского хозяйства, которые финансировались из средств ЕС и Мирового Банка (PHARE, SAPARD, ISPA). Их бенефициантами могли стать такие инициативы и такие сообщества, которые доказали свою способность генерировать так называемые сети поддержки – по большей части институциональные договорённости, базирующиеся на внутренних и внешних социальных ресурсах села. Ключевой фактор этого метода – деньги для тех, кто располагает социальным капиталом или же способен его генерировать. Отсюда возник вопрос о состоянии социальных ресурсов села, а принцип «зелёного света» для тех, кто «оснащён социальными ресурсами», навёл на мысль, что процедуры распределения европейских средств могут оказаться механизмом углубления существующих различий между сёлами с высоким и низким социальным капиталом. Нами было предпринято исследование, в котором мы исходили из предположения, что состояние социальных ресурсов села необязательно должно определяться состоянием экономических, инфраструктурных или институциональных ресурсов и что, возможно, на территориях, отстающих в цивилизационном и экономическом отношении, можно обнаружить достаточный уровень социальных связей, готовность к коллективным действиям или вовлечённость в дела местного сообщества.

Определение социального капитала

Понятие социального капитала глубоко укоренилось в публичном и научном дискурсах, получив в них широкое хождение. В основном, категорию социального капитала связывают с понятиями сплочённости и сотрудничества в рамках сообщества. «Социальный капитал относится к тем институтам, союзам или нормам, которые формируют качество и количество групповых социальных интеракций...». Это «удерживание вместе» является основополагающей осью всех трактовок в исследованиях, базирующихся на социальном капитале. «Социальный капитал – это не только сумма институций, которые поддерживают сообщество, это связующее вещество, которое удерживает людей вместе» [1]. «Социальный капитал складывается из совокупности активных связей между людьми: доверия, взаимопонимания, совместно разделяемых ценностей и правил поведения, которые объединяют членов в человеческие сети и сообщества, а также делают возможным сотрудничество» [2, с. 4].

Широко используемая категория обязана своим происхождением двум различным теоретическим традициям. Первая традиция – это концепция культурного структурализма Пьера Бурдьё, вторая – теория рационального выбора и социального обмена Джеймса Колемана. Концепция последнего легла в основу теории социального капитала, которая завоевала мир благодаря работе по её популяризации, проделанной Робертом Путнамом. В исследованиях, где социальный капитал является основной объясняющей категорией, эти две традиции вступают в противоречие друг с другом, поскольку каждая из них предлагает свой метод дефиниции социального капитала.

Согласно П. Бурдьё социальный капитал – это система актуализированных или потенциальных ресурсов, предполагающих обладание стабильными сетями взаимных знакомств и опознаваний, которое является следствием членства в группе и как таковое обеспечивает каждому из членов поддержку и удостоверяет его в отношениях с другими. Эти отношения могут быть выражены в материальных и/или символических обменах. Они могут также быть социально санкционированы, институционализированы и распознаваемы путем использования общего имени (фамилии, принадлежности к школе, социальному классу, политической партии и т. п.), которое даёт информацию о том, откуда этот человек или где (с кем) он бывает (см.: [3, с. 21]). Понимаемый таким образом социальный капитал является собственностью отдельных личностей, которые используют этот ресурс часто совершенно неосознанно в своей борьбе за статус, признание, престиж либо власть. Проще говоря, социальный капитал – это другие люди, к которым мы можем обратиться, те контакты, на которые мы можем сослаться, у которых мы можем перенимать культурные компетенции, получать знания, одалживать деньги. Качество социального капитала, его объём и рыночная стоимость зависят от «качества» лиц, создающих сети социальных принадлежностей. Как отмечает Стефан Болл (см.: [4]), социальный капитал среднего класса существенно богаче и более эффективен с практической точки зрения, чем социальный капитал представителей рабочего класса. Об этом свидетельствует уровень наличного культурного капитала, а также доступ к экономическим и культурным ресурсам лиц, которые составляют социальное окружение индивида.

С точки зрения Колемана, социальный капитал является не индивидуальным, а общественным благом, характеризующим сообщество (социальную группу) (см.: [5, с. 95–120.]). Уровень социального капитала, чаще всего определяемый уровнем доверия, более высок в сообществах с сильными структурами, с чётко выраженными, широко разделяемыми нормами и ценностями. На этом основании возникает готовность к объединению и к вовлечению в общественную дея-

тельность на благо сообщества. Согласно Колеману, сплочённые и малочисленные сообщества являются лучшей базой для формирования человеческого капитала, чем большие и разнородные. Это происходит благодаря «структурной замкнутости» (structural closure), ведущей к тому, что различные проявления социальной деятельности индивидов перекрещиваются друг с другом, усиливая контролирующую функцию сообщества, которое таким образом охраняет ценности и ограничивает потенциально негативное поведение, отклоняющееся от общепринятых правил. В малых сплочённых сообществах общественная деятельность индивидов находится в постоянном взаимодействии, укрепляя чувство принадлежности к общине и одновременно чувство социального контроля. На этой основе строится доверие, которое является результатом веры в предсказуемость поведения других членов сообщества, вытекающую из приверженности общим ценностям, а также неминувности санкций, грозящих за нарушение норм.

Положения Колемана получили развитие в работах Роберта Путнама (см.: [6]), который различает два вида социального капитала: капитал спланивающий и капитал наведения мостов. Их можно анализировать в русле конфликта между *сужением связей* (bonding), *исключением* и *наведением мостов* (bridging), *включением*. Конструирование социального капитала может идти в направлении укрепления связей между членами сообщества, в результате чего складывается эксклюзивная группа «своих», тесно взаимодействующих друг с другом на благо общего дела. С другой стороны, может быть сформирован такой социальный капитал, который позволяет «наводить мосты», т. е. открывает доступ к новым источникам ресурсов. Образно говоря, капитал сплочения скрепляет единство сообщества; капитал, «наводящий мосты», открывает пути к другим сообществам и другим влияниям. Они не исключают друг друга, однако могут приобретать различные характеристики. Таким образом, бывают сообщества с большим потенциалом капитала сплочения и низким капиталом наведения мостов и наоборот. С точки зрения социально-экономического развития идеальной представляется сбалансированность качеств обоих типов капитала, когда ни один из них не является доминирующим.

Путнам вычленяет пять характеристик социального капитала. Во-первых, социальный капитал облегчает гражданам решение общественных проблем. Люди действуют более эффективно, если, предпринимая совместные действия, они опираются на общие для всех ценности. Во-вторых, там, где люди полагаются на свои силы и лояльны по отношению к совместно установленным социальным нормам, общественная транзакция обходится дешевле. Этот аргумент приводится чаще всего в доказательство позитивного влияния социального

капитала, особенно в сфере экономики. Доверие, вытекающее из уверенности в том, что нормы неукоснительно соблюдаются всеми, снижает расходы по транзакции. В-третьих, социальные контакты, опирающиеся на совместные ценности и следующие социальным нормам, дают людям возможность убедиться, что они со своими личными проблемами не являются одинокими объектами, изолированными от других. «В людях, которые обладают активными и доверительными связями с другими, развиваются или поддерживаются черты характера, благоприятные для сообщества. Те, кто ангажирован, более толерантны, менее циничны и более отзывчивы (*emphatic*) и чувствительны к неудачам других. Если люди не имеют контактов с другими, не имеют возможности тестировать правильность своих взглядов, они становятся догматичными, подозрительными, завистливыми. В-четвертых, сети, которые формируют социальный капитал, служат также каналами поступления дополнительной информации. Благодаря взаимосвязям люди получают информацию о рабочих местах, о возможностях инвестирования, медицинского обслуживания и т. п. В-пятых, исследования показывают, что люди, обладающие богатым социальным капиталом, лучше справляются с травмами и легче переносят заболевания. Возможность обсудить проблемы с друзьями, эмоциональная поддержка с их стороны становятся натуральным (социальным) лекарством против болезней, которые можно охарактеризовать как цивилизационные и которые имеют своим источником изоляцию и одиночество личности (см.: [6, с. 288–289]).

В большинстве исследований социальный капитал трактуется как нечто изначально позитивное. Чем выше уровень социального капитала, тем лучше функционируют локальные структуры, тем выше образовательные достижения, меньше социальных патологий, выше готовность принимать вызовы, которые несёт в себе изменчивая реальность. Инвестиции в социальный капитал являются одним из наиболее настойчивых требований современной социальной и экономической политики. Можно прямо говорить о политической идеологии социального капитала, которая, восхваляя общину, представляет её как альтернативу одиночеству современного человека. Между тем следует помнить, что характеристики конкретных сообществ с точки зрения их социального капитала могут быть не только катализатором, но и препятствием для социальных перемен. На это следует обращать внимание при рассмотрении социальных условий экономического развития современного польского села. Коррелирует ли факт цивилизационного отставания с определённым характером социального капитала? Прежде, чем ответить на этот вопрос, проследим изменчивые исторические судьбы социального капитала польского села – как в институциональном, так и в (меж)личностном смысле этого слова.

Можно прямо говорить о политической идеологии социального капитала, которая, восхваляя общину, представляет её как альтернативу одиночеству современного человека. Между тем следует помнить, что характеристики конкретных сообществ с точки зрения их социального капитала могут быть не только катализатором, но и препятствием для социальных перемен.

Атрофия и возрождение социального капитала польского села: историческая перспектива

Первые организации самоуправления и взаимопомощи сельских жителей начали возникать на польских землях в шестидесятые годы XIX в. Они действовали на каждой из трёх территорий, аннексированных Россией, Австрией и Германией. Это были крестьянские кружки, товарищества землевладельцев, кассы взаимопомощи, социальные, политические и образовательные учреждения. Самое большое число таких организаций (2098) приходилось на территории, аннексированные Австрией. В период между войнами число сельских организаций существенно возросло. В 1938 г. существовало 10 881 сельских кружков, объединяющих 303 000 членов (около 9% земледельцев). Активно действовала Польская крестьянская партия, молодёжная организация «Wici» и многие другие. Начиная с 1946 г. социальная и хозяйственная деятельность разных организаций была объединена в структуру, подчинённую коммунистической власти. Политическая оттепель (1956-1959 гг.) стала периодом динамичного развития крестьянского самоуправления, когда самостоятельные инициативы крестьян приобрели ведущее значение. В 1960-е гг. их вновь начали объединять в общую политическую структуру. Возник Центральный Союз крестьянских кружков (свыше 21 000 человек), а затем так называемые машинно-тракторные станции, к ним отошло свыше 25 000 кружков, они выполняли широкий спектр местных услуг. С 1970-х гг. за крестьянскими кружками сохранились исключительно хозяйственные функции, и сами кружки были подвергнуты ещё большему огосударствлению. В период «Солидарности» Центральный союз крестьянских кружков добился статуса профсоюза – организации, представляющей интересы крестьян-единоличников. Кроме того, действовал Независимый самоуправляемый профсоюз «Солидарность», активно работали кружки сельских хозяек, крестьянские отраслевые объединения и их союзы.

После 1989 г. на селе наступает глубокий организационный регресс. Это коснулось как кружкового движения, кружков сельских хозяек, крестьянских производственных кооперативов, так и – особенно – государственных крестьянских хозяйств, которые были ликвидированы. Все исторические достижения кружкового движения были утеряны вместе с содержащимися в нём неиспользованными общественными и материальными ресурсами. Шоковые темпы реструктуризации крестьянского сектора первого периода преобразований стали главной причиной девальвирования человеческого, социального и материального капитала в деревне. Общим результатом

либеральной политики тогдашнего правительства, при одновременной технологической потере работоспособности крестьянского хозяйства и потере спроса на сельскохозяйственную продукцию, стала хозяйственная и социальная деградация сельской среды.

С 1992 г. в сельском хозяйстве начали возникать новые институции, такие, как Агентство сельскохозяйственного рынка, Агентство сельскохозяйственной собственности государственного казначейства, а также специализированные структуры и фонды, занимающиеся сборами и расходованием средств по развитию села и сельского хозяйства (FDPA – Фонд развития польского сельского хозяйства, FAPA – Фонд программ помощи сельскому хозяйству, PII – Фонд программ помощи сельскому хозяйству), неправительственные организации, занимающиеся развитием села и сельского хозяйства, объединяющиеся в так называемые сети поддержки, органы крестьянского самоуправления (крестьянские палаты).

Ещё до вступления в ЕС, поскольку Польша получила финансовую помощь от ЕС и Всемирного Банка, возникла необходимость создания новых институциональных структур, которые отвечали бы за расходование этих средств в соответствии с процедурами, предусмотренными дарителями или кредитодателями, как это было, например, в случае Всемирного Банка. В период, предшествующий вступлению Польши в ЕС, это были программы PHARE (Польско-венгерская программа реконструкции экономики), SAPARD (Special Accession Programme for Agriculture and Rural Development), ISPA (Instrument for Structural Policies for Pre-Accession), ASAL (Программа адаптации сельскохозяйственного сектора), PAOW (Программа активизации сельских территорий).

После вступления Польши в ЕС последовали общеевропейские программы: SPO ROL 2004-2006¹ (в том числе PPL LEADER+²) и PROW 2004-2006³. На реализацию этих программ было выделено около 10 млрд евро. Конкретно для села и сельскохозяйственного сектора предназначается программа PROW 2007-2013. Предполагается, что всего на реализацию программы будет истрачено около 254 млрд евро, в том числе 4 млрд евро – из польского бюджета и около 8 млрд – из средств бенефициантов. На эти средства могут претендовать до 2015 г. крестьяне, сельские предприниматели, организации сельских жителей, сельские органы самоуправления. Бенефициантами самых крупных средств могут стать юридические лица или их объединения – фонды, ассоциации,

¹ Секторная программа для сельского хозяйства (2004-2006).

² Пилотажная программа LEADER+ в соответствии с методом внедрения принципов единой сельскохозяйственной политики Европейского Союза (WPR) базируется на формировании и актуализации человеческих ресурсов и социального капитала.

³ План развития сельских территорий (2007-2013).

неправительственные организации. Деятельность многих из них всё чаще вписывается в процедуры и миссии международной программы PREPARE (Partnership for Rural Europe), согласно которой развитие сельскохозяйственных территорий должно стать результатом партнёрского взаимодействия между физическими, хозяйственными и общественными субъектами, придерживающимися концепции сбалансированного развития. Эта концепция предполагает бережное отношение к среде и к её природным ресурсам, соблюдение свободы выбора места жительства, активное взаимодействие между городом и деревней, стабильность и сохранение сельских сообществ и т. д.

Основным методом осуществления этой концепции является развивающееся снизу создание многосекторного партнерства (т. н. сети поддержки) и формирование центров местных инициатив и местных групп активистов. LEADER – это подход к развитию сельских территорий, стимулирующий местную общественность принимать на себя ответственность за своё будущее. При таком подходе речь идёт об интеграции местных ресурсов, с опорой на партнеров, которые могут быть на данной территории (хозяйственных, но не только), с приспособлением к местным условиям и к местной стратегии развития. Стимулирование низовой инициативы осуществляется с помощью социальных аниматоров, хорошо подготовленных и владеющих этим методом. Местная общественность будет решать, чем может стать LEADER. Именно она устанавливает приоритеты, определяет, что делать и каким образом действовать.

Методика такой программы опирается на вовлечение социального капитала, в первую очередь имеющего эндогенный, местный характер; однако, в конечном счёте, прежде всего институциональные механизмы решают, как будет развиваться сеть. Одновременно можно сказать, что в получивших широкий размах наднациональных программах (а именно они являются основным источником поддержки села и сельского хозяйства) не социальный капитал конвертируется в другие (финансовые) виды капиталов, а финансовый капитал, происходящий из общеевропейских средств, конвертируется в социальный капитал, который является составным элементом реализации политики развития сельскохозяйственных территорий (см.: [7]).

В условиях Польши, где социальный капитал села (как институциональный, так и относящийся к местным сообществам) оказался в значительной мере выхолощенным (см.: [8, с. 204–214]), общеевропейские средства и приводимые в движение с их помощью социальные инициативы (фонды, сети поддержки, партнерство, центры местных инициатив) становятся уникальным шансом для восстановления этого капитала.

В условиях Польши, где социальный капитал села (как институциональный, так и относящийся к местным сообществам) оказался в значительной мере выхолощенным, общеевропейские средства и приводимые в движение с их помощью социальные инициативы (фонды, сети поддержки, партнерство, центры местных инициатив) становятся уникальным шансом для восстановления этого капитала.

Динамика явления, которую можно легко определить по количеству использованных средств, числу организованных юридических лиц и партнёров, показывает, что Польша с этой точки зрения принадлежит к наиболее активным странам ЕС. Труднее выяснить степень готовности местных сообществ к восприятию этих новых вызовов. Поскольку активность внешнего (институционального) социального капитала, отчасти обращаемого к внутренним (организационным) ресурсам села, чрезвычайно важна, то без вовлечения и готовности к переменам самих жителей села возможность использования шансов, которые даёт вступление в ЕС, существенно снижается. Далее мы представляем результаты исследования именно этого рода социальных ресурсов польской деревни.

Состояние социальных ресурсов села

Исследование, о котором пойдёт речь, проводилось на территории шести гмин¹. Гмины отбирались так, чтобы, с одной стороны, в них были представлены различные социально-экономические, инфраструктурные (различный уровень цивилизационного развития гмины) характеристики, с другой стороны, чтобы они представляли широкий спектр сёл, отражающий польскую специфику (крестьянские сёла, совхозы, сёла, расположенные в пригородных районах, в благополучных, в проблемных регионах). Учитывались также уровень и условия жизни селян, функционирование сельской системы образования (в том числе местная образовательная политика), а также разнообразные факторы, которые могли быть включены в ёмкую формулу социальных ресурсов или человеческого капитала. Под социальными ресурсами мы понимаем (а) определённую общую готовность сельского сообщества предпринимать локальные инициативы, включаться в решение важных для сообщества вопросов (таких, например, как ремонт местного моста, реакция на ликвидацию местного здравпункта); (б) качество социальных связей и уровень идентификации с местным (и более широким, чем местное) сообществом, а также наличие местных лидеров. К человеческим

¹ Гмина (польск. "gmina" – волость) – наименьшая административная единица Польши. Название произошло от немецкого "gemeinde" (русск. «община»). Руководство гмины составляют: совет гмины, избираемый на всеобщих выборах местного самоуправления, а также правление, избираемое советом гмины и осуществляющее исполнительную власть в гмине. В сельских гминах председатель называется войт (польск. "wójt"), в небольших городках – бурмистр (польск. "burmistrz"), а в крупных – президент (польск. "prezydent"). К компетенции гмины относятся, в частности, начальные школы, детские сады, библиотеки, дома культуры, местный транспорт, управление рынками, здравоохранение. Руководство гмины отвечает за порядок и безопасность на своей территории, в его ведении находятся дороги местного значения, организация коммунального хозяйства и т. д. В результате последней реформы теперь в компетенцию гмины входит также распоряжение финансовыми средствами. Всего в Польше 2478 гмин (по состоянию на 2004 г.) (см.: [9]).

ресурсам мы отнесли всё то, что могло быть важным (либо что мы считали таковым) при принятии человеком различных жизненных решений (уровень образования, ожидания и жизненные достижения, некоторые личностные черты, такие, как оптимизм/пессимизм, демократизм/авторитаризм, хорошее/плохое самочувствие в системе). Необходимо было выяснить, насколько уровень человеческого и социального капитала является производной от социально-экономического уровня развития среды. Или, другими словами, существует ли закономерность, что в гминах с плохими социально-экономическими показателями (т. н. проблемных) мы имеем дело с таким же плохим социальным и человеческим капиталом, а в благополучных гминах – с хорошим, либо такая закономерность не просматривается? Для лучшего понимания сельской специфики с целью сопоставления в исследование были включены две городских гмины, в которых были проведены аналогичные измерения¹.

При анализе социальных ресурсов села принимались во внимание различные мнения – начиная с самого близкого круга вопросов, касающихся собственной деревни или гмины, через проблемы села вообще, и завершая вопросами самого широкого плана, касающимися страны в целом. Было выделено четыре категории капиталов. Первая категория – это *капитал социального доверия*, который измерялся вопросами о доверии по отношению к людям, институтам, политическим партиям. Вторая категория – *капитал общественной активности*, указывающий на готовность к деятельности, направленной на помощь другим людям и/или к активному вмешательству, если речь идёт о проблемах, угрожающих локальной общине. Третий тип капитала отражает *гражданские позиции*. Они включают в себя чувство личного влияния на решение проблем собственного села, гмины, воеводства, страны, а также сообщения об участии в выборах органов самоуправления и в общеевропейских референдумах. Наконец, четвертая категория – это *инновационный капитал*, который складывается из отношения сельских жителей к переменам, происходящим в польском селе и в Польше после 1989 г.²

Уровень капитала социального доверия, подразумевающий уровень декларируемого доверия к людям, институтам и политическим группировкам, в селе чаще всего носит умеренный характер, свидетельствуя о том, что доверие к социальным партнёрам по интеракции носит здесь выборочный характер. Как правило, сельские жители выражают доверие людям ближайшего окружения – «своим» – и не доверяют

¹ Результаты этих исследований представлены в работах К. Шафранец (см.: [10; 11]).

² Было условлено, что каждый вид социального капитала строится на основе нескольких переменных, которые поддаются измерению. В результате социальный капитал получает характеристики: низкий, средний и высокий.

Было выделено четыре категории капиталов: первая – это капитал социального доверия, вторая – капитал общественной активности, третья – гражданские позиции, четвертая – инновационный капитал.

Как правило, сельские жители выражают доверие людям ближайшего окружения – «своим» – и не доверяют «чужим», особенно если последние представляют общественные организации, политические группировки либо органы центральной власти.

«чужим», особенно если последние представляют общественные организации, политические группировки либо органы центральной власти. Различия между сельскими гминами невелики, а факт проживания в селе существенно более значим, чем характеристики социального статуса респондента. Относительно большую социальную открытость демонстрируют представители интеллектуальных видов деятельности, наиболее недоверчивы – сельские предприниматели. Одновременно, как показывают данные таблицы 1, уровень доверия среди сельских жителей выше, чем среди горожан.

Таблица 1

Капитал социального доверия (КСД) и тип гмин –
городская и сельская (N=1117), %

КСД-уровень	Тип гмины				
	Благополучные пригородные гмины	Средние сельские гмины	Слабые сельские гмины	Сельские гмины в целом	Городские Гмины
Низкий	37,1	27,4	39,8	35,8	74,0
Средний	44,4	66,1	45,7	47,9	21,0
Высокий	18,5	6,5	14,5	16,3	5,0
В целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Принципиально иначе складывается картина относительно второй из выделенных нами категорий – *капитала социальной активности*, где оцениваются и мнения о целесообразности деятельности общины, и личная готовность к участию в работе в пользу других людей, в том числе в пользу местной общины. Опрашиваемым было предложено оценить две ситуации, которые могли бы сложиться в любом селе или в городе.

1. Разрушается деревянный мост через ручей. Мост очень удобен, и все им часто пользуются как ближайшим путём в соседнее селение, где находятся магазины, железнодорожная станция и др. Мост требует работ по его сохранению – дерево гниет, в досках возникают дыры, пользоваться мостом становится опасно. «Как Вы считаете, кто в такой ситуации в первую очередь обязан что-либо предпринять?» И далее: «А Вы лично могли бы что-либо предпринять?».

2. В гмине был хороший медпункт, но Фонд медицинского страхования намеревается его ликвидировать. Медпункт можно спасти, однако это потребует больших усилий. Что бы Вы предприняли в этом случае?

a – я вмешался бы лично и стал бы активно действовать;

b – сам я не очень знаю, что надо делать, но если бы меня привлекли, я бы охотно помог другим;

c – я не стал бы беспокоиться, а стал бы пользоваться платными медицинскими услугами или начал бы лечиться где-нибудь ещё;

d – я испытал бы чувство одиночества, ощутил бы своё полное бесправие, почувствовал бы себя лишним;

e – ничего бы не делал – это не моего ума дело;

f – трудно сказать.

Высокую оценку социального взаимодействия и готовность к самостоятельному принятию общественных инициатив мы определяли как высокий уровень социальной активности. Умеренный уровень ангажированности и амбивалентная (обусловленная обстоятельствами) готовность включения в общественные инициативы были квалифицированы как средний уровень капитала социальной активности. Ощущение бессмысленности проявления общественной активности, а также пассивный, выжидательный или равнодушный стиль реагирования на проблемы местного сообщества мы определяли как показатель низких ресурсов.

Выявленные на этом этапе исследования мнения и реакции опрошенных дали совершенно отличный от предыдущего результат, указывающий на наличие глубокого разрыва между сферой социального доверия (в частности, в отношении к «чужим») и готовностью включиться в деятельность в защиту местной общины – на её благо (см. таблицу 2).

Таблица 2

Капитал социальной активности (КСА) и тип гмины – городская и сельская община (N=1117), %

КСА- уровень	Тип гмины				
	Благополучные пригородные гмины	Средние сельские гмины	Слабые сельские гмины	Сельские гмины в целом	Городские гмины
Низкий	7,1	1,2	6,2	8,8	17,0
Средний	49,1	32,7	43,7	43,1	64,0
Высокий	43,8	66,1	50,1	48,2	19,0
В целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Именно сельские жители видят смысл включаться в решение проблем и тем активнее, чем больше они связаны с проблемами местного сообщества. Самая типичная реакция – как по отношению к разрушающемуся мосту, так и по отноше-

Именно сельские (в отличие от городских) жители видят смысл включаться в решение проблем и тем активнее, чем больше они связаны с проблемами местного сообщества.

нию к ликвидации медпункта – лично предпринимаемая инициатива либо подключение к действиям, предпринимаемым другими, без отсылки на обязательства власти, специализированных институтов и т. п. Жители городских гмин в тех же самых ситуациях чаще рассчитывают на инициативу и помощь институтов и чаще полагают, что эта общественная деятельность их не касается.

Интересно, что готовность к включению в действия, предпринимаемые в пользу местного сообщества, особенно ярко выражена в сельских гминах с посредственными и неблагоприятными характеристиками развития. Это можно объяснить относительно неплохим состоянием социальных связей в сельских местных сообществах. Одновременно представляется, что здесь действуют и иные, более глубинные факторы. Вполне вероятно, что такая высокая оценка социальной активности берёт свое начало в крестьянской традиции взаимопомощи. Определённую роль играет также исторический опыт, убеждающий жителей села в том, что они маргиналы и обречены на одиночество, что в трудных ситуациях они могут рассчитывать, прежде всего, на самих себя. И, наконец, не стоит недооценивать здесь и роль лидеров сельских местных сообществ, которые, будучи выходцами из этой среды, получают кредит доверия в качестве «своих» (см.: [12, с. 71–120]).

Обратимся к анализу разновидности социального капитала, которая касается *гражданских позиций* сельских жителей.

Таблица 3

Гражданский капитал (ГК) в сельских гминах (N=1017), %

КСА- уровень	Тип гмины			
	Благополучные пригородные гмины	Средняя сельская гмина	Слабые сельские гмины	В целом
Низкий	50,6	27,4	35,7	39,1
Средний	37,1	48,8	46,0	42,0
Высокий	12,4	23,8	18,3	18,9
В целом	100,0	100,0	100,0	100,0

Мы определяли гражданский капитал на основе нескольких различных вопросов, позволяющих измерить оценку респондентом своего влияния (на проблемы села, гмины, воеводства, страны) и декларируемую им свою электоральную активность. Высоко оцениваемое личное влияние на решение проблем, касающихся государства, края, и декларируемое участие в выборах (в органы самоуправления, в парламентских выборах, в общеевропейских референдумах) давали основание для относительно высокой оценки гражданского капитала. Позиции, указывающие на более ограниченный круг граждан-

Гражданский капитал в более широком смысле «проваливается» именно там, где отсутствие чувства социальной безопасности совмещается с ощущением отсутствия перспектив (деревни в цивилизационно отсталых регионах с преимущественно традиционным крестьянским хозяйством).

ской активности, оценивались нами как средние, а отсутствие чувства личного влияния и декларации о неучастии в выборах определялись как низкий уровень гражданского капитала.

Как показывают данные таблицы 3, наиболее редко высокий уровень гражданского капитала встречается в исследуемых сельских гминах. Низкий уровень, означающий политическую пассивность и отчуждение, встречается в два раза чаще. В некоторых гминах гражданский капитал выражен ещё слабее. Это касается гмин, где доминирует неактивное либо рабочее население (пригородные гмины), а также гмин, отсталых в цивилизационном отношении, где настроения безнадежности выражаются в политической пассивности и отчуждении. Гражданский капитал в этих случаях оказывается непосредственно связанным с капиталом социального доверия. Там, где это доверие находится на низком уровне и ограничивается самыми близкими контактами, там равным образом не проявляется и гражданское чувство. Исключение составляют случаи малой родины. Гражданский капитал в более широком смысле «проваливается» именно там, где отсутствие чувства социальной безопасности совмещается с ощущением отсутствия перспектив (деревни в цивилизационно отсталых регионах с преимущественно традиционным крестьянским хозяйством).

Важным элементом социального капитала, от которого в значительной мере зависит то, как он будет использован, является отношение к переменам, происходящим на селе и в более широком социальном окружении. Легко можно себе представить, что готовность включаться в деятельность на пользу общего блага – на селе наиболее заметная в локальных общинах – может приводить к очень разным результатам. Она может означать тенденцию к эксклюзии, укрепляя село в его неподвижности и изолируя его от внешних влияний. Но она может также означать тенденции ассимиляции, игнорирующие сельскую специфику. Многое зависит от того, как видится действительность и какое направление преобразований поддерживается большинством, а также от местных лидеров, которые могут конвертировать социальную ангажированность в различные типы активности.

Каково же отношение сельских жителей к системным переменам? Принимают ли они общую линию проводимых и предполагаемых реформ? Мы просили давать оценки разным ситуациям и преобразованиям как в отношении собственной деревни, села вообще, так и польского общества в целом. Совокупность этих оценок, взглядов и мнений, связанных с направлением осуществляемых преобразований, мы назвали *инновационным капиталом* («капитал открытости»), который означает здесь степень открытости по отношению именно к этим изменениям. Также, как и для других кате-

горий социального капитала, здесь мы использовали шкалу различных уровней инновационного капитала: низкий уровень (означающий нежелание перемен, трактовку перемен в категориях угрозы), средний (амбивалентное, неоднозначное отношение) и высокий (означающий рационально позитивное отношение к переменам, оценку их в категориях шансов и вызова).

Из совокупности данных, полученных в ходе исследования, вытекало, что энтузиастов системных преобразований и перемен, которые за ними следуют, среди сельского населения крайне мало (7,9%). Принципиальных противников в шесть с половиной раз больше (см. таблицу 4). Наиболее распространённое амбивалентное отношение (более половины опрошенных) следует трактовать как вполне обоснованную позицию, которая не свидетельствует ни о противостоянии реформам, ни о ксенофобии. Трудно быть энтузиастом дела, которое вызывает множество опасений.

Таблица 4

**Инновационный потенциал (ИП)
в сельских и городских гминах (N=1017), %**

КСА- уровень	Тип гмины				
	Благополучные пригородные гмины	Средние сельские гмины	Слабые сельские гмины	Сельские гмины в целом	Городские гмины в целом
Низкий	43,5	45,8	42,8	40,1	31,0
Средний	48,8	51,8	53,1	52,0	69,0
Относительно высокий	7,6	2,4	4,1	7,9	–
В целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Наиболее скептически настроены крестьяне, мелкие предприниматели и безработные. Особенно большие опасения и чувство угрозы вызывает у них перспектива вхождения Польши в ЕС. По-иному позиционируют себя относительно открытия Польши (и польского села) навстречу переменам группы, располагающие какими-либо активами (образование, квалификация, машинный парк), – более зажиточные предприниматели, специалисты, учащаяся молодёжь. Эти группы связывают надежду на улучшение условий жизни и расширение жизненных шансов именно с рационализацией решения многих проблем на селе и в сельском хозяйстве и с присутствием Польши в ЕС. Безусловно, доброжелательно относится к переменам молодёжь. Крестьяне – самые активные противники вступления Польши в ЕС – смягчили свое отношение после того, как обнаружили, что средства Европейского союза – это единственный источник, которым можно воспользоваться для проведения реформ на селе и для реализации местных инициатив (см.: [13]).

Энтузиастов системных преобразований и перемен, которые за ними следуют, среди сельского населения крайне мало (7,9%). Принципиальных противников в шесть с половиной раз больше. Наиболее распространённое амбивалентное отношение (более половины опрошенных) следует трактовать как позицию, которая не свидетельствует ни о противостоянии реформам, ни о ксенофобии.

Учёт всех этих элементов социального капитала в целом даёт представление об определённом *стиле вовлечённости в общественную деятельность*. Понимание этого стиля позволяет понять, на что – на какой тип поддержки – можно рассчитывать, предлагая программы активизации сельских локальных сообществ либо привлекая в разного рода инициативы.

Таблица 5

Стиль вовлечённости в общественную сферу жизни и тип гмины (N=1117), %

Стиль деятельности	Тип гмины				
	Пригородные гмины	Средние сельские гмины	Слабые сельские гмины	Сельские гмины в целом	Городские гмины в целом
Недоверчивый, пассивный	25,6	9,5	18,3	19,4	24,0
Амбивалентный	55,0	63,1	57,2	54,9	69,0
Открытый, ангажированный	19,4	27,4	24,5	25,8	7,0
В целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Данные таблицы 5 показывают, что доминирует амбивалентный тип (55%) – осторожные оценки системных изменений, недоверие по отношению к внешнему окружению, но одновременно отзывчивость на проблемы собственного общества и готовность включиться в практические действия на благо сообщества, при условии, однако, что инициаторами выступают другие, главным образом, из «своих». Всё это создает совокупность черт, которые приложимы также к образу «среднего» поляка-гражданина: не очень уверенного в своём личном влиянии на деятельность институций и учреждений государства, однако не лишаящего себя права влиять, по крайней мере, на ход выборов; не отрицающего идеи общественной солидарности, но с большим удовольствием пользующегося привилегиями гражданина, имеющего в своём распоряжении государственные учреждения и институты.

Вторым по численности выступает открытый, ангажированный тип (26%), который может быть описан двумя почти противоположными стилями деятельности. Первый – это стиль «реформатора – активного гражданина», второй – «реформатора-мечтателя». Оба эти стиля совмещают в себе позиции социальной ангажированности, убеждённости в необходимости совместных действий во имя общего дела и готовность взять на себя в этом отношении личные обязательства. В обоих случаях присутствует осознание возможности оказывать влияние на гораздо более крупные проблемы, чем вопросы ближайшего окружения, а также высокий уровень политического критцизма. И в том, и в другом случае можно отметить позиции

высокой электоральной активности. Принципиальное отличие «реформатора – активного гражданина» от «реформатора-мечтателя» заключается в различных трактовках тех перемен, которые совершаются в Польше, а также в тех ожиданиях, которые связаны с присоединением Польши к ЕС. Первый тип глубоко верит в содержание и необходимость дальнейших перемен, тем более что в его понимании они являются необходимым условием его собственной жизненной активности (личных планов, которые он намерен реализовать). Второй тип принимает происходящие перемены, поскольку надеется, что они изменят – как по мановению волшебной палочки – его положение в жизни, обеспечат более беззаботное будущее.

Тип «реформатора – активного гражданина», прежде всего, обнаруживается среди сельских элит, но не только. Отчасти он представлен и сельской интеллигенцией, и развивающими свой бизнес предпринимателями, и учащейся взрослой молодёжью. Тип «реформатора-мечтателя» более характерен для гмин с неблагоприятными социально-экономическими характеристиками.

Наименее распространены на селе позиции отчуждения, пассивности, равнодушия, когда люди и не испытывают потребности вмешиваться в проблемы других людей, и не выказывают готовности к совместной активной деятельности (считают, что решать «определённые» проблемы должны другие – учреждения, институции). Такие позиции на селе даже более редки, чем в городской среде. Существуют характерные различия внутри самой сельской среды – между сёлами в сельскохозяйственных (и крестьянских) районах и сёлами в пригородной местности, которые в этом плане ближе к городу, т. к. насчитывают большое число отчуждённых и пассивных личностей, хотя, с другой стороны, в них существенно больше, чем в городских гминах, личностей открытых и ангажированных.

Имеют ли какую-либо практическую значимость обнаруженные в ходе исследования закономерности? Скорее да, если взглянуть на два последних столбца представленных в статье таблиц и сопоставить данные, касающиеся городских и сельских гмин. Легко можно увидеть, что согласно этим данным стереотипное представление об атрофии социального капитала на селе не находит своего подтверждения. Более того, основные показатели факторов, составляющих социальный капитал, выглядят значительно лучше в цивилизационно отсталых гминах. Такие данные противоречат сложившемуся представлению о традиционных, культурно однородных местных сообществах, в определённом смысле шокируют и представляют чрезвычайные трудности для интерпретации. Прежде всего потому, что они питают излишний и поверхностный оптимизм – ведь бедные и цивилизационно отсталые сельские сообщества

обладают сильным социальным капиталом, которого никто от них не ожидал и который является столь редким и искомым качеством. Но должны ли мы радоваться этому, и если да, то почему?

Обратимся к рассмотренному нами выше разделению социального капитала на капитал «сплачивающий» (bonding) и капитал «наведения мостов» (bridging). Первый может быть описан в категориях укрепления связей и исключения, второй – в категориях наведения переправ и включения (инклюзии). Формирование социального капитала может вести к укреплению связи между членами сообщества, а может также формировать такой социальный капитал, который позволяет «наводить переправы», т. е. открываться на новый тип связей, новые ценности, новые, культурно «чужие» источники ресурсов, означающие не только ассимиляцию с господствующей культурой и с требованиями глобального общества (они связывают с надлокальной общностью), но и обеспечение новыми источниками, актуализирующими внутренние, уже имеющиеся в наличии ресурсы, благодаря которым можно более результативно решать собственные (локальные) проблемы и соблюдать собственные (общественные) интересы.

Как пишет Патнэм (см.: [6]), капитал *сплачивающий* – это совокупность признаков, свидетельствующих о специфической системе взаимосвязи и мобилизации солидарности в группе, институции, локальном сообществе. Капитал *наводящий мосты* – это совокупность признаков, свидетельствующих о способности людей (сообществ) открываться к тому, что находится за их пределами и «над ними», это специфическая готовность к пополнению своих ресурсов теми, которые можно приобрести путем «наведения переправ». Наводящий мосты социальный капитал может генерировать более обширные идентификации и взаимосвязи, выходящие за пределы локальной структуры. Сплачивающий социальный капитал поддерживает узкие рамки самобытности и замыкается перед возможностью обогащаться за счёт чужеродного влияния («изменяемость»).

Эти терминологические различия позволяют обнаружить, что социальный капитал имеет не только светлую сторону, что существует не только «хороший» социальный капитал. А. Портес называет четыре «тёмные стороны» сильного (сплачивающего) капитала (см.: [14, с. 1–24]). Первая выражается в опасности исключения людей из собственной группы всякий раз, как возникает подозрение, что другие (чужие) угрожают сплочённости и самобытности собственной группы, либо уменьшают шансы на доступ к социально одобряемым ценностям (благам). В этих случаях возникает тенденция к поддержанию чувства сплочённости только для «своих» и в пределах «своих». Вторая опасность сильного (сплачивающего) социального капитала связана с риском огра-

ничения инициативности и окостенения сообщества, поскольку социальный капитал формируется, опираясь на отрицание новизны, в рамках «традиционных» правил групповой жизни. В-третьих, сильный (сплачивающий) социальный капитал (сильные связи и сильные групповые нормы) не слишком много места оставляет для индивидуализма, который, будучи достаточно проблематичен сам по себе, тем не менее, обладает важными позитивными качествами. Наконец, в-четвертых, сильный социальный капитал порождает механизмы, позволяющие сохранять социальные диспропорции, затрудняющие преодоление более глубоких конфликтов системы. Например, посредством механизмов самоисключения, он позволяет существовать группам, сплочённым вокруг оппозиционных культур, которые в таком случае становятся «узким местом» преобразований. На такие группы не оказывают воздействия ни стратегии убеждения, ни социотехники, ни программы поощрения инициатив (пример – самовоспроизводящаяся культура бедности).

Однако основной вопрос заключается в том, происходит ли в описанных социальных сообществах конверсия социального капитала типа “bonding” в социальный капитал типа “bridging”, и наоборот? Иными словами – может ли эндогенный (принадлежащий локальному сообществу) социальный капитал генерировать экзогенный капитал (конструирующий сельские сети поддержки). Одновременно – с другой стороны – в состоянии ли экзогенный капитал, вызванный к жизни процессами унификации, разбудить и активизировать внутренние социальные ресурсы села? В этом смысле приведённые в статье исследования остановились там, где проблемы только начинаются.

Безусловно, очень важную роль в этих процессах играют лидеры локальных сообществ. От них зависит многое, и, прежде всего, будет ли формироваться социальный капитал с целью социальной инклюзии или эксклюзии, будет ли он опираться на связи типа “bonding” или типа “bridging”, будет ли он способен в дальнейшем умножать внутренние связи таким образом, чтобы повышать готовность сообщества отвечать на новые вызовы или чтобы поддерживать особость группы и использовать её потенциал в решении собственных локальных проблем. В самом деле – в руках лидеров и всей программы LEADER+ не только дело активизации локальных ресурсов и инициатив, но также ответственность за их развитие в верном направлении и за более отдалённые последствия.

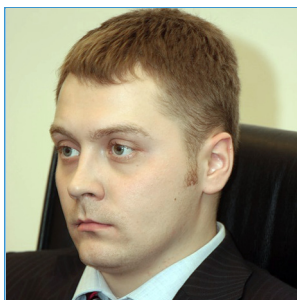
Безусловно, очень важную роль в процессах активизации внутренних социальных ресурсов села играют лидеры локальных сообществ.

Библиографический список

1. Smith, M. K. Social Capital // The encyclopedia of informal education (Infed). URL: http://www.infed.org/biblio/social_capital.htm (6.12.2011).
2. Cohen, D.; Prusak, L. In Good Company. How social capital makes organizations work. – Boston, Ma.: Harvard Business School Press, 2001.
3. Bourdieu, P. The forms of capital // S. Ball (red), The RoutledgeFalmer reader in sociology of education. – London: RoutledgeFalmer, 2004.
4. Ball, S. Class strategies and the educational market. The middle classes and social advantage. – London: Routledge Falmer, 2003.
5. Coleman, J. The role of the social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94.
6. Putnam, R. D. Bowling Alone. The collapse and revival of American community. – New York: Simon and Schuster Paperbacks, 2000.
7. Gołaszewska, B. Kapitał społeczny wsi a skuteczność pozyskiwania środków unijnych. Докторская диссертация. Науч. рук. проф. С. Клопота. – Wrocławski Uniwersytet, 2008.
8. Czapiński, J. Kapitał społeczny // Janusz Czapiński, Tomasz Panek (red). Diagnoza Społeczna. 2005.
9. Гмина // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%EC%E8%ED%EO> (6.12.2011).
10. Szafraniec? K. (red.). Kapitał ludzki i zasoby społeczne wsi. Ludzie – społeczność lokalna – edukacja. – Warszawa: IRWiR PAN, 2006.
11. Szafraniec, K. (red.) Jednostkowe i społeczne zasoby wsi. – Warszawa: IRWiR PAN, 2006.
12. Fedyszak-Radziejowska, B. Kapitał społeczny wsi – w poszukiwaniu utraconego zaufania // Krystyna Szafraniec (red), Kapitał ludzki i zasoby społeczne wsi. Ludzie – społeczność lokalna – edukacja. – Warszawa: IRWiR PAN, 2006.
13. Głuszyński, J. Opinie mieszkańców wsi i rolników na temat integracji, przed i po wejściu Polski do Unii Europejskiej // Wieś i Rolnictwo (numer specjalny). 2005.
14. Portes, A. Social capital: its origins and applications in modern sociology // Annual Review of Sociology. 1998. N 24.

Трибуна молодого учёного

Система политического планирования в органах государственной власти Российской Федерации

Глухов Константин Вячеславович – соискатель
на степень кандидата политических наук
ИС РАН

E-mail: konstantinglukhov@gmail.com

Система политического планирования в органах государственной власти Российской Федерации

Аннотация

Статья представляет собой анализ системы и применяемых на практике инструментов государственного политического планирования в Российской Федерации. Рассмотрены три концепции – Бюджетирование, ориентированное на результат, основные направления деятельности правительства и проекты комиссий по модернизации и техническому развитию - сделан вывод о наличии системы политического планирования и осознании агентами политической системы его необходимости.

Abstract

This article contains an analysis of the system of the state political planning in the Russian Federation and explores the outcomes of its practical usage.. There are three concepts (result driven budgeting, priority planning and projects of the commission on modernization and technological development) that are discussed. The paper assesses the effectiveness of the system of political planning and its agents' awareness of its necessity.

Ключевые слова: правительство, планирование, государственная политика, бюджетирование

Keywords: government, planning, governmental policy, budgeting

В условиях существующей политической неопределённости (в преддверии выборов 2012 г.) информация о том, кто планирует деятельность политической системы (т. е. кто занимается политическим планированием), а также понимание того, кто и за что отвечает в данной системе, как никогда, актуально. Целью исследования является анализ процесса создания системы политического планирования в органах государственной власти РФ в последнее десятилетие.

Для начала, необходимо определиться с самим понятием «политическое планирование». Собственно политическое планирование (далее ПП) – это обоснование политического фундамента (базиса) стратегии посредством учёта множества политических факторов, которые определяют направление развития общества во всех его сферах. Иными словами, это инструмент политического влияния на принятие стратегических решений. В политической науке подчёркивается именно политическая составляющая ПП. Так, согласно Бенвенисте «Планирование – техническая деятельность, но не только. Нельзя не учитывать политические соображения» [1, с. 88]. Целью ПП является определение вектора направления деятельности политических акторов и власти в целом.

Политическая практика показывает, что принятые за последний год решения власти периодически пересматриваются. Это может свидетельствовать о постоянной смене именно политического вектора. Чем ближе к выборам 2012 г., тем более видны разногласия между двумя главными фигурами политического поля. Таким образом, необходимо разобраться, какие структуры формируют «правила игры» и отвечают за их выполнение, т. е. определяют политическое обоснование деятельности структур власти.

Анализ проведён на основании официальных документов Правительства РФ, интернет сайтов основных министерств и ведомств (прежде всего, сайта Министерства экономического развития РФ), интервью с агентами политического планирования.

Основной подход, используемый для анализа – неинституциональная теория, который предполагает, что, помимо ресурсных и технологических ограничений при принятии решений, существуют и институциональные ограничения структуры общества. Такие ограничения и будут рассмотрены.

Политическое планирование: история возникновения и развития (становления) института

Развитие данной системы восходит к середине 90-х гг. XX в., когда в практику был введён термин «Федеральная целевая программа» (см.: [2]). Более активно подобное возвращение политического планирования в государственную управленческую практику происходит в начале 2000-х гг. в рамках внедрения концепции бюджетирования, ориентированного на результат (далее – БОР).

Системно внедрение данного подхода началось с федерального уровня сразу после начала административной реформы (см.: [2]). Формально процедура свелась к подготовке

федеральными министерствами вместе с подведомственными агентствами и службами среднесрочных бюджетных планов под названием «Доклады о результатах и основных направлениях деятельности» (далее – ДРОНДы), а также подготовкой Ведомственных целевых программ (ВЦП) и Сводного доклада Правительства РФ (силами Минэкономразвития и аппарата Правительства РФ). Целью реформы был отказ от сметного финансирования (на основе индексации сложившихся затрат по позициям бюджетной классификации) и переход на программно-целевое бюджетное планирование, благодаря чему возникает возможность направлять бюджетные ресурсы на достижение конечного общественно-значимого и, как правило, количественно измеримого результата деятельности администраторов бюджетных средств.

Более поздним нововведением (2008 г.) в системе политического планирования в органах государственной власти РФ является система «Основные направления деятельности Правительства» (далее – ОНДП), которые, по сути, объединяют все программные документы, обеспечивающие решение поставленных стратегических целей страны (см.: [4]).

Предпосылкой возникновения инструмента ОНДП в системе политического планирования в органах государственной власти РФ служит тот факт, что одновременно перевести на программную основу всю деятельность государственного аппарата РФ не представляется возможным. Поэтому, было принято решение сосредоточиться на наиболее важных, с точки зрения Правительства РФ, направлениях деятельности.

Последними по времени появления (2010 г.) в системе политического планирования стали проекты комиссий по модернизации и техническому развитию, которые схожи по своей сути с проектами ОНДП.

Политическое планирование: структура, её проблемы и недостатки

Структурно система политического планирования состоит из таких элементов, как трёхлетний федеральный бюджет (впервые принятый в 2008 г.), ряд целевых программ, которые реализуются в рамках системы БОР, осуществляются также перспективное финансовое планирование, формирование реестра расходных обязательств субъекта бюджетного планирования¹ (далее – СБП), готовятся доклады о результатах и основных направлениях деятельности СБП.

¹ Субъект бюджетного планирования в системе федеральных органов исполнительной власти – федеральное ведомство, которое напрямую подчинено Правительству или Президенту РФ.

Структурно система политического планирования состоит из таких элементов, как трёхлетний федеральный бюджет, ряд целевых программ, перспективное финансовое планирование, формирование реестра расходных обязательств субъекта бюджетного планирования, доклады о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования.

Наверху «системной пирамиды» политического планирования находится трёхуровневая система целей Правительства РФ (зафиксированная в Сводном докладе о результатах и основных направлениях деятельности Правительства РФ (см.: [5]), охватывающая все направления деятельности и затрагивающая вопросы как функционирования, так и развития (см. рис 1). Верхний уровень составляют четыре базовые цели: повышение уровня и качества жизни населения, обеспечение высоких темпов экономического роста, повышение уровня национальной безопасности и создание потенциала для будущего развития. На втором уровне список целей конкретизируется и расширяется до двадцати шести. Далее цели разделяются до ста четырнадцати на третьем уровне. Наличие нескольких уровней в данной структуре объясняется необходимостью постепенного выделения направлений развития страны, для которых формулируются более конкретные цели.

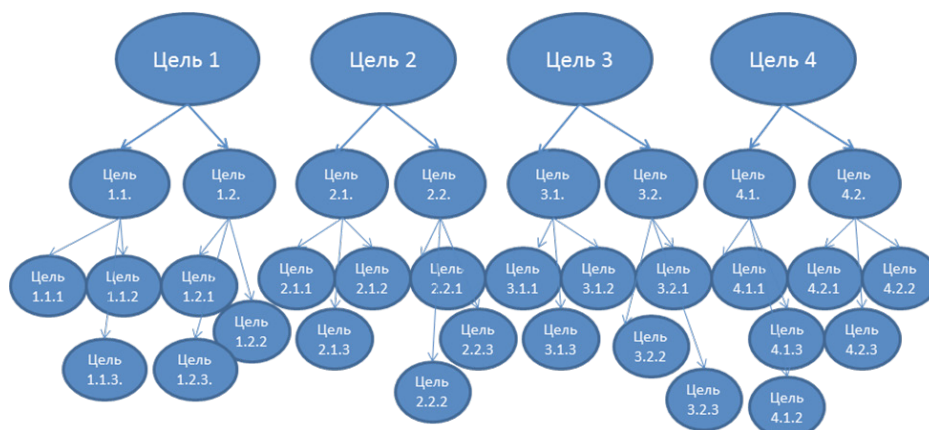

Рис. 1. «Системная пирамида» политического планирования

Поскольку целеполагание есть построение «дерева целей» сверху вниз от единой общей цели (миссии) к её конкретизации посредством более узких целей и задач по её реализации, то недостатком этой системы является отсутствие основного направления движения (главной цели, миссии).

Одним из инструментов политического планирования выступает Доклад о результатах и основных направлениях деятельности субъекта Российской Федерации. В этом документе представлена стратегия деятельности властей субъекта РФ по достижению поставленных целей и задач развития в среднесрочной перспективе (три года). Подготовка доклада регламентируется Постановлением Правительства РФ (см.: [3]).

В ДРОНД включены отдельные инструменты ПП – целевые программы ведомств (далее – ЦПВ), разделённые на утверждаемую и аналитическую (ВЦП и АЦП), которые объединяются в документ под названием «Бюджетная целевая программа», реализуемая субъектом бюджетного планирования (см.: [6]). Кроме этого, в ДРОНД могут входить части федеральных целевых программ (далее – ФЦП).

Наверху «системной пирамиды» политического планирования находится трёхуровневая система целей Правительства РФ, охватывающая все направления деятельности и затрагивающая вопросы как функционирования, так и развития.

Одним из инструментов политического планирования выступает Доклад о результатах и основных направлениях деятельности субъекта Российской Федерации.

Ведомственная целевая программа (далее – ВЦП) представляет собой инструмент планирования, который содержит программу действий под выделенные бюджетные средства. По своей сути, ВЦП – связующее звено между целями и задачами субъекта бюджетного планирования и конкретными мероприятиями по их достижению и реализации. Конечно, о тотальном «программировании» деятельности субъектов бюджетного планирования речь не идёт. Тем не менее, ключевые её направления должны быть оформлены в виде целевой программы.

Ведомственные целевые программы могут составлять-ся в 2-х видах:

- *утверждаемая ведомственная целевая программа* (или целевая программа ведомства) – утверждаемый субъектом бюджетного планирования комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на решение конкретной тактической задачи, стоящей перед главным распорядителем средств федерального бюджета и описываемой измеряемыми целевыми индикаторами; эта программа является самостоятельным документом, отдельные её положения и параметры включаются в доклад о результатах и основных направлениях деятельности субъекта бюджетного планирования;
- *аналитическая ведомственная целевая программа* (или аналитическая программа ведомства) – выделяемая в аналитических целях при подготовке доклада о результатах и основных направлениях деятельности субъекта бюджетного планирования группировка расходов, направленных на решение конкретной тактической задачи, стоящей перед главным распорядителем средств федерального бюджета, описываемой целевыми индикаторами.

Основная разница между этими двумя видами программ состоит в выборе способа финансирования: для аналитической ведомственной целевой программы предполагается находить средства уже в утверждённом бюджете ведомства, тогда как для утверждаемой целевой программы ведомства необходимо запрашивать дополнительное финансирование у Правительства РФ.

Со структурной точки зрения, подобный подход позволяет её разработчику, а именно Правительственной комиссии, оценить, насколько ведомства перегружены (или, наоборот, недогружены) имеющимся у них функционалом и насколько он поддерживается выделяемым бюджетом.

Федеральная целевая программа – это один из самых первых инструментов планирования, внедрённых в государственную практику в 1995 г. (см.: [2]) и в последующем корректировавшихся (см.: [7]).

Федеральная целевая программа – это один из самых первых инструментов планирования, внедрённых в государственную практику в 1995 г.

Как следует из определения, данного в Постановлении Правительства РФ № 842 от 22.12.2004 г., «Федеральные целевые программы и межгосударственные целевые программы, в осуществлении которых участвует Российская Федерация (далее – целевые программы), представляют собой увязанный по задачам, ресурсам и срокам осуществления комплекс научно-исследовательских, опытно-конструкторских, производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий, обеспечивающих эффективное решение системных проблем в области государственного, экономического, экологического, социального и культурного развития Российской Федерации» [7].

Целевые программы – один из важнейших элементов управления социально-экономическим развитием страны. Программы должны быть направлены на решение наиболее актуальных и значимых проблем, стоящих перед обществом и государством.

ФЦП может состоять из нескольких подпрограмм, направленных на решение конкретных задач в рамках программы. Подобное разделение применяется в случае масштабной проблемы, решение которой требует дополнительных задач и мероприятий.

ФЦП как обособленный элемент в системе государственного политического планирования предназначен для достижения той или иной цели Правительства РФ, для чего предполагается привлечение нескольких ведомств (в том числе и регионального уровня). То есть, поставленная цель выходит за рамки функционала одного конкретного ведомства.

Отчётный документ Правительства «Сводный доклад о результатах и основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации» разрабатывается на три года (см.: [5]), он консолидирует информацию о деятельности ФОИВ, в том числе касающуюся реализации задач, заданных в Среднесрочной программе, Долгосрочном прогнозе и Концепции развития. В Сводном докладе:

- проводится анализ достижения целей Правительства Российской Федерации и решения задач органов исполнительной власти в отчётном периоде;
- характеризуется комплексная система целей Правительства Российской Федерации, состоящая из долгосрочных стратегических и среднесрочных целей социально-экономического развития (как выделенных в качестве приоритетных, так и охватывающих другие, неприоритетные в данный момент, сферы жизни общества);

- формируется целостная система показателей, характеризующих степень достижения целей, а также их плановые значения на текущий год и каждый год планового периода;
- определяется ответственность органов власти (как на федеральном уровне, так и на региональном) за достижение намеченных результатов;
- содержится комплекс мер, осуществляемых органами исполнительной власти, и распределение ресурсов, необходимых для их реализации.

Согласно позиции разработчиков системы ГСП, Сводный доклад Правительства РФ должен служить основой для формирования Федерального бюджета, который определяет общие бюджетные ограничения на среднесрочную перспективу и содержит лимиты объёмов действующих и принимаемых обязательств, в том числе в программной разбивке бюджетных расходов. Таким образом, каждая программа (целевая статья) должна содержать показатели результативности, имеющие связку (посредством Сводного доклада) с показателями реализации целей.

Организационно Сводный доклад Правительства РФ в системе государственного политического планирования представляет собой свод целей СБП и их влияние на достижение стратегических целей страны. В этом своде представлен как отчёт за предыдущие три года работы СБП и Правительства, так и план на трёхлетнюю перспективу с возможностью ежегодной корректировки бюджета и показателей достижения целей. В документе, помимо всего прочего, представлены плановые и фактические показатели достижения целей за трёхлетний период. Это позволяет увидеть, насколько полноценно была достигнута та или иная цель Правительства.

Следующий инструмент политического планирования – *Основные направления деятельности Правительства*. Данный элемент системы ПП есть попытка сосредоточить основное внимание и усилия на ряде ключевых направлений работы Правительства РФ. Реальным инструментальным воплощением ОНДП служат карты проектов, которые являются целевой программой, усовершенствованной с точки зрения оценки и контроля исполнения.

Каждый проект представляет собой набор связанных мер по решению одной из актуальных проблем, стоящих перед Правительством РФ. Перед каждым проектом определяется цель (допустимо наличие нескольких целей у проекта), которая делится на задачи, а задачи в свою очередь – это набор мероприятий по реализации поставленных целей.

Для каждого проекта готовится отдельная карта проекта, которая презентует схематичное изображение показателей достижения поставленных целей и задач перед про-

Сводный доклад
Правительства РФ должен
служить основой для фор-
мирования Федерального
бюджета, который опре-
деляет общие бюджетные
ограничения на средне-
срочную перспективу и со-
держит лимиты объёмов
действующих и принима-
емых обязательств, в том
числе в программной
разбивке бюджетных рас-
ходов.

ектом (с разбивкой по каждой цели, задаче и мероприятию), финансовое обеспечение по годам и источникам, одновременно она объединяет вложенные средства, используемые инструменты и достигнутые результаты по каждому показателю.

По своей сути, подход ОНДП не связан с системой стратегических целей страны (хотя, конечно же, при отборе 60 приоритетных проектов, часть из обозначенных ранее целей Правительства, несомненно, была учтена), с ДРОНДами прежде всего. ФЦП и ЦПВ могут быть составной частью какого-либо проекта, что не обязательно. ДРОНД – это инструмент самого ведомства, тогда как проект – узкий сегмент одной из проблемных сфер развития общества, за решение которого ответственно одно из ведомств.

Организационно ОНДП в определённой степени заменяет такие инструменты политического планирования, как ДРОНД и ВЦП для отдельно взятой цели Правительства (стратегически важной с точки зрения последнего).

На данный момент из 44 существующих утверждены только 17 проектов. За каждым из утверждённых проектов закреплён ответственный исполнитель – ведомство.

Ещё один элемент системы ПП – *Проекты комиссий по модернизации и техническому развитию*. На настоящий момент утверждено 37 подобных проектов, ответственным исполнителем по каждому из них назначено конкретное ведомство.

В целом, рассмотренная система политического планирования представляется слишком громоздкой и многоступенчатой, с избыточным количеством целей, институтов (элементов) и исполнителей. Из-за подобной сложности система политического планирования по своей сути неработоспособна.

Исходя из вышеизложенного и принимая во внимание постоянные изменения в конструкции системы политического планирования, можно сделать вывод, что структурно, система политического планирования в органах государственной власти вплоть до текущего момента не сложилась.

Политическое планирование: функции и ответственность структур, реализующих ПП

Рассмотрим, прежде всего, функционал субъектов политического планирования по подготовке Докладов о результатах и основных направлениях деятельности (ДРОНД) и программ, разработанных органами исполнительной власти (ЦПВ и ФЦП). Собственно, сами федеральные органы исполнительной власти разрабатывают цели и задачи своей деятельности, показатели уровня их достижения, расписывают под них свои бюджеты и считают эффективность бюджетных

Система политического планирования представляется слишком громоздкой и многоступенчатой, с избыточным количеством целей, институтов (элементов) и исполнителей. Столь высокая сложность системы политического планирования по своей сути неработоспособна.

расходов по специально разработанным методическим рекомендациям (см.: [8]). Также ими самостоятельно оценивается вклад в элементы более высокого уровня: для целей субъекта бюджетного планирования (СБП)¹ – это вклад в стратегические цели развития страны (цели Правительства), а для программ, разработанных министерствами и ведомствами, – в достижение цели самого СБП. Все эти показатели отражаются в ДРОНДах министерств и ведомств.

Подобная иерархия целей предполагает, что цели третьего уровня представляют собой цели СБП (министерств и ведомств), отражаемые в годовых отчётных докладах (ДРОНДах). Однако возникают такие ситуации, когда некоторые цели третьего уровня остаются без ответственного за их реализацию СБП. В этом случае встаёт вопрос о наделении дополнительными полномочиями одного из СБП. «Бесхозные» цели – системная проблема государственного целеполагания.

Возникают также и обратные случаи, когда за достижение одной цели третьего уровня ответственно два и более СБП. Тогда возникает вопрос об избыточности функций и их дублировании в системе государственного управления.

Однако на практике СБП руководствуются не методическими рекомендациями, а необходимостью увязки целеполагания со своими полномочиями и функциональными обязанностями, прописанными в положениях, при этом избираются наиболее приемлемые или исполнимые. Иными словами, руководство многих ведомств стремится закрепить за собой ответственность за достижение тех целей третьего уровня, которые однозначно относятся к сфере деятельности ведомства и которые представляются относительно легко достижимыми.

Поэтому, несмотря на то, что система целей каждого ведомства охватывает все аспекты его деятельности, в сумме они не сводятся к целям нижнего уровня системы целей правительства. Это существенный недостаток нынешней системы государственного политического планирования.

Причиной возникновения подобных ситуаций служит, с одной стороны, неурегулированность отношений между государственными структурами по вопросу разделения функциональной ответственности за то или иное направление деятельности, а с другой – просчёты при разработке данной системы государственного политического планирования, в случаях, когда действующая конструкция государственного аппарата не принимается во внимание. Выходом из сложившейся ситуации может стать пересмотр либо целей Правительства, либо структуры государственного аппарата.

¹ Субъект бюджетного планирования в системе федеральных органов исполнительной власти – федеральное ведомство, которое напрямую подчинено Правительству или Президенту РФ.

«Бесхозные» цели – системная проблема государственного целеполагания.

Руководство многих ведомств стремится закрепить за собой ответственность за достижение тех целей, которые однозначно относятся к сфере деятельности ведомства и относительно легко достижимы.

Подготовленные ДРОНДы и программы для проверки на соответствие методологическим установкам системы БОР направляются на рассмотрение в Минэкономразвития РФ, а для проверки финансового наполнения – в Минфин РФ. Экспертные заключения от Минэкономразвития и Минфина РФ далее поступают в Правительство РФ.

Сводный доклад Правительства готовится профильным департаментом Министерства экономического развития и направляется на последующее рассмотрение и утверждение в Правительство Российской Федерации.

Руководство ПП обеспечивается деятельностью Правительства РФ.

Механизм реализации основных направлений деятельности Правительства, а также полномочия участников этого процесса выглядят следующим образом (см.: [9]):

1. Ведомство, ответственное за реализацию определённого направления деятельности, обеспечивает:

- разработку карты проекта, подготовку квартальных и годовых отчётов по реализации проекта;
- утверждение карты проекта;
- осуществление текущего управления проектом и внесение предложений и по его корректировке.

2. Минэкономразвития России отвечает за:

- проведение экспертиз карт проектов и предложений по их корректировке;
- подготовку сводного доклада о реализации проектов;
- утверждение методические указания по разработке и утверждению карты проекта и составлению отчёта о ходе исполнения проектов.

3. Минфин России проводит:

- экспертизу карт проектов и предложений по их корректировке в части данных об использовании средств федерального бюджета.

4. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации:

- формирует единую карту базы данных карт проектов;
- проводит анализ карт проектов и предложений по их корректировке;
- анализирует ход исполнения проектов.

Концептуально ОНДП представляет собой несколько иной подход, нежели БОР и система отчётных докладов (ДРОНД), хотя, на первый взгляд, по идеологии и конструкции системы оба подхода схожи. Принципиальная разница состоит в отказе от попытки проконтролировать одновременно весь процесс государственной деятельности и сосредоточить все усилия и средства на приоритетных направлениях. Подобный подход сигнализирует об отказе от существовавшей ранее единой для всех идеи внедрения системы планирования, без учёта региональных и отраслевых особенностей.

Таким образом, принятие решений в данной системе зависит, прежде всего, от конкретных исполнителей, что говорит о том, что принимаемые решения заведомо субъективны. В то время как процесс выбора приоритетов государственного управления должен носить рациональный характер и не зависеть от субъективных факторов и поведения лиц, принимающих решения. Следует констатировать, что система реального политического планирования до сих пор так и не сложилась в федеральных органах исполнительной власти.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что субъекты политического планирования по большому счёту слабо владеют ситуацией, которая в свою очередь развивается скорее стихийно, чем под чьим-либо воздействием.

Заключение

Использование неинституционального подхода для политологического анализа институциональных ограничений при создании системы политического планирования позволяет сделать следующие выводы.

1. На данный момент в структуре государственного планирования имеет место параллельное существование описанных выше систем. Отдельные мероприятия разных элементов системы планирования очевидно пересекаются, однако на текущий момент слияния их в единую систему (что необходимо для эффективности ПП) не происходит. Те методы и инструменты, которые уже не рассматриваются как фундаментальные для построения системы ПП, должны быть либо устранены из практики министерств и ведомств, либо использованы в качестве составных частей более современных инструментов. Сохранение морально устаревших элементов служит препятствием для полноценного развития системы политического планирования.

2. Другой очевидный недостаток данной системы заключается в том, что ни один из рассмотренных в данной статье подходов (система БОР, ОНДП и проекты комиссий по

Принятие решений в системе планирования зависит, прежде всего, от конкретных исполнителей.

Субъекты политического планирования слабо владеют ситуацией, которая развивается скорее стихийно, чем под чьим-либо воздействием.

модернизации и техническому развитию) к построению системы политического планирования не достиг поставленных перед ним целей. Проблема, в частности, заключается в самой постановке целей в системе политического планирования. Зачастую эти цели просто невозможно реализовать.

3. Анализ показал, что основной политической актор в системе государственной власти Российской Федерации, которым является Правительство РФ, не в состоянии выстроить стройную систему государственного планирования, что не может не отразиться на эффективности расходования бюджетных средств.

Таким образом, говорить о создании полноценной системы политического планирования (и повышения эффективности расходования бюджетных средств) в органах государственной власти на данный момент не приходится.

Выходом из подобной ситуации могут быть следующие решения:

- унификация и приведение в единую иерархическую систему всех действующих инструментов политического планирования (допускается объединение или ликвидация тех инструментов, чьи функции дублируются другим инструментом ПП);
- создание единого планового органа (в рамках министерства, либо аппарата Правительства РФ), который бы отвечал за координацию и контроль всей деятельности по осуществлению ПП в федеральных органах исполнительной власти;
- чёткое распределение всех имеющихся целей между министерствами и ведомствами, исходя из их функциональной направленности (возможно расширение функций для некоторых государственных структур в случае недостатка первых для достижения поставленных целей).

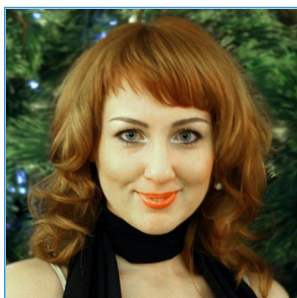
Библиографический список

1. Бенвенисте Г. Овладение политикой планирования: Создание реально выполнимых планов и политики, которая ведёт к переменам / Гай Бенвенисте; Пер. с англ. К. П. Михневич; Под общ. ред. М. Р. Калантаровой. – М.: Прогресс: Фирма «Универс», Б.г., 1994. – 303 с.
2. Постановление Правительства РФ № 594 от 26 июня 1995 года «О реализации Федерального закона “О поставках продукции для федеральных государственных нужд”».

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 мая 2004 года № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов».
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1663-р «Об утверждении Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года».
5. Сводный доклад о результатах и основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на 2008-2010 годы, рассмотренный Правительством Российской Федерации на заседании 27 декабря 2007 года.
6. Методический кабинет. Ведомственные программы // Федеральное казначейство. Официальный сайт. URL: <http://www.roskazna.ru/p/mk/vp.html> (01.12.2011).
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2004 г. № 842 «О внесении изменений в порядок разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация».
8. Методические рекомендации по подготовке Докладов о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования на 2006-2008 годы (Утверждены Минэкономразвития России и Минфином России).
9. Методические указания по разработке и утверждению карт проектов по реализации Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года. Утверждены приказом Минэкономразвития России от 6 апреля 2009 года № 114.

Трибуна молодого учёного

Экологический образ жизни российского и американского студенчества: особенности проявления и проблемы формирования

Ермолаева Полина Олеговна – аспирант
кафедры социологии Казанского
(Приволжского) федерального университета

E-mail: polina-e@mail.ru

Экологический образ жизни российского и американского студенчества: особенности проявления и проблемы формирования

Аннотация

В статье на базе эмпирических исследований автора анализируется экологический образ жизни российского (на примере г. Казани) и американского (на примере г. Форт Коллинз, штат Колорадо) студенчества: исследуются формы экологического поведения, экологического активизма, производится группировка студентов по типам экологической деятельности.

Abstract

Based on the author's research the article provides insights into the environmental lifestyles of the Russian (Kazan) and American (Fort Collins, Colorado) students. More specifically, the paper concentrates on the environmental behavior and environmental activism in students' milieu. It develops a student typology based on the assessment of their environmental behavior.

Ключевые слова: экологический образ жизни, экологическая деятельность, проэкологический активизм, типологизация

Keywords: environmental lifestyle, environment behavior, environmental activism, typological analysis

Введение

Рост образованности и материального благополучия стран, ориентации граждан на здоровый образ жизни и качество среды обитания в сочетании с продолжающимся ухудшением экологической обстановки привёл к переосмыслению самого понятия «экологический образ жизни», позволил говорить о его новой конфигурации, разнообразии стилевых репертуаров акторов. Экологический образ жизни представляет

собой широкий набор систематически воспроизводимых проэкологических практик населения, объединённых идеей ответственности субъекта за состояние окружающей среды.

В западных обществах на смену потребительскому приходит устойчивый образ жизни, создающий условия для гармоничного устройства и развития общества – социального, природного, экономического (см.: [1]). Суть такого образа жизни нашла отражение в концепции «устойчивого развития», утверждённой в 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро. В данной интерпретации, устойчивый или экологический образ жизни является не конечной целью, а процессом сбалансированного удовлетворения человеческих потребностей на разных уровнях социальной организации: индивидуальном, групповом, институциональном и социетальном.

Многие учёные отмечают изменения в поведенческих экологических практиках населения Европы и США, начиная с 1988 г. Согласно Р. Инглхарту, в период с 1970 по 1988 гг. в западных (в том числе в американском) обществах произошёл «культурный сдвиг», вызвавший изменения в сознании и ценностных ориентациях населения в сторону преобладания постматериальных ценностей над материальными. Доминирующими стали такие ценности, как самовыражение, самосовершенствование, повышение качества жизни (в том числе, в области окружающей среды) (см.: [2]).

Постматериальные установки и экологизация образа жизни заняли прочные позиции в общественном сознании после экономической рецессии 1980 г. Эти тенденции отразились на характере проэкологической активности населения.

Методология исследования

Основная цель, которая стояла перед нами, заключалась в изучении разных аспектов экологического образа жизни российского студенчества (на примере г. Казани) и американского студенчества (на примере г. Форт Коллинз). Исследование проводилось по ряду параметров, которые отразились в исследовательских задачах. К основным можно отнести следующие: изучение и сравнение экологического поведения, экологизации образа жизни и досуга, экологического активизма российского и американского студенчества.

Комплекс проблем, посвящённых разным проявлениям экологического образа жизни, был исследован нами на различных уровнях социальной реальности. В массовом сознании через проведение массового опроса студенчества г. Казани (n=650) и студенчества г. Форт Коллинз (n=450) по многоступенчатой комбинированной случайной выборке и в

сознании экспертов через полуструктурированные глубинные (экспертные) интервью с профессорско-преподавательским составом, научными сотрудниками исследовательских центров и градостроительных организаций, лидерами экологических и молодёжных организаций изучаемых регионов (n=35). Исследование проводилось в 2009-2010 гг.

В качестве исследовательской стратегии были использованы возможности сравнительного кейс-стади. Выбор регионов для его проведения был обусловлен несколькими взаимосвязанными причинами. Во-первых, это высокая концентрация студенчества в изучаемых регионах. Во-вторых, оба региона являются многонациональными. В-третьих, доступность объектов для проведения массовых опросов. Наконец, опыт проживания исследователя в изучаемых регионах. Последний пункт крайне важен для того, чтобы анализ зарубежных идей проходил с учётом того, на какие традиции, институты, правовые, политические, социально-экономические условия эти практики и мероприятия опираются. Всё это даёт нам право на сравнительный анализ данных регионов¹.

Экологическое поведение студенчества

В американской социально-экологической традиции принято говорить об экологическом поведении, что в содержательном плане является симметричным отечественному понятию «экологической деятельности».

Американские исследователи выделили два подхода к концептуализации экологического поведения (деятельности). С точки зрения первого подхода экологическое поведение определяется через воздействие на окружающую среду (impact-oriented approach): «степень изменения ею возможностей материалов или энергии или изменения структуры и динамики экосистем и биосферы в целом» [3].

На протяжении истории экологическое воздействие было связано с удовлетворением индивидуальных потребностей безопасности, мобильности, власти, статуса и престижа и т. д. Только относительно недавно такое воздействие получило второе значение. В настоящее время оно может быть определено как действие, которое совершается с целью изменения (как правило, улучшения) окружающей среды. Данная дефи-

¹ Для обеспечения методологически корректных обобщений, сравнимости результатов, а также исключения артефактов мы использовали идентичные вопросники, модели выборки, методы сбора данных и методы их обработки. Большое внимание уделялось нахождению одинаковых концептуальных, контекстуальных эквивалентов сравнения, отражённых в языке. Мы полагаем, что социально-экономические, социально-политические, культурные, географические различия изучаемых регионов обогатят исследование, будут способствовать теоретико-методологическому и эмпирическому приращению знания.

ниция экологического поведения подчеркивает ориентацию на намерение (intent-oriented) и отличается от определения, ориентированного на воздействие (impact-oriented) в том, что оно сфокусировано на экологическом намерении как самостоятельной причине действия и подчёркивает вероятность того, что экологическое намерение может и не реализоваться в экологическое поведение.

Оба подхода используются нами, но с разными целями и на разных уровнях анализа. Подход, основанный на воздействии, применяется для анализа экологической деятельности на макро-уровне: как социальное явление, интегрированное в функционирование различных общественных институтов; в то время как подход, основанный на намерении, применяется для изучения установок, мотивов проэкологической деятельности субъектов.

Итак, в самом начале мы попросили ответить студентов на множество вопросов, связанных с разными аспектами и проявлениями экологического поведения. Данные показывают, что доля тех, кто не был включён ни в какие проэкологические практики, значительно больше среди казанских студентов (14,5%), чем студентов Форт Коллинза (2,9%) (см. рис 1).

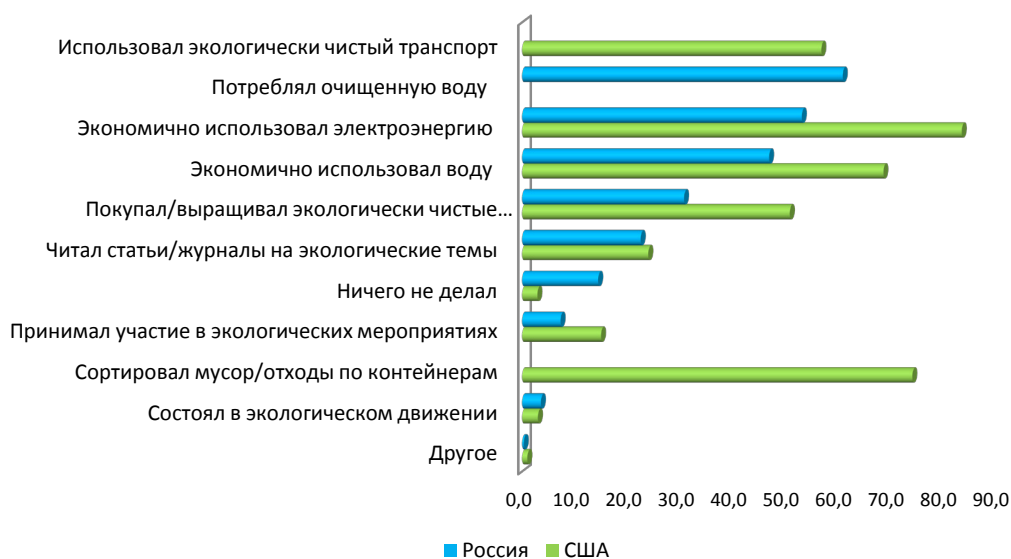

Рис. 1. Распределение ответов студенческой молодежи России и США на вопрос «В каких их перечисленных экологических мероприятиях Вы участвовали в прошлом году?», %

В целом, значительная часть студенчества была вовлечена в разнообразное множество проэкологических действий. Наиболее популярными практиками среди российского студенчества изучаемого региона были: потребление очищенной воды (61%), экономичное использование электроэнергии (53,2%), экономичное использование воды (47%) и т. д.

Проэкологическое поведение американских студентов в большинстве своём связано с экономическими факторами: экономичное потребление электроэнергии (83,6%), экономич-

Данные показывают, что доля тех, кто не был включён ни в какие проэкологические практики, значительно больше среди казанских студентов (14,5%), чем студентов Форт Коллинза (2,9%).

ное потребление воды (68,7%). Большую долю в экологических практиках студенчества Форт Коллинз занимает сортировка мусора (74,2%).

Для того чтобы рассчитать среднее количество проэкологических действий, в которые было включено российское и американское студенчество в прошлом году, мы построили индекс проэкологической деятельности. Так, американские студенты в среднем за прошлый год совершили 6 экологически дружественных актов из 9 возможных, что говорит о довольно высоком показателе проэкологической деятельности. В российской выборке этот показатель более скромнен: 3 из 9.

Далее мы предложили студентам поразмышлять о собственном образе жизни в области защиты окружающей среды за последние три года. Казанская молодёжь оказалась более статична: у 48% казанских студентов не произошло никаких изменений, у 43,5% – произошли небольшие изменения. Студенчество г. Форт Коллинз по сравнению с российским студенчеством более динамично и готово меняться: каждый восьмой студент отметил, что произошли большие изменения, 65,5% – небольшие и, наконец, у каждого пятого студента не произошло никаких изменений.

Проэкологический активизм студенчества

Следующим маркером экологизации образа жизни является проэкологический активизм, который находит своё отражение в совокупности поведенческих практик, направленных на охрану окружающей среды, защиту населения от негативного воздействия неблагоприятных экологических факторов (см.: [4]). Грань между проэкологическим поведением и экологическим активизмом довольно тонкая. Вместе с тем, эоактивизм – более «концентрированное» проявление экологического поведения. Проэкологический активизм представляет собой не столько предупреждающие, индивидуальные практики, а направленное усилие на производство общественных инициативных актов, целью которых является оказание влияния на социально-экологическую политику в регионе. Именно поэтому во всём мире таких активистов называют инвайронменталистами, что обязательно предполагает правозащитную и политическую деятельность.

В нашем исследовании мы также обратились к проэкологически активным моделям поведения. Примечательно, что доля проэкологически активного студенчества примерно одинакова в американской и российской выборках и составля-

Доля проэкологически активного студенчества примерно одинакова в американской и российской выборках и составляет около 62–64%.

ет около 62–64%¹. Это довольно парадоксальные данные, поскольку экологическая деятельность значительно выше среди американского студенчества. Поэтому, предлагаем обратиться к структуре проэкологического активизма: какие именно виды проэкологически активного поведения практикует американская и российская молодёжь?

Самым популярным видом проэкологического активизма для казанского студенчества является посадка деревьев и уборка парков (39,8%), в гораздо меньшей степени другие практики, такие как подпись под письмом в соответствующие инстанции (8,6%), участие в социальных обсуждениях по экологической проблематике (7,2%), участие в выступлениях в защиту окружающей среды (3,6%) и т. д. Вполне очевидно, что чем затратнее экологическое мероприятие, тем меньше доля участвующих в нём (см. рис 2).

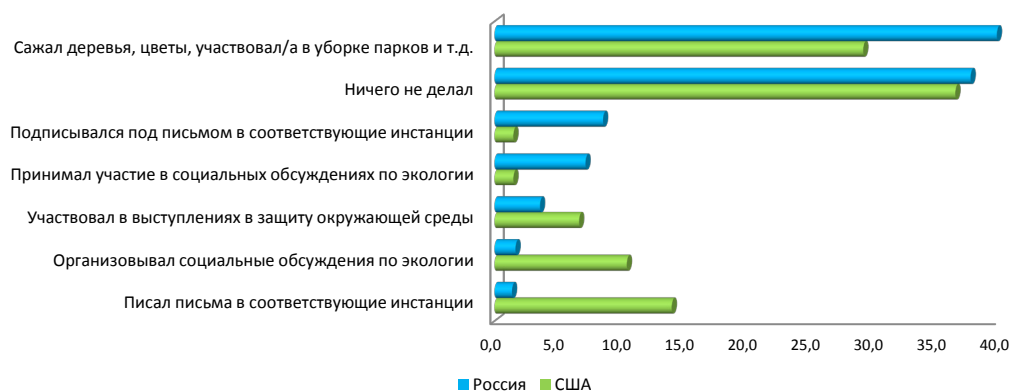

Рис. 2. Распределение ответов студенческой молодёжи России и США на вопрос «Принимали ли Вы участие в следующих акциях в защиту окружающей среды?», %

В американской выборке, в целом, прослеживается та же тенденция в распределении проэкологической активности. Однако, американское студенчество в большей степени, чем российское, выступало инициатором разных проэкологически активных практик. Так, среди них больше доля тех, кто не подписывались, а сами писали письма (14,0%) в соответствующие инстанции в защиту окружающей среды; они не столько принимали участие в экологических обсуждениях, сколько их организовывали (10,5%) и т. д. Они чаще российского студенчества участвовали в акциях и выступлениях в защиту окружающей среды (6,7%). Меньшинство опрошенных состоит в каком-либо экологическом движении (сравнение средних: 1,63 для Казани и 2,94 для г. Форт Коллинз).

¹ Среди американских студентов этот показатель чуть выше, но различия между группами не являются статически значимыми, чтобы мы могли утверждать, что подобные различия существуют в генеральных совокупностях.

Всё это свидетельствует о том, что, несмотря на одинаковую долю проэкологически активного студенчества в обеих выборках, по степени интенсивности проявления проэкологического активизма лидирует студенчество г. Форт Коллинз. Это может быть обусловлено множеством различных причин.

Во-первых, инвайронментализм – это, в первую очередь, американский феномен, возникший в США 1960-е и 70-е гг. прошлого столетия как реакция широкой общественности и экологических элит на ухудшающееся состояние окружающей среды. *«А дело в том, что, наверно, процесс этот идёт. Он просто в России, может быть, слишком поздно начался. То есть если Запад пришёл к этому раньше, то и мы придем к этому, но через определённое время...»* (эксперт 1, Россия). Сегодня, претерпев ряд трансформаций, он также является популярной идеологией и социальной практикой американского общества, постепенно приобретая всё большее политическое прочтение. *«Первоначально эти люди выступали, ну просто как чистые защитники своих деревьев... а сейчас они постепенно превращаются, если не в политическое движение, то вот, как говорил Оливер Бег, в такую альтер-политику, в политику неполитическую, непарламентскую»* (эксперт 2, Россия).

Во-вторых, инвайронментализм, как составляющая гражданской активности, возможен в развитом гражданском обществе, базирующемся на демократических принципах и институтах. Исследования, проведённые институтом Гэллапа, свидетельствует, что в США по многим повседневным формам участия уровень реальной активности населения выше, чем в европейских странах. Степень готовности к проявлению граждански активной позиции и протесту в форме бойкотов, демонстраций и несанкционированных забастовок существенно выше, чем в среднем по 12 европейским странам (см.: [5]). Активная гражданская позиция (в том числе в сфере экологии) является ценностной ориентацией американского студенчества.

В американской литературе экологический активизм рассматривают как пример коллективного действия. В такого рода практиках неизменно возникают отношения «донора – реципиента», когда небольшая группа активистов, отвоёвывая права на более чистую окружающую среду, создаёт необходимые блага, которыми пользуется пассивное большинство. Данная проблема ассиметричного использования ресурсов особо актуальна в больших группах, в которых индивидуальные действия имеют незначительное влияние на конечный результат. Поэтому для удовлетворения своих интересов субъекты формируют группы таким образом, чтобы не допустить индивидов без экологических установок в группу. Каждое сообщество выстраивает так называемый психологический барьер справедливости (*psychological boundary for fairness*),

который определяет рамки правосудия. Субъект исключает себя из рамок правосудия, а соответственно из сообщества, когда он: 1) уверен, что категория справедливости не применяется в одинаковом случае для всех участников сообщества, 2) не желает делиться накопленными ресурсами с другими членами в сообществе, 3) не желает жертвовать во имя благополучия других (см.: [6]).

Поэтому, эвристически плодотворной моделью для нашего исследования выступила модель «коллективного интереса» М. Олсена, описывающего проэкологическую активность субъектов. Индивиды будут включены в экологический активизм в том случае, когда ожидаемая субъективная ценность такого поведения положительна (см.: [7]). Ожидаемая субъективная ценность поведения зависит от таких факторов, как:

1. Ценность общественного блага как результата участия в проэкологических действиях;
2. Вероятность успешного результата в случае участия индивида;
3. Вероятность успешного результата в случае коллективного участия;
4. Возможные издержки от участия;
5. Возможные выгоды от участия.

Выгоды и издержки – материальные, социальные, психологические составляющие участия в проэкологическом действии выведены в модели экологического активизма М. Олсена в 1970 г.:

$$\text{ЭА} = [(A+B) * V] - C + D,$$

где:

ЭА – экологический активизм;

A – вероятность того, что коллективные действия будут успешными (групповая эффективность);

B – вероятность того, что индивидуальные действия будут успешными (индивидуальная эффективность);

V – ценность общественного блага;

C – затраты, связанные с участием;

D – выгоды, связанные с участием.

Согласно данной модели, индивидуальный вклад в проэкологическое действие тем выше, чем меньше группа, поскольку в больших по численности группах ответственность перекладывается на других, а степень влияния индивида на конечный результат минимальная. С другой стороны, индивид не будет включаться в проэкологический активизм, если он

уверен, что действия группы не будут результативны, поскольку вкладывать усилия в группу, которая неэффективна, – не рационально. Данное явление хорошо репрезентирует теория самоэффективности (self-efficacy theory), согласно которой экологическое поведение субъектов тем выше, чем сильнее их убежденность, что их индивидуальные поведенческие акты положительно влияют на окружающую среду (см.: [8]). В случае же, если их посещает чувство безысходности, что их усилия ничего не меняют в окружающем мире, то они демонстрируют низкую установку к экологической деятельности.

Для того чтобы подтвердить данную гипотезу, мы включили ряд шкал, характеризующих экологическую ответственность студенчества. Сначала мы попросили респондентов назвать институты, которые должны, по их мнению, нести ответственность за качество окружающей среды. Большинство студентов г. Форт Коллинз считают, что ими являются простые люди (64,2%), в то время как большинство казанских студентов возлагают ответственность за качество среды обитания на государство (43,3%). В дополнение к этому, российское студенчество также в большей степени, чем американское, отдаёт приоритет роли экологических движений (10,6%), в то время как американское – большую ответственность возлагает на бизнес-структуры (8,7%), которые по закону облагаются большими штрафами за нарушение экологических норм (см. рис 3).

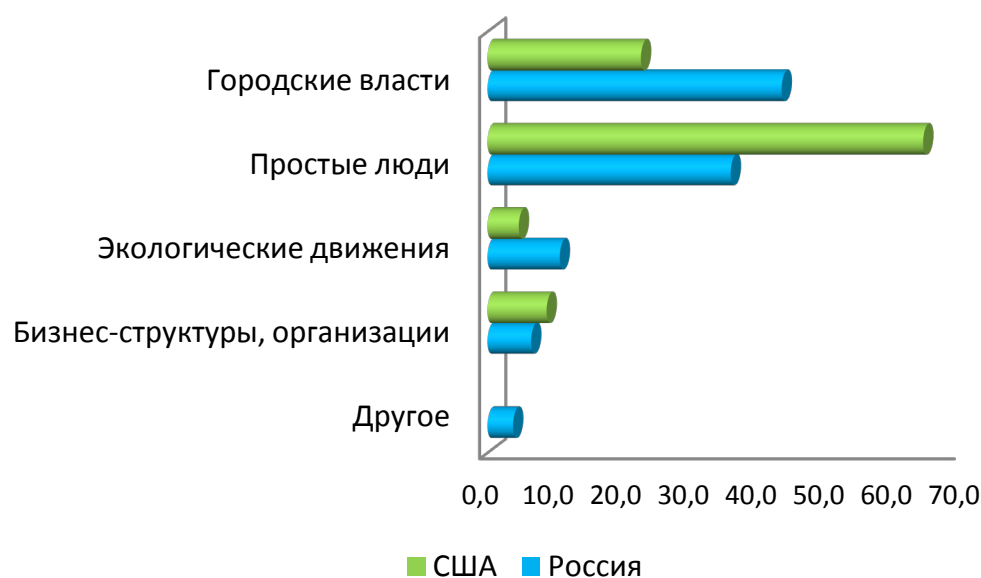

Рис. 3. Распределение мнений студенческой молодёжи Россия и США на вопрос «Кто, в первую очередь, должен нести ответственность за качество окружающей среды?», %

Далее мы поинтересовались у студентов, кто на их взгляд, наиболее эффективен в решении экологических проблем города. Казанские студенты не только возлагают ответственность за окружающую среду на городские власти, но и уверены, что они являются наиболее эффективными институтами в решении экологических проблем (48,2%). У аме-

риканских студентов наблюдается иная картина: лидирующая роль отдана экологическим движениям (53,5%) и в гораздо меньшей степени – общественности (35,4%).

Анализ этих данных позволяет сделать вывод о том, что американское студенчество в решении экологических проблем рассчитывает на себя, а российское – на государство. Это может быть связано, с отчуждённостью большинства населения России от процесса принятия решений, в том числе по социально-экологическим вопросам. Так, по данным Центра исследований гражданского общества НИУ-ВШЭ, только 2% населения уверены, что могут влиять на ситуацию в стране (см.: [9]). Если ответственность за семью в полной мере готовы нести 68% граждан, то за ситуацию в городе – только 7%, в стране в целом – 5%.

Теперь на основе теории самоэффективности попробуем ответить на вопрос «Действительно ли экологическое поведение субъектов тем выше, чем сильнее их убеждённость, что их индивидуальные поведенческие акты положительно влияют на окружающую среду?». С этой целью мы построили индексы проэкологического активизма и соотнесли их с вопросом «Как Вы считаете, Вы можете или не можете повлиять на решение экологических проблем?». Для анализа были использованы возможности однофакторного дисперсионного анализа (см. таблицу 1).

Таблица 1

Корреляция между проэкологическим активизмом и субъективной уверенностью в личном влиянии на принятие решений в области экологии

«Как Вы считаете, Вы можете или не можете повлиять на решение экологических проблем?»	Индекс проэкологического активизма (для всей выборки)	Индекс проэкологического активизма (для г. Казань)	Индекс проэкологического активизма (для г. Форт Коллинз)	Асимпт. значимость
Могу	3,34	2,45	4,15	0,000**
Не могу	3,05	1,99	3,43	

**p < 0.01.

*p > 0.05.

Результаты анализа по всей выборке показали, что существует зависимость между этими двумя переменными. Причём, эта связь наиболее ярко видна в американской выборке.

В содержательном плане к теории самоэффективности очень близка теория «восприятия эффективности потребителя» (perceived consumer effectiveness), основной категорией которой выступает чувство личной ответственности субъекта за состояние окружающей среды. Однако даже если индивиды

обеспокоены состоянием окружающей среды, но убеждены, что только правительство и бизнес-структуры имеют соответствующие ресурсы для решения данных проблем, у них наблюдается низкая установка на личную проэкологическую активность.

Наши данные подтверждают эту теорию. Те студенты, которые считают, что общественность наиболее эффективна в принятии решений, демонстрируют более высокую проэкологическую активность, чем те, кто, возлагает ответственность за экологию на правительство и бизнес-структуры (см. таблицу 2).

Таблица 2

Корреляция между проэкологической деятельностью и субъективной уверенностью в личном влиянии на принятие решений в области экологии

«Кто наиболее эффективен в решении экологических проблем города?»	Индекс экологического поведения (для всей выборки)	Индекс экологического поведения (для г. Форт Коллинз)	Индекс экологического поведения (для г. Казань)	Асимпт. значимость
Простые люди	5,07	6,33	4,22	0,046
Экологические организации	4,87	5,97	3,76	
Правительство	4,00	5,12	3,98	
Бизнес-структуры, организации	4,00	5,45	2,85	

**p < 0.01.

*p > 0.05.

Типологизация студенчества

Итогом работы стала аналитическая операция построения модели типологизации студенчества по экологической деятельности.

Представляется наиболее методологически удачным из подходов отечественных исследователей тот, что предложен Н. А. Быкановой; в основе его лежит озабоченность людей неблагоприятной окружающей средой, установки на экологическое поведение (см.: [10]). В зависимости от этого, были выделены:

- идеальный проэкологический тип, обладающий развитым экологическим сознанием, экологической деятельностью (по мнению автора, например, к такому

виду поведения можно отнести субъектов, предлагающих сократить потребление природных ресурсов, и т. п.);

- неполный положительный тип, характеризующийся наличием озабоченного рационального/нерационального массового активного сознания (представители данного типа обладают всеми чертами предыдущего типа за исключением высокой проэкологической активности);
- неполный отрицательный тип с необеспокоенным рациональным /нерациональным пассивным сознанием, либо беспокоенным нерациональным активным сознанием (представители данного типа обладают потребительским отношением к природе, эмоционально-эстетическим отношением к ней);
- антиэкологический тип с необеспокоенным нерациональным пассивным сознанием (в отличие от всех предыдущих типов, представителей данного типа совсем не волнуют экологические проблемы они не боятся или отрицают наличие экологического кризиса, не готовы руководствоваться проэкологическими ценностями в своём поведении).

В отличие от российских исследователей, американские учёные группируют субъектов по различной степени включённости в экологическую деятельность. Так, П. Стерн выделил следующие типы экологической деятельности:

1. Экологический активизм (например, членство в экологической организации, организация экологического протеста и т. д.);

2. Не активные поведенческие практики в общественной сфере; они проявляются как в более активных экологических практиках (например, написание экологических петиций, присоединение к экологическим организациям), так и в поддержке существующей экологической политики (готовность платить более высокие налоги для обеспечения экологической безопасности. Однако данные практики оказывают воздействие на окружающую среду только косвенно – через влияние на социальную политику);

3. Инвайронментализм в частной сфере (например, покупка «органических» продуктов питания, сортировка домашних отходов и т. д. Проэкологическое поведение в частной сфере отличается от проэкологического поведения в общественной сфере тем, что оно оказывает воздействие на окружающую среду непосредственно. Однако это релевантно только в случае коллективного действия);

4. Другие разновидности проэкологического поведения (субъекты могут оказать воздействие на окружающую среду через другие поведенческие практики. Например, инженеры могут производить проэкологические продукты, девелоперы или банкиры могут учитывать экологический критерий в своих решениях и т. д.) (см.: [11]).

Не оспаривая правомерность различных подходов к типологизации субъектов в зависимости от уровня экологической деятельности, в данном исследовании мы используем модель, основанную на континууме с максимальными и минимальными значениями показателей экологического поведения субъектов.

Респондентам было предложено согласиться или не согласиться с шестью высказываниями, отнесёнными к различным формам проявления экологического поведения. К последним мы причислили экологизацию образа жизни и экологический активизм. Построив соответствующие индексы, мы сгруппировали наших респондентов в 3 группы:

1. «Экологически активный тип» – субъект с высоким уровнем проэкологического активизма, экологизацией образа жизни;

2. «Промежуточный тип» – субъект с высоким уровнем проэкологического активизма, экологизацией образа жизни;

3. «Экологически пассивный тип» – субъект с низким уровнем проэкологического активизма, экологизацией образа жизни.

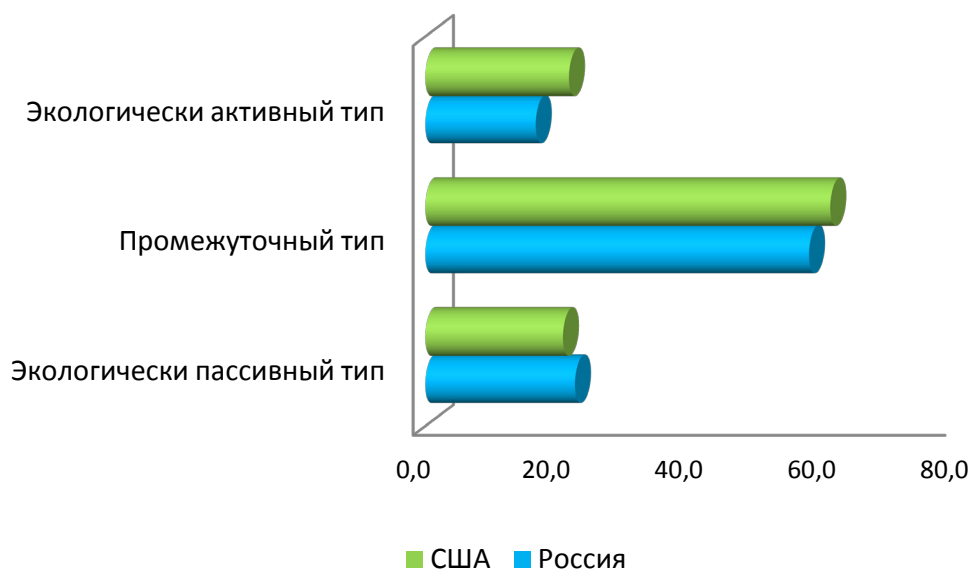

Рис. 4. Типы экологической деятельности среди американской и российской студенческой молодёжи, %

Результаты анализа показали, что большинство студентов и в американской (57,7%), и в российской (60,9%) выборках попали в «Промежуточный тип» (см. рис 4). В американской выборке больше студентов, чем в российской, были отнесены в «Экологически активный тип».

Американские студенты, по сравнению с российскими, гораздо экономичнее используют ресурсы. Так, экономят воду (например, во время мытья посуды, при принятии душа) 44,6% американских студентов и 34,7% российских. Кроме этого, 52,2% студентов г. Форт Коллинза и 47,8% студентов г. Казани экономично используют электроэнергию (к примеру, выключают за собой свет, «меньше топят в доме», покупают энергосберегающие лампочки). Такое поведение, конечно же, может быть вызвано скорее экономическими причинами, нежели истинно экологическими (к примеру, высокой стоимостью электроэнергии и т. д.). *«Уровень цен на все услуги, касающиеся природных ресурсов, дорогая вода, дорогая уборка, дорогой вывоз мусора. Как только просто так включаешь воду, которая течёт, и это тебе выходит в копейку, ты прекратишь это делать, сначала из таких соображений, а потом может быть и из других, то есть очевидный экономический механизм должен работать. И на сколько я понимаю, в странах, где это работает, изначально работали так же экономические механизмы»* (эксперт 3, Россия).

Чуть большая доля российских студентов (38,0%) в сравнении с американскими (35,2%) стараются покупать (выращивать) экологически чистые продукты. Проблема здесь может заключаться в том, что в России пока нет чёткого разделения на органическую («экологически чистую») и всю остальную продукцию. *«Что такое, например, поставить гриф “экологически чистый продукт – мёд”, это значит, что пасека должна находиться в такой местности, где в радиусе пяти километров нет даже просёлочной дороги, не только автострасы, то есть в лучшем случае тропинка, где отдельно люди ходят, – вот что такое экологически чистый мёд по европейским стандартам. Где мы будем искать такие стандарты это не понятно, потому что у нас таких стандартов нет, у нас мест таких нет»* (эксперт 4, Россия). В США, сегмент органической продукции очень развит и непрерывно растёт. Такая продукция значительно дороже обычной, что может быть фактором её низкой популярности среди американского студенчества.

Кроме этого, российские студенты в значительно большей степени (72,1%), чем американские (52,6%) потребляют очищенную воду (фильтрованную/бутилированную). Это тоже, может быть, связано с социокультурными особенностями и, в первую очередь, с инфраструктурными возможностями. В США вода для массового пользования проходит много

степеней очистки, и пить её можно из-под крана. Качество питьевой воды в г. Казани по санитарно-химическим и микробиологическим показателям не соответствует стандартам; более половины водопроводных сетей нуждается в замене. Тем самым стимулируется рост рынка бутилированной воды и бытовых фильтров.

Выводы

Подводя итоги, необходимо отметить, что экологизация образа жизни как комплексный конструкт выражается в проэкологическом поведении и проэкологическом активизме. Наличие необходимой инфраструктуры способствовало экологизации образа жизни американского студенчества. Экологический образ жизни студенчества г. Форт Коллинз рутинизировался, стал более массовым и доступным, в противоположность казанскому студенчеству, где подобные проэкологические практики только ещё формируются.

Поэтому крайне важно для формирования проэкологических моделей поведения создавать необходимые объекты инфраструктурного развития. К примеру, для г. Казани с низким процентом озеленения приоритетным будет строительство новых парков, набережных, зелёных уголков. Для частичного решения транспортных проблем и уменьшения содержания углекислого газа в атмосфере можно организовать городские велосипедные дорожки, экологические велотропы. Для уменьшения замусоренности города приоритетным будет увеличить количество мусорных урн на улицах, построить оборудованные площадки для складирования мусора и мусороперерабатывающие предприятия. Для г. Форт Коллинз – обеспечить приоритет общественного транспорта над индивидуальным за счёт налаживания инфраструктуры общественного транспорта.

Исторически более раннее развитие демократии в США по сравнению с Россией повлияло на формирование сильных институтов гражданского общества. Это способствовало также более активной гражданской позиции американского студенчества и уверенности в том, что с помощью различных акций они смогут повлиять на решения властей в области экологической деятельности. Большинство российских студентов не обладают опытом и желанием выдвижения и реализации инициатив.

Для российской молодёжи, как и для всего населения, характерен патернализм. Это рудимент советской эпохи. Для американцев, давно живущих в рыночных условиях, в условиях более развитого гражданского общества гораздо более характерна опора на собственные силы. Это проявляется и в экологической деятельности. Так, авторское и вторичные исследования показывают, что американское студенчество в боль-

шей степени, чем российское, выступало инициатором разных проэкологически активных практик. Большинство из американских студентов не подписывались, а сами писали письма в соответствующие инстанции в защиту окружающей среды; они не столько принимали участие в экологических обсуждениях, сколько их организовывали и т. д. Российские студенты не готовы к столь решительным действиям.

В процессе исследования нами была подтверждена гипотеза о том, студенты, которые убеждены в том, что могут оказывать влияние на процесс принятия решений в области окружающей среды, демонстрируют более высокий уровень как экологического поведения, так и экологического активизма. Соответственно, целесообразно, особенно в российских реалиях уделить внимание формированию институтов гражданского общества. Студентам необходимо быть уверенными в том, что они могут оказывать влияние на процесс принятия решений в области окружающей среды.

Описание полевых данных

1. Интервью с доцентом кафедры ландшафтной экологии Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, 13.11.2010 г.
2. Интервью с доктором философских наук, профессором, заведующим сектором социально-экологических исследований ИС РАН, 13.11.2010 г.
3. Интервью с председателем политбюро Казанского (Приволжского) федерального университета, председателем жилищной комиссии первичной профсоюзной организации, Казань, 17.11.2010 г.
4. Интервью с доктором социологических наук, профессором кафедры государственного, муниципального управления и социологии Казанского государственного технологического университета, 23.11.2010 г.

Библиографический список

1. Dunlap, R. E. From Environmental to Ecological Problems // Social Problems. 1993. – 738 p.
2. Inglehart, R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.

3. Stern, P. C.; Dietz, T.; Kalof, L.; Guagnano G. A. Values, beliefs, and pro-environmental action: Attitude formation toward emergent attitude objects // *Journal of Applied Social Psychology*. 1995. № 26, pp. 1611–1636.
4. Lubell, M. Environmental activism as collective action // *Environment and Behavior*. 2002. Vol. 34 (4), pp. 431–454.
5. Политическая культура индустриальных и постиндустриальных стран // Артёмов Г. П. Политическая социология. – М., 2002. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/artemov_polit/09.aspx (1.12.2011).
6. Corral-Verdugo, V. Situational and personal determinants of waste control practices in northern Mexico: a study of reuse and recycling behaviors // *Resources, Conservation and Recycling*. 2003. № 39, pp. 265–281.
7. Olson, M. The logic of collective action. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970, pp. 21–35.
8. Rice, G. Pro-environmental Behavior in Egypt: Is there a Role for Islamic Environmental Ethics? // *Journal of Business Ethics*. 2006. Vol. 65(4), pp. 373–390.
9. Интернет-портал «Бюджет.ру». URL: <http://bujet.ru/article/106658.php>.
10. Быканова Н. А. Формирование экологической культуры городского населения в современных условиях: автореф. дис. к.с.н. – Курск, 2005. – С. 4–23.
11. Stern, P. C. Information, incentives and pro-environmental consumer behavior // *Journal of Consumer Policy*. 1999. № 22, pp. 461–468.

Трибуна молодого учёного

Влияние граждан на процесс принятия решений (на примере проблемы бездомных животных)

Левченко Наталья Валерьевна – младший
научный сотрудник ИС РАН

E-mail: natalya_levchenk@mail.ru

Влияние граждан на процесс принятия решений (на примере проблемы бездомных животных)

Аннотация

В статье на основании экспертных интервью изучается, в какой мере граждане могут влиять на систему управления, прежде всего, местного уровня. Проблема исследуется на примере того, как власти г. Обнинска реагируют на присутствие в городе бездомных животных и коммуницируют с представителями общественности.

Abstract

This article is based on the results of the expert poll aimed at studying the extent to which the citizens could influence the executive system and, first of all, the local level one. The problem is studied on the example of Obninsk's local authorities as they react to homeless animals and communicate with the community.

Ключевые слова: процесс принятия решений, защитники животных, неправительственные организации, администрация города, влияние граждан на процесс принятия решений

Keywords: decision-making process, animalists, non-governmental organizations, the administration of the city, impact of citizens on decision making process

Многочисленные статьи и репортажи в СМИ дают информацию о том, что в российских городах и посёлках происходит большое количество случаев, связанных с бездомными животными. А как показывают предыдущие исследования, в основном жители городов узнают о происходящем в их месте проживания из СМИ и доверяют им как основному источнику информации (см.: [1, с. 106–115]), т. е. СМИ формируют определённое мнение. И люди начинают задумываться о проблеме бездомных животных, а также о том, как на присутствие последних реагируют представители власти.

Исследование проведено в г. Обнинске. Выбор города обоснован тем, что он является одним из наукоградов России, 22,5% его жителей заняты в научной сфере. Ввиду чего мож-

но изучить, как влияет проблема бездомных животных на отношения между жителями такого города, где достаточно высокий процент образованных людей. Кроме того, Обнинск расположен недалеко от столицы и является экономически развитым. В 2008 г. он занял второе место в конкурсе «Самый благоустроенный город России» (см.: [2]). В Обнинске действует общественный зоозащитный центр, сотрудники которого постоянно привлекают внимание жителей города к проблемам, связанным с наличием бездомных животных.

Сбор данных осуществлялся методом интервью, которые проводились с 1 по 28 апреля 2010 г., их целью было выявление мнений экспертов по поводу ситуации, связанной с бездомными животными в городе, а также взгляда представителей власти на существующую проблему и её взаимодействие с местным зоозащитным центром.

К экспертам мы отнесли: ветеринаров города, кинологов, членов общественного благотворительного зоозащитного центра «Новый Ковчег» в г. Обнинске Калужской области. Кроме того, анализ требований зоозащитников нами осуществлён с помощью изучения статей в прессе по данной теме.

В качестве теоретической основы был выбран акционистский подход и, в первую очередь, теоретические концепты французского социолога А. Турена. Акционизм даёт возможность создать представление о позиции субъекта, сущность которого, по А. Турену, заключается в стремлении индивидуума быть действующим лицом. Французский социолог указывает и на то, что *«общественные движения являются агентами изменений»*, причём *«общественные движения рассматривают проблемы, которые практически исключены из государственной жизни и считаются принадлежащими к частной»* [3, с. 55–64].

Кроме того, А. Турен говорит о мире инструментального, т. е. о системе управления, которая полностью принимает существующие устои жизни. *«В каждом из нас есть некая часть, которая участвует в играх инструментального и технологического порядка, и другая часть, которая закрыта или спрятана для всего того, что подавляется этим миром инструментальной рациональности»* [4, с. 50]. Таким образом, процесс субъективации может развиваться только в том случае, если имеет место *«достаточный контакт между миром инструментальности и миром идентичности»* [4, с. 50]. На основании подхода А. Турена, в настоящей статье рассматривается взаимодействие российских зоозащитников с властями различных уровней, с целью оказать влияние на процесс принятия решений.

Зарубежный опыт

Для того чтобы определить, необходимо ли вмешательство местного самоуправления для понижения численности популяции бездомных животных, или зоозащитники могут сами с этим справиться, был изучен мировой опыт решения проблемы, а также проведён краткий исторический обзор по данной теме. В Великобритании борьбу с жестокостью по отношению к животным начали учёные и писатели с 1700 г. В 1822 г. два известных политика – Р. Мартин и Т. Эрскин – убедили Британский парламент утвердить закон о наказании за жестокость к животным. Скандинавские страны последовали этому примеру. С 1866 г. к ним присоединились США, Канада, Австралия и др. Постепенно отношение городских сообществ к животным менялось. Первой общественной организацией, в которую объединились граждане, стремящиеся защитить бездомных животных, стала «Организация по защите животных», основанная в 1824 г. в Лондоне. Её создали политики, известные своими реформаторскими позициями и критическим отношением к рабству.

В связи с увеличением использования животных в исследовательских работах в конце XIX – начале XX вв. вопрос о защите животных был снова поднят на публичную повестку дня активистами общественных движений (например, Ф. Кобб).

Институционализация защиты животных производится при помощи развития законодательства; так, на сегодняшний день в Великобритании издано около 30 законов в защиту животных, в Европейском Союзе – 20 директив и законов. Создана специальная комиссия по защите животных в Европейском Союзе (см.: [5, с. 113–115]).

В настоящее время в европейских странах и США противодействие бесконтрольному разведению гражданами животных, которые в последствии нередко оказываются на улице, и повышение культуры содержания домашних питомцев осуществляются благодаря введению сниженных сумм налогов с владельцев стерилизованных животных, массовым просветительским кампаниям зоозащитников. Животные в приютах временного содержания для передачи новым владельцам проходят стерилизацию. Наряду с этим вводятся меры по противодействию бесконтрольному выгулу животных. В некоторых городах Юга Италии, Болгарии и Греции применяется стратегия ОСВ (отлов-стерилизация-возвращение). В развивающихся странах стратегию ОСВ проводят Таиланд, Шри-Ланка, Египет и некоторые районы Индонезии, Латинской Америки (см.: [6]).

В Великобритании борьбу с жестокостью по отношению к животным начали учёные и писатели с 1700 г. Первой общественной организацией, в которую объединились граждане, стремящиеся защитить бездомных животных, стала «Организация по защите животных», основанная в 1824 г. в Лондоне.

Однако далеко не во всех зарубежных странах используются гуманные методы по снижению численности бездомных животных. Так, например, в Украине, как отмечают иностранные зоозащитники, данную проблему, решают насильственными способами. В результате, об украинских бездомных собаках заботятся иностранные защитники животных. Джон Руэйн, президент Общества защиты животных Великобритании, констатировал факт практики истребления бездомных животных: *«Нам в руки попала копия накладной, которая свидетельствует о том, что приют животных в Бородянке закупил на сумму 263 тыс. 961 гривень большое количество яда острого действия»* [7].

В результате можно сделать вывод, что зоозащитники и экологи-общественники вынуждены искать поддержку своих действий в «глобальных сетях», т. е. происходит *«включение в глобальные сети дружественных организаций и создание собственных сетей, неподконтрольных федеральным и местным администрациям»* [8, с. 19].

Ситуация в России

В связи с тем, что Москва является самым крупным мегаполисом в России, где сосредоточены значительные финансовые средства, здесь существует возможность выделения части денег на регулирование численности бездомных животных. Однако, несмотря на данные председателя комиссии по экологической политике Московской городской думы, в Москве обитают около 30 тыс. бездомных собак, по состоянию на начало 2011 г. (см.: [9]); таким образом, проблемы, связанные с бездомными животными, решаются лишь частично. Так, в 2001 г. в столице была введена альтернативная программа, предусматривающая стерилизацию бездомных собак с возвращением их в прежнюю среду обитания для стабилизации их численности. В 1999 г. отлов собак с последующим уничтожением в Москве был прекращён после неоднократных обращений защитников животных к властям (см.: [10]).

В 2008 г. московская власть вновь вернулась к обсуждению проблемы бездомных животных. Первый заместитель мэра Москвы Петр Бирюков предложил вместо истребления вывозить бездомных собак в другие регионы России (см.: [11]). Но предложение поддержано не было. В июне того же года распоряжением зама мэра Москвы отлов с возвращением в прежнюю среду был заменен на безвозвратный с размещением в муниципальных приютах. В этих приютах бездомные собаки содержатся в течение срока до 6 месяцев, после чего отпускаются (см.: [9]). В то же время постановление Правительства Москвы № 819-ПП по-прежнему предусматривает «стери-

лизацию самок с возвращением их на прежнее место обитания» в качестве «основного метода регулирования численности безнадзорных и бесхозных животных» [12]. Иными словами, и законодательно, и в социальной практике данная проблема решена лишь частично.

Однако российский опыт свидетельствует о том, что сокращение численности бродячих животных возможно только при участии власти. Доктор биологических наук, редактор «Красной книги Москвы» Борис Самойлов, предполагая, что одной из причин большого количества бездомных животных является их содержание на автостоянках, рекомендует законодательно обязать владельцев стоянок закрепить за собой одну собаку и нести за неё ответственность (см.: [13]). Российские зоозащитники, в частности организация «Вита», в качестве причины увеличения численности бездомных собак называют отсутствие государственного контроля за разведением животных и налогообложения бизнеса заводчиков (см.: [14]).

В результате обращений зоозащитных организаций и обеспокоенных граждан мы можем наблюдать следующую реакцию властей на исследуемую нами ситуацию: в декабре 2010 г. мэр Москвы Сергей Собянин, отвечая на вопросы, заданные на странице РИА Новости в сети Facebook, сообщил, что *«Правительство Москвы уделяет пристальное внимание вопросам содержания бесхозных животных. В городе действует программа гуманного регулирования численности животных, принимаются меры по предотвращению заноса в город бешенства и других опасных заболеваний, строятся приюты для содержания бесхозных кошек и собак»* (см.: [15]).

Осенью 2009 г. при поддержке Правительства Москвы началась кампания «Возьми меня», призывающая москвичей взять себе домой собак из приюта. Рекламные плакаты, на которых в обнимку с животными изображены популярные актёры Александр Лазарев-младший, Алексей Серебряков и Дмитрий Певцов, размещены в вагонах московского метрополитена (см.: [16]).

В Москве свои требования горожане транслируют через действия некоммерческих организаций, а также через всевозможные акции. Так, 2 февраля 2010 г. в Москве прошла акция «Всем миром к мэру. Очередь за жизнью». В её ходе у здания столичной мэрии выстроилась огромная очередь из людей, желающих подать своё письмо мэру города. Таким способом жители Москвы требовали вернуть гуманную программу стерилизации бездомных животных и не допустить узаконивания эвтаназии животных в муниципальных приютах. Акцию пришли поддержать более 500 жителей города. Среди них были люди разных возрастов и социальных слоёв. Причиной акции стало недавнее предложение первого заместителя мэра Москвы П. Бирюкова внести изменения в Регламент о бездо-

Российский опыт свидетельствует о том, что сокращение численности бродячих животных возможно только при участии власти. Однако реакция властей на данную проблему обнаруживается лишь под влиянием обращений к ним зоозащитных организаций и обеспокоенных граждан.

мных животных. Вместо программы по стерилизации он предлагает выборочно уничтожать животных в муниципальных приютах (см.: [17]).

В ответ на выступления граждан в октябре 2010 г. Прокуратурой Москвы был признан незаконным Порядок регулирования численности бездомных животных, предусматривающий их последующее уничтожение. Прокуратура отмечает, что их умерщвление в случаях, непредусмотренных законодательством, является негуманным (см.: [18]).

В других городах России зоозащитники тоже активно отстаивают свои позиции. 15 мая 2010 г. почти в 50 городах России прошла акция в защиту бездомных животных. Например, 5 мая воронежцы выступили за принятие Федерального закона «О защите животных от жестокого обращения», против отстрела и отлова бездомных собак, за стерилизацию и создание школ кинологов-ловцов и служб спасения, а также за запрет рыночной торговли животными и строительство в Воронеже специализированного приюта для бездомных кошек и собак. Участники акции поставили на площади около кукольного театра фотографии собак, которые погибли от жестокости людей, а прохожим раздавали зелёные ленточки и собирали подписи для обращения к Президенту России и органам местной власти. Подписи, собранные на акции, пошли во всевозможные инстанции (см.: [19]).

Николаевские защитники животных добились от ЖКХ того, чтобы им дали другое место для приюта (см.: [20]).

В Санкт-Петербурге в феврале 2011 г. зоозащитники подвергли критике законопроект, направленный в Госдуму, которая должна принять в первом чтении Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными». Опасения зоозащитников вызывает тот факт, что разрешается заниматься отловом животных не только юридическим, но и физическим лицам, причём разрешение может быть выдано всего лишь на основании письменных заявок. Защитников животных особо беспокоит и то, что в законе нет ни слова о том, что собак и кошек запрещено употреблять в пищу (см.: [21]).

В Саратовской области зоозащитники добились того, чтобы региональное правительство утвердило правила отлова и содержания бездомных животных. Согласно этому документу, отстрел собак и кошек на улицах, практиковавшийся в Саратове на протяжении десятилетий, больше не считается законным. Саратовское общество защиты животных добивалось принятия правил в течение семи лет. Городские чиновники заявляли, что ловлей бездомных животных должна заниматься областная власть, та утверждала обратное. Высказывалось даже мнение, что это дело федерального правительства. Тем временем, отстрел бездомных животных на коммерческой основе вели муниципальная организация, от-

ветственная за вывоз мусора, а также полуполюгальные частники, предлагавшие свои услуги предприятиям и ТСЖ. Осенью 2010 г. местная дума одобрила поправки к закону об областном правительстве, согласно которым бездомные животные перешли в ведение региона. По жалобе зоозащитников областная прокуратура изучила ситуацию и «выявила пробел в правовом регулировании». Как сообщает надзорное ведомство, чиновники не исполнили свои обязанности и не установили «порядок отлова, содержания и дальнейшего использования безнадзорных животных», что привело «к ухудшению санитарно-эпидемиологического благополучия». Документ содержит всего 11 пунктов, где указано, что отлову подлежат все собаки, находящиеся без ошейника и без хозяина в общественных местах, при поимке нужно соблюдать «нормы гуманности» и «рекомендации органов ветнадзора» и в тот же день доставлять животных на передержку.

После всех выступлений горожан и действий прокуратуры, власти стали более активно себя вести в данной сфере. К примеру, были предприняты шаги по уменьшению возможности бездомных животных кормиться на улицах города. С этой целью для уборки мусора решено завезти 300 иностранных дворников, которые смогут чистить улицы с 5.00 до 19.00, в выходные и в ночную смену (см.: [21]).

Ситуация в Обнинске

В ходе эмпирического исследования взаимодействия зоозащитников с администрацией в г. Обнинске были опрошены 12 экспертов, среди них были: кинологи (2), ветеринары частных клиник (5), зам. главного ветеринара города, организаторы зоозащитного центра (2), члены зоозащитного центра (2). Интервью экспертов включали в себя вопросы, нацеленные на выявление отношений респондентов к исследуемой теме, а также реакции муниципальной власти на обращения зоозащитников.

По данным главного ветеринара города, ежегодно служба санитарной очистки имеет дело с 1,5 тыс. бездомных животных. Причём, не было замечено ни последовательного снижения количества отловленных животных, ни его роста.

Как отмечает заместитель главного ветеринара города: *«Особенно много животных появляется в дачный сезон, т. е. люди оставляют своих животных на участках. Численность безнадзорных животных возрастает после лета».*

В качестве последствий высокой численности популяции бездомных животных часть экспертов называют следующее: во-первых, это стресс для людей, которые любят животных и беспокоятся о большом количестве обездоленных животных;

во-вторых, это обеспокоенность жителей города, вызванная опасностью неконтролируемых стай собак; в-третьих, это, как отмечают эксперты, страдания животных оказавшихся в данном положении и, в-четвертых, это возникающие конфликты между людьми, заботящимися о животных, и теми, кто относится к их существованию резко отрицательно. Эксперты полагают, что увеличение популяции бродячих животных является результатом безответственности горожан. Один из организаторов местного зоозащитного центра «Новый Ковчег» считает, что *«виноват сам человек, т. е. его безразличие ко всему, начиная со среды обитания. Мы привыкли жить в горе мусора, среди бездомных, голодных животных, мы привыкли жить среди брошенных детей, которые не вызывают у нас чувств сожаления и жалости, мы привыкли жить среди брошенных стариков. Таким образом, это звенья одной цепи».*

В качестве мер, которые необходимы для сокращения численности безнадзорных животных, эксперты, как правило, называли программу стерилизации безнадзорных животных, чипирование, регистрацию питомцев, пропаганду операции по их стерилизации и создание приюта для тех животных, которые уже оказались на улице: *«нужно взять под строгий контроль разведение домашних животных, т. к. они являются поставщиком бездомных»;* *«мы, городская ветеринарная станция, занимаемся уничтожением. Но по-человечески я бы хотела, чтобы у нас были приюты и занимались бы стерилизацией».*

На вопрос *«Готовы ли Вы предоставлять скидки горожанам, чьи питомцы официально зарегистрированы, для повышения ответственности горожан за домашних животных»* заместитель главного ветеринара города ответил отрицательно, обосновывая своё мнение отсутствием материальных средств, примерно так же отвечали и опрошенные ветеринары частных клиник. Лишь одна ветеринарная клиника предоставляет скидки зоозащитному центру на операции по стерилизации бездомных животных.

Как правило, реализация выше указанных мер, по мнению экспертов, возможна только при поддержке администрации города. В интервью с одним из организаторов зоозащитного центра отмечалось, что *«невозможно без участия администрации введение административных санкций, повышающих ответственность людей. Сейчас у нас животные считаются имуществом, в результате, что хочешь делать с этим имуществом, то и делаешь. Однако представители власти категорически не хотят обсуждать с нами данный вопрос. Введение воспитательных и образовательных мер администрация в состоянии сделать. С другой стороны, наша администрация не считает, что в городе существует такая проблема. Чиновники начинают перечислять причины,*

почему невозможно ввести те меры, которые мы им рекомендуем. Главный ветеринарный врач считает, что проблемы нет в городе и существующая служба отлова в состоянии справиться с проблемой».

При этом заместитель главного ветеринара города в интервью отметила, что в городе всё же есть проблема, признаётся и возможность её решения посредством *«принятия закона для повышения ответственности и конечно, стерилизации, и отлова безнадзорных животных – без него невозможно».*

Врачи двух из пяти ветеринарных клиник также подчеркивают, что представители власти не занимаются данной проблемой и не будут ею заниматься. В то же время ветеринары всех частных клиник акцентируют внимание на активной деятельности некоммерческого обнинского зоозащитного центра «Новый Ковчег».

Действительно, активность общественной организации заметна. Например, 6 февраля 2011 г. члены зоозащитного центра проводят свой первый фестиваль беспородных животных. Данная организация возникла в 2008 г., финансирование идёт за счёт самих волонтеров, спонсоров и пожертвований горожан.

О процессе создания зоозащитного центра рассказала одна из его организаторов: *«К вопросу о бездомных животных я подошла совершенно случайно. Выходя на лоджию, я увидела собаку, родившую 8 щенков. В результате, я начала их подкармливать. Однако начались проблемы с соседями с первого этажа, которые были категорически против кормления данных животных. Несколько раз вызывали службу отлова, и часть щенков отловили, а часть осталась там же. В результате чего, я попросила жильцов дома не вызывать службу отлова и обещала пристроить их. Однако с этим возникли некоторые проблемы, т. к. в Обнинске некуда сдать щенков, пришлось отвозить в Москву, где только с одним приютом я с трудом договорилась, а часть отдала в конную школу в г. Обнинске, в котором тоже оказались люди, не равнодушные к данной проблеме». То есть, в зоозащитном центре работают те люди, которым «не нравятся негуманные методы, которые не хотят так жить».*

Таким образом, члены зоозащитной организации занимаются отловом животных и помещением их в приют ограниченного приема для стерилизации, передержки и вакцинации животных, а также ведут поиск новых владельцев для имеющихся у них животных. Однако в связи с высокой численностью бездомных животных в городе зоозащитники ищут поддержку у власти – выделения помещения для содержания отловленных животных, финансовых средств и изменения законодательной базы для повышения ответственности владельцев животных.

Помимо этого, в предыдущие годы в администрацию города обращались и кинологи. Так, один из кинологов указал, что *«власти не хотят видеть проблему. Мы тоже обращались в администрацию с целью введения регистрации животных, но всё бестолку. Лет 15 назад вводился какой-то налог... на всех подъездах висела информационно-разъяснительная брошюра, по поводу того, что налоги необходимы для строительства специальных площадок для выгула животных, но никаких площадок мы так и не увидели, и деньги куда-то ушли. В то время только у нас в доме примерно 20 собачников, так ещё и машины везде стоят, невозможно пройти, приходится “сидеть друг на друге”, в результате чего периодически возникают споры».*

О том, что выделяемые средства на снижение численности бездомных животных не доходят до места назначения, говорят и врачи частных ветклиник: *«Федеральные программы у нас как работают? Деньги чиновники разделят между собой и всё», а также заместитель главного ветеринара города: «Где найти честных людей, которые осуществили бы всё это. В Москве были выделены миллионы на проведение программы стерилизации, а в результате численность безнадзорных животных возросла. Сейчас в Москве процветает бешенство. Калужская область, кстати, тоже неблагополучна по бешенству».*

Респонденты подчёркивали, что муниципалитет не только не уделяет должного внимания проблеме бездомных животных, но и не работает с местными собаководческими клубами: *«В них занимаются престижем клуба: чтобы были породистые собаки, чтобы были вязки, для того чтобы набирать денег, престиж. Как человеку вести себя в городе, никто не говорит. Данные клубы воют между собой, в течение 20 лет это не прекращается. А почему? Чтобы клиенты к ним шли, чтобы деньги туда приносили. Как воспитывать собачников, никто не занимается. Клубы – это государство в государстве. Никто не следит за их деятельностью, т. е. ни статуты, ни законов».*

В свою очередь работники собаководческого клуба высказывают иную точку зрения на их деятельность: *«Продавая собак, я, в первую очередь, разговариваю с будущими владельцами и проверяю их на устойчивость психики, и в дальнейшем отслеживаю жизнь проданного щенка. А к бездомным собакам отношусь очень негативно, в принципе, собак, которые находятся около моего города, я бы отравила».*

Можно констатировать факт, что гуманного отношения не наблюдается ни у представителей местного самоуправления, ни у членов собаководческих клубов.

Отметим, что взять интервью или получить хоть какую-нибудь информацию о работе муниципальных органов по обозначенной проблематике в администрации города практически

не удалось. Лишь на третий раз чиновник дал статистику по отлову животных в городе и направил интервьюера в службу санитарной очистки города, где получить необходимые для исследования данные оказалось возможным только при поддержке зоозащитного центра.

Следует указать и на то, что в последнее время местная администрация начинает реагировать на требования зоозащитников: с 2010 г. из местного бюджета стали выделяться материальные средства на операции по стерилизации бездомных животных, содержащихся в зоозащитном центре.

Изучив деятельность системы управления по поводу контроля над жизнью бездомных животных в городе, можно сделать вывод, что неспособность власти решить исследуемую проблему заключается не в том, что отсутствуют необходимые средства, а в том, что недостаточно влияние общественности на процесс принятия необходимых решений, что, собственно, и позволяет власти бездействовать.

Таким образом, подтверждается, что одно из негативных условий жизни российских локальностей – это неконтролируемость местных властей и их бездействие (см.: [23]). На местах главы районов считают, что решать подобного рода вопросы не в их компетенции. Внимание власти этого уровня уделяют лишь тогда, когда обостряется ситуация, да и это внимание краткосрочно.

Таким образом, что касается отношений местной власти в Обнинске с сообществами, можно сказать, что власть реализует лишь внешние признаки демократии, стараясь максимально не вмешиваться в происходящее. Это отражается и в местных СМИ, в которых практически невозможно найти материалы от лица представителей администрации, вплоть до публикации официальных документов. Но есть и реальные попытки демократизации: частично власти всё же допускают участие общественности в принятии решений (см.: [1]). Деятельность властей активизируется только в тех случаях, когда требования различных слоёв населения транслируют неправительственные организации, причём не один год.

Библиографический список

1. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционной среде. – М.: Институт социологии РАН, 2007.
2. Обнинск занял второе место в конкурсе «Самый благоустроенный город России» за 2008 год // Informetr. Недвижимость Калужской области. 13.10.09. URL: <http://www.informetr.ru/journal/news/obninsk/4994> (7.12.2011).

Неспособность власти решить исследуемую проблему заключается не в том, что отсутствуют необходимые средства, а в том, что недостаточно влияние общественности на процесс принятия необходимых решений, что, собственно, и позволяет власти бездействовать.

Деятельность властей активизируется только в тех случаях, когда требования различных слоёв населения транслируют неправительственные организации, причём не один год.

3. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998.
4. Турен А. Социальные изменения двадцатого столетия // Социологическое обозрение. 2002. Том 2. № 4.
5. Райдер Р. История этики защиты животных и её современный этап // Гуманитарный экологический журнал. 2001. Т. 3. Вып. 2.
6. Рыбалко В. А. Обзор мирового опыта в решении проблемы бездомных животных // Ветеринарная патология. 2006. № 2 (17).
7. Артюшенко О. Иностранцы защитники животных отмечают: в Украине проблему бездомных собак решают насильственными методами // Первый Национальный. 2010. 12 ноября. URL: <http://1tv.com.ua/ru/news/2010/11/12/2450> (7.12.2011).
8. Яницкий О. Н. Социальный капитал российского экологического движения // Социологический журнал. 2009. № 4. С. 5–21. URL: http://www.isras.ru/files/File/Sociologymagazin/Socmag_04_2009/01_Ynitsky.pdf (7.12.2011).
9. Никольский А. Мэрия Москвы выделит 780 млн рублей на бездомных животных в 2011 году // Пресс-выпуск РИА Новости. 2011. 14 ноября.
10. Не бей бродячего // Коммерсантъ - Власть. 2005. № 8 (611).
11. Власти Москвы собираются вывозить бродячих собак в регионы // Газета.ru. 24.06.2008. URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2008/06/24/n_1235034.shtml (7.12.2011).
12. Постановление Правительства Москвы от 1 октября 2002 г. N819-ПП «О формировании системы управления и финансирования комплекса мер по улучшению содержания, использования и охране животных в городе Москве». Приложение 2 к постановлению Правительства Москвы N819-ПП (в ред. Постановления Правительства Москвы от 14.02.2006 N 89-ПП).
13. Безопасность. Кто травит собак у Ярославки? // Звездный бульвар (газета Северо-восточного административного округа города Москвы). 2008. № 5 (202).
14. Петренко В. Бездомных собак никто не берёт // Газета.ру. 14.03. 2007.
15. Одиннадцать приютов для бездомных животных построят в Москве // РИА Новости. 30.12.2010.
16. Звезды кино будут призывать москвичей приютить бездомных собак // РИА Новости. 20.11.2009.

17. Защитники бездомных животных штурмуют мэрию // Инфоцентр «Спасите животных». 05.02.2010. URL: <http://saveanimals.ru/node/130> (7.12.2011).
18. В Москве больше не будут убивать бездомных кошек и собак // БалтИнфо. 11.10.2010.
19. Сальникова М. Защитники животных показали воронежцам покалеченных собак // Моё. Online. 2010. 17 мая. URL: <http://news.moe-online.ru/view/219062.html?module=4&year=2011&page=9> (7.12.2011).
20. Николаевские защитники животных победили департамент ЖКХ – им дадут другое место для приюта // Никвести. 2010. 25 апреля. URL: <http://nikvesti.com/news/9438> (7.12.2011).
21. Защитники животных раскритиковали законопроект, направленный в Госдуму // Росбалт Новости. 2011. 15 февраля URL: <http://www.rosbalt.ru/2011/02/15/819628.html> (7.12.2011).
22. Андреева Н. Саратовская область. Защитники животных добились, чтобы чиновники приняли правила отлова бездомных кошек и собак // Новая газета. 2010. 13 июля. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/841564.html> (7.12.2011).
23. Халий И. А. Местные сообщества в России – носители инноваций и традиционализма // Власть. 2008. № 5.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Учреждение Российской академии наук
Институт социологии РАН
Издатель – Учреждение Российской академии наук
Институт социологии РАН

Председатель международного редакционного совета:
Владимир Александрович Ядов

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Елена Николаевна Кофанова

Перевод аннотаций на английский язык: Михаил Фёдорович Черныш

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 29 апреля 2010 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-39594

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, кор. 5, каб. 303

E-mail: sekretar@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>